

Гиржи Грошек

Помпеи нон грата

Амфора

Annotation

Современный русский писатель Иржи Грошек предлагает на суд читателя новый роман, щедро наполненный юмором, самоиронией и фантасмагорией. Исторические и культурные аллюзии воплощены автором в образе обаятельного писателя-неудачника. Все персонажи существуют в некоем архиепическом пространстве места-времени, где в последний день перед извержением Везувия случаются странные и безусловно смешные истории, а древнеримские Помпеи превращаются в заброшенный российский городок на побережье Черного моря.

- [Иржи Грошек](#)
 - [Книга I](#)
 - [Книга II](#)
 - [Книга III](#)
 - [Помпеи. Дом Юлии Феликс](#)
 - [Переписка гетер и параситов](#)
 - [Книга IV](#)
 - [Книга V](#)
 - [Книга VI](#)
 - [Книга VII](#)
 - [Помпеи. Дом Трагического поэта](#)
 - [Книга VIII](#)
 - [Книга IX](#)
 - [Каллипига](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
-

Иржи Грошек

Помпеи нон грата

Союз писателей предупреждает!

В книге отсутствуют описания природы и биометрические характеристики персонажей

Его так и звали – просто Город, и, когда говорили «Упс!», все понимали, что речь идет о Помпеях

Книга I

Клио

По-видимому, и Гомеру эта история была хорошо известна. Но поскольку она не так хорошо подходила к его эпосу, как другое принятое им сказание о Елене, то Гомер нарочно отбросил эту историю...

Геродот

Из семи смертных грехов, что свойственны человеку по мнению Тертуллиана, меня смущают прелюбодеяние и разврат. Во-первых, как сознательный гражданин, начинающий богослов и относительно молодой писатель – я полагаю, что хрен редьки не слаще; а во-вторых, чужие жены не кажутся мне лучше своих. Если, конечно, не путать Анджелину Джоли с Авдотьей Ивановой. Я понимаю, что всякая Анджелина просто мечтает со мной встретиться, однако до сей поры мне попадались одни Ивановы, а это откровенный разврат. Поверьте моему горькому опыту. До семи Ивановых, как Синяя Борода, я пока еще не дотянул, однако пять представительных жен у меня было. После чего ну совершенно не тянет на прелюбодеяние.

Вдобавок семейная связь вредит любому роду искусств. Художник замыкается на обнаженной натуре своей жены, озадаченный кинорежиссер не видит другой перспективы, писателя вдохновляют домашние котлеты, а девять отверженных муз рыдают над разбитым корытом!

Эрато, муза любовной поэзии, плачет над сломанной лирой; Евтерпа, спонсор лирической песни, подвывает над флейтой; Каллиопа, главный редактор эпических произведений, торгует книгами в Доме культуры имени Крупской; Клио, покровительница истории, периодически впадает в беспамятство; Терпсихора, муза танцев, побирается у театра оперы и балета; Талия, муза комедии, лежит с высокой температурой; Мельпомена, муза трагедии, ходит с венком из плюща; Урания, муза астрономии, промышляет в ночное

время с фомкой и астролябией; а потерявшая слух Полигимния утешается русским шансоном!

То есть изящное искусство сориентировано на извлечение утилитарной прибыли, покуда им заправляет жена! Она требует художественных произведений и готова стоять рядом со сковородкой для ускорения творческого процесса.

Поэтому, ради отечественной культуры, я настоятельно рекомендую, чтобы марш Мендельсона исполняли при любых обстоятельствах, будь то свадьба или расторжение брака, а в особо торжественных случаях – на похоронах. И назидательно, и музыкантам пользительно. Не надо мне месяца на раздумье после так называемой помолвки! Только сбациайте свадебный марш Мендельсона – может, и сам одумаюсь...

В последний раз я погорел, когда переписывал батюшку Геродота, его «Историю в девяти книгах», и выдавал за свое. И не корысти ради, а дабы все от меня отвязались, мол, разве не видите, что я работаю над новым романом?! Однажды жена выкрала эту рукопись и поперлась в издательство, что не придет в голову ни одной порядочной музе – извлечь материальную выгоду из пятисот страниц чужого текста.

– Извините, мадам Геродот, – без тени улыбки сказал главный редактор, – однако ваш дорогой супруг уже получил гонорар за это произведение.

– Когда? – удивилась жена, теперь бывшая.

– Две с половиной тысячи лет назад! – сообщил главный редактор, который давно смирился с авторскими выкрутасами и перестал им удивляться.

– Получил и конечно же пропилил! – решила жена. – Или истратил на девок!

– Ну, я не знаю, – тактично заметил редактор. – Поведение современного автора сложно предугадать. Я готов поручиться только за классиков... А чем занимается ваш дорогой супруг в свободное от Геродота время?

– Если нет гонорара, мне это неинтересно, – закончила разговор жена.

Собрала чемоданы и переехала к маме, где составила «Декларацию о полном суверенитете от разных прохиндеев». И четвертого июля, в День независимости США, мне дали почетную

грамоту о пятом разводе, можно сказать – бесплатный талон на разврат и три года гарантии. После чего я решил сменить обстановку и совершить круиз по Средиземному морю, чтобы среди кровожадных акул подзарядиться новыми положительными впечатлениями для будущего романа.

Конечно, меня терзали сомнения – ехать с музами или без муз, но, поразмыслив, я пришел к выводу, что отдыхать со своими девятью самоварами нецелесообразно. Как заниматься сексом с бывшей женой или беседовать о пятнах Роршаха с психоаналитиком. Потому что дальнейшая эксплуатация морально устаревшего оборудования грозит производственной травмой, а в пятнах Роршаха нет вообще никакого смысла.

– Алло! Это бюро адюльтера и разврата?! В смысле – экскурсий и путешествий?! Что вы предлагаете?! Мне все равно, в каком направлении, только без крайностей! В смысле, в Сибирь я не поеду, а в семейный пансионат меня не пустят...

[1] Как-то раз в ресторане я опрокинул на стол чашку кофе и познакомился с женщиной-психоаналитиком.

– Что вы видите? – спросила она.

– Где? – растерялся я.

– На скатерти! – сообщила она и указала на коричневое пятно.

Честно сказать, я видел там контурную карту Римской империи эпохи Нерона, то есть в границах до шестьдесят восьмого года, однако сомневался, что женщина разбирается в таких нюансах, не свойственных психиатрии. Поэтому я прикинулся дурачком и соврал, что вижу на столе обыкновенное свинство.

– Это кинетический образ? – допытывалась она.

– Конечно! – подтвердил я. – Смотрите, как шустро расползается!

Пятно и на самом деле весьма энергично увеличивалось в размерах.

– А что, по-вашему, здесь преобладает, – не унималась женщина, – цвет, форма или движение?

– Даже и не знаю, – озадачился я. – Скорее всего, цикорий!

Тут я решил, что вопрос исчерпан, и, оперируя указательным пальцем, стал размазывать карту империи – от Британских островов до Пантикапея. Однако настырная дамочка продолжала топтаться рядом да еще принялась бурно дышать. А подобное поведение «слабого

пола», наверное, все мужчины воспринимают как выражение симпатии, а не процесс поглощения кислорода женским организмом.

– Вас возбуждает цикорий? – деловито уточнил я.

– Нет, – покачала головой дама. – Меня умиляет ваше инфантильное поведение.

– Я полон потенции! – на всякий случай предупредил я.

– И тем не менее возите по столу пальцем, словно ребенок, – пояснила она.

– А чем же еще мне возить в публичном месте? – несколько удивился я. – Назовите хотя бы один предмет, кроме пальца, чтобы я им воспользовался, не привлекая общего внимания!

– Ну, например, салфетка, – осторожно предложила она.

Ишь чего выдумала!

– Во-первых, салфетка – это не предмет, а промокательная бумага, – важно определил я. – И во-вторых, она не способствует расширению Римской империи на восток. А значит, приграничные районы Галлии будут и дальше страдать от набегов германцев из-за Рейна!

– Так, так, так... – заинтересовалась дама и в общем-то без приглашения присела за мой столик. – А где, вы говорите, Рейн?

– Да вот же он, – я указал на столовый нож, что занимал на кофейном пятне соответствующее положение.

– Так, так, так... – повторила дама, когда уяснила для себя тревожное положение Римской империи согласно моей контурной карте. – И что вы намерены предпринять?

– Надо построить мост, – заявил я, – а шестому галльскому легиону перейти через Рейн и что есть силы ударить по неприятелю!

Тут я как следует треснул кулаком по германским позициям, однако упустил из вида солонку, которая после моих решительных действий перелетела на соседний столик и нанесла непоправимый урон куриному бульону.

– Ну надо же! – изумился я.

А тем временем к месту событий стали стекаться официанты. Я и не знал, что у варваров столько резервов.

– Ситуация под контролем! – заверила всех моя дама.

Ну а я счел своим долгом немедленно расплатиться за необратимые потери в ходе последней Галльской войны, включая

уничтоженный шестым легионом куриный бульон.

– И хотя с точки зрения современной психиатрии ваш случай не уникален, – сообщила мне дама, как только мы оказались на улице, – но я бы продолжила свои наблюдения сегодняшним вечером. Скажем, у меня дома...

– А кофе у вас есть? – счел нужным уточнить я.

– И кофе, и психиатрическая кушетка, – ответила дама. – И даже полное собрание сочинений Зигмунда Фрейда!

– А вы проявляете ко мне нешуточный интерес, – в свою очередь заметил я.

– Это когнитивная эмпатия, – улыбнулась она, как бы подтверждая, что так называемая прелюдия будет самой заунывной в моей сексуальной практике.

Ибо нет ничего предикативнее, чем пудрить мозги психоаналитику в разгар ее когнитивной эмпатии.

– А вы не подскажете, что все это значит? – осторожно поинтересовался я.

– Постигание эмоционального состояния другого человека посредством интеллектуального сопереживания, – охотно поделилась она своими планами на предстоящий вечер.

А я с удовольствием участвую в экспериментах, особенно если дама имеет привлекательную научную степень.

И поэтому, без возражений насчет Зигмунда Фрейда, я отправился к ней домой, где мы усердно занимались до утра предикативной и когнитивной эмпатией на удобной психиатрической кушетке.

После чего я регулярно ходил к этой дамочке на прием в качестве уникального пациента. Потому что благодаря еженедельной эмпатии у меня обнаружили все признаки вначале шизофрении, а потом и более тяжелых расстройств...

Ну, например, по мнению лечащего врача, я находился в плену маниакальной триады: Крым, Рим и медные трубы. По поводу Крыма и «древнего Рыма» не стану спорить, однако медные трубы не так чтобы очень меня волновали. Хуже, когда человек видит повсюду фаллические символы, а римские арки вполне допустимы.

Кроме того, меня заклеямили как олигофрена, что является промежуточной стадией между дебилом обыкновенным и

окончательным идиотом. И только по той причине, что я не могу найти в холодильнике ничего, кроме бутылок и банок с пивом.

– Дорогая, ты не подскажешь, где здесь лежит ветчина?!

– На верхней полке, кретин!

Должен признаться, что как-то вечером я пригласил на психоаналитический сеанс еще одну даму, а именно окулиста, дабы выяснить наконец – что у меня со зрением? Но дальше консультаций дело не продвинулось. То есть эмпатии втроем не получилось. Ну, разумеется, я понимаю, что окулист и психоаналитик это тебе не блондинка с брюнеткой, а разнопрофильные специалисты, но почему они ставят один диагноз – сексуальный маньяк?

После этого случая я окончательно разочаровался в современной психиатрии, а заодно и глазных болезнях. Когда внезапно прозрел и уяснил, что занимаюсь сексом не с женщинами, а чувством собственной неполноценности. Вдобавок о моей эмпатии каким-то образом узнала жена, наверное по пятнам Роршаха на одежде, и накануне развода мне отомстила. Вывезла из квартиры всю мебель, чтобы я не использовал наши совместно нажитые психиатрические кушетки в личных когнитивных целях.

* * *

В бюро путешествий мне выдали целую кипу рекламных проспектов, которые ваш покорный слуга разложил на три аккуратные пачки:

первая – «Экстремальный туризм», где красотки в бикини нежились на шезлонгах;

вторая – «Страсти господни», со старушками в белых панамках;

и третья – «По следам капитана Кука: в гости к аборигенам».

– Ваше фамилие?

– Кляйн.

– Имя?

– Ингмар.

– Профессия?

– Прощельга... В смысле щелкопер!

– Не существует такой профессии, имени и фамилии!

– А по-вашему, заграничный тур – это горный кавказский козел?!

Надо заметить, что с девушкой-менеджером я препирался сознательно, к тому же врал и увиливал от прямых ответов. Поскольку полагал, и вполне обоснованно, что если расскажу о себе правду, то с подобной анкетой я могу рассчитывать только на бунгало где-нибудь в джунглях экваториальной Африки. Не знаю, как обстояли дела с другими клиентами этого туристического бюро, но вскоре наше милое собеседование стало напоминать «разговор по душам» со следователем.

– Я вас в пятнадцатый раз спрашиваю! – надрывалась девушка-менеджер. – Как?! Ваше?! Фамилие?!

– А я вам в шестнадцатый раз отвечаю, – не унимался я. – Ингмар Кляйн! В нашей семье всех мальчиков называли Кляйн. Мой папенька – Кляйн! Мой дедушка – Кляйн! И даже мой прапрадедушка был жуткий барон фон Кляйн!

– Покажите паспорт!

– Еще чего!

Так продолжалось довольно долго, и естественно, что наши вопли растревожили интересную женщину лет тридцати, которая тихо сидела себе на диванчике до поры до времени и меланхолично листала туристические буклеты.

– Три тысячи чертей! – воскликнула она. – И один чертенок! Неужели я вижу Ингмара Кляйна собственной персоной?!

Такой оборот событий несколько обескуражил девушку-менеджера, во всяком случае, она перестала сверлить меня взглядом и переключилась на интересную женщину.

– А вы его знаете? – удивилась девушка.

– Эх, молодость-молодость, – со вздохом ответила женщина. – Да кто же не знает Ингмара Кляйна?!

– А вот в Интернете пишут, что это фейк! – нахмурилась девушка-менеджер и указала на монитор компьютера.

– Прекратите ругаться, хотя бы в рабочее время, – посоветовала ей женщина.

– Да вы сами посмотрите! – предложила девушка. – Говорят, что нет такого писателя... Ингмара Кляйна!

– Да как же нет, если он пишет?! – всплеснула руками интересная женщина. – Вот если бы не писал – другое дело! Тогда это фак, а не

фейк! А так, я думаю, что вам надо сменить провайдера!

– Спасибо, – язвительно поблагодарила девушка. – При чем тут провайдер? Меня он вполне устраивает!

– А мне нравится Ингмар Кляйн! – в свою очередь заявила интересная женщина. – Я люблю активную протоплазму! Но я люблю и пассивную протоплазму! Короче говоря – ай лав вис гейм!!! – провозгласила она, и весьма патетически.

Конечно, я пользуюсь некоторой популярностью среди читателей, особенно в пригородных электричках. Однако не дальше шестой зоны. То есть до Зеленогорска. Поэтому постарался замять конфликт, чтобы не привлекать внимания таможенных и налоговых органов, мол, на какие-такие шиши Ингмар Кляйн собирается в путешествие?! Да еще за пределы распространения, обозначенные в авторском договоре!

– Что вы кричите, как Беллинсгаузен? – уточнил я у женщины. – В смысле как белены объелись!

– Фанатею! – призналась она, покинула свой диванчик и стала приближаться ко мне с распростертыми объятиями.

А это, на мой дипломатический взгляд, противоречило Женевскому протоколу о встречах писателя и читателя.

– Что вы собираетесь делать? – насторожился я.

– Тискать и жмякать! – сообщила интересная женщина о своих намерениях. – Потому что не каждый день можно увидеть живого писателя, а тем более Ингмара Кляйна!

– Вы просто редко бываете на Невском проспекте, – возразил я. – А там любых сумасшедших хоть пруд пруди...

[2] Один, по слухам бывший актер, всегда прохаживался по левой, так называемой солнечной стороне Невского проспекта и время от времени снимал свой берет и чинно раскланивался с прохожими. Его гардероб состоял из театрального реквизита Александринки, во всяком случае, я там видел похожий костюм на Землянике. Только у нашего «попечителя богоугодных заведений» из нагрудного кармана торчал ершик для мытья молочных бутылок, окрашенный в розовый цвет, что, по всей вероятности, олицетворяло собой розу в петлице.

Другой городской сумасшедший зачитывал наизусть свежую газету и пользовался большой популярностью у продавщиц галантерейных магазинов, которые находились на правой стороне Невского проспекта. Кассирши тоже бросали свои дела и замирали,

словно истуканы, пока Говорящая Газета оглашал программу телепередач на предстоящий вечер. А тот, в свою очередь, с дикторскими интонациями распространял «международную» информацию на весь торговый зал: «В двадцать три часа десять минут выступает ансамбль „А, Бе, Бе, А“!»

Третий субъект не ходил по проспекту, а ездил на собственном таксомоторе, и если вы спросите, почему не в карете скорой помощи, то мне придется пояснить, что этот городской сумасшедший работал таксистом, а не водителем у Скворцова-Степанова. Но как, спросите вы, могли сумасшедшего выпустить на линию?! А каким образом за воротами автопарка оказалось его такси?! Ибо! По всем законам физики и механики, техники и фантастики, автомобилестроения и здравого смысла этот агрегат вообще не должен был ездить. То есть два чуда нашли друг друга: он – седовласый господин не в своем уме, она – лохматая тачка, некогда марки «Волга».

Я дважды удостоился чести дефилировать по Невскому проспекту на этом такси. Причем за нами тащилась целая автомобильная процессия, которая непрерывно гудела и материлась. Однако жуткий тандем из фильма «Трансформеры» не проявлял по этому поводу никаких эмоций – ни человеческих, ни механических – и продолжал движение с крейсерской скоростью три сантиметра в час. Она дребезжала всеми частями «тела», он молча смотрел вперед. Почему я счел их сумасшедшими и опасными для окружающих – точно не знаю. Наверное, нервы ни к черту! Но до конца проспекта, куда глядел ненормальный водитель, я так ни разу и не доехал – вышел на полдороге – и до сих пор надеюсь помереть в своей постели, а не в салоне такси.

Что же касается остальных городских сумасшедших, то они были вполне безобидными. Ведь недаром известный еженедельник в своем «Обзрении Невского проспекта» написал про меня, что «Ингмар Кляйн очень мил!».

* * *

– Ну, сумасшедших везде хватает, – резонно заметила интересная женщина. – Да что там говорить, – вздохнула она. – Мы все

сумасшедшие наполовину!

– А в Интернете пишут, что человек на семьдесят пять процентов состоит из воды, – встряла девушка-менеджер.

– Немедленно отключайтесь, – прикрикнула на нее интересная женщина. – У вас этот процент перевалил за сто! Вот наказание! – всплеснула руками она. – Раньше нам заливало общество «Знание», а теперь они пудрят мозги друг другу по Интернету!

– Да вы просто ламер! – возмутилась девушка-менеджер.

– А это что такое? – удивилась интересная женщина.

– Воинствующий «чайник», – сообщила девушка. – Вот тут, в Интернете, есть статья «Комсомольской правды», где все подробно изложено! Почитайте на досуге!

– Я, милочка, предпочитаю парить в других эмпиреях, – подчеркнула интересная женщина. – К тому же давно вышла из комсомольского возраста и не собираюсь туда возвращаться! А еще раз назовешь меня чайником, я врежу тебе по тыкве!

Девушка-менеджер быстро прикинула свои перспективы и только пробурчала:

– Ну и клиент пошел...

После чего уставилась на монитор и снова погрязла в Интернете. А мной – в виде бонуса или приза – полностью завладела интересная женщина.

– Вы не могли бы поставить автограф? – спросила она.

– Куда? – осторожно осведомился я, поскольку в моем, извините, паспорте еще не высохли фиолетовые чернила на странице о семейном положении.

Но тем не менее, как любезный писатель, я оглядел ее с головы до ног, вернее, с ног до головы, чтобы выбрать подходящее для автографа место. Даже придумал свежее «помпеянское» граффити: «Здесь был Ингмар Кляйн!» Однако все интересное в этой женщине находилось под антивандальным покрытием.

Я не скажу, что брючные деловые костюмы на лицах женского пола меня вдохновляют, но – провоцируют на разные сексуальные безобразия. И не похоти ради, а чтобы вернуть уважение к мужской одежде.

– У меня тут чудесным образом завалялся ваш первый роман, – между тем заявила женщина, порылась в сумочке и достала оттуда

невзрачного вида книгу. – Подпишите, пожалуйста! Д-л-я Ю-л-и-и Ф-е-л-и-к-с, – по буквам продиктовала она.

– Это кто?

– Я, – пояснила интересная женщина и довольно интимно мне подмигнула. – Ваша предан-н-н-ная поклонница!

И опять подмигнула, что вызвало у меня неоднозначные чувства. С одной стороны, всегда приятно иметь поклонниц, а с другой – в каком, извините, смысле? Нет, когда они существуют в параллельном, читательском мире и восхищаются современной литературой – смысла в них мало. Но как только поклонницы переносятся в повседневную жизнь – становится страшно за автора! Например, я дословно не помню, что именно насочинял. И как этот бред отразился на бедных читательницах – тоже имею смутное представление. И если поклонницы ищут в писателе сексуального террориста, согласно литературному произведению, или остроумного собеседника, как в первом романе, то мне остается только драпать! Во избежание столкновения фантазий с действительностью.

– «Юлии Феликс! На память об авторе!» – от души накарякал я.

– Странно звучит, – заметила Юлия Феликс. – Что это значит – «на память»? На долгую-долгую, что ли? И почему – «об авторе»? Вы собираетесь нас покинуть? – И запихнула книгу обратно в сумочку.

– Вообще-то я собираюсь на Средиземное море! – сообщил я. – А эту книгу вы сами купили, и будет неправильно, если я подпишу «на память ОТ автора».

– Кстати, о памяти, – напомнила о себе девушка-менеджер. – Вы не забыли, зачем сюда пришли?

– В одной современной пьесе, – ответила за меня Юлия Феликс, – на сцену время от времени выходит болван с тарелками и говорит «Блямс». Как вы думаете, зачем он это делает?

– Грязно ругается, – предположила девушка-менеджер.

– Не угадали, – фыркнула Юлия Феликс. – Он объявляет антракт...

[3] Я видел однажды содержимое дамской сумочки и сумел сохранить рассудок. Надо учитывать, что этот эксперимент проходил в щадящем режиме. Добрая дамочка опорожняла сумочку постепенно, иначе я бы тут же отдал богу душу! Вначале она выложила на стол:

три пилочки, щипчики, большой кухонный нож и спицы для вязания, на которые можно было бы насадить молочного поросенка и спокойно зажарить;

далее – зеркало заднего вида от внедорожника, три боекомплекта губной помады «Каждый-Охотник-Желает-Знать-Где-Сидит-Фазан» и черную тушь, которой пользуются диверсанты в целях маскировки;

после чего – точильный камень, бутылку кваса и книгу «Как сделать слоника из полотенец»;

и наконец – плоскогубцы и два баллона слезоточивого газа для разгона демонстраций.

– Кроме спиц для вязания, я все могу объяснить! – заявила дамочка, пшикнула газом и брыкнулась в обморок. – Случайно, – сказала она, как только пришла в себя. – Вот почему я ношу два баллончика, по-македонски, чтобы не промахнуться!

– А плоскогубцы? – уточнил я.

– Ну, это не главное... – отмахнулась дамочка и достала из сумочки фомку и гвоздодер. – У меня иногда заедает входная дверь... – пожаловалась она.

С тех пор я уверен – в дамской сумочке может быть все что угодно. Но только не роман Ингмара Кляйна!

МУЗА. Я МУЗА, А НЕ ЛЕЖАЧИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ, ЧТОБЫ ПО ТЕКСТУ ОБ МЕНЯ СПОТЫКАЛИСЬ!

– Кстати, – заметил я по поводу комплектации Юлии Феликс. – К вашему костюму больше подошел бы солидный деловой портфель, а не дамская сумочка.

– Это смотря что в нее положить, – резонно возразила Юлия Феликс. – Иногда и сумочкой можно так огреть, что просто закачаешься!

Тут я поспешно переменял тему.

– Мне почему-то кажется, – сообщил я, – что наша встреча не случайна.

– Именно-именно! – горячо поддержала меня Юлия Феликс. – Вы тоже верите в предзнаменования? Иногда вдруг сломается каблук в самое неподходящее время, а ты хромаешь дальше и думаешь, что сегодня будет все наперекосяк...

По правде сказать, я никогда не ходил на каблуках, однако счел нужным поддакнуть:

– Да-да, бывает.

– Или заходишь в туристическое бюро, – продолжила Юлия Феликс свои размышления о совпадениях и предзнаменованиях, – а там Ингмар Кляйн собственной персоной. Ну-у, думаешь, прощай, всемирная литература! Уж больше мне не читать Кафку и Джона Фаулза! Лезешь в сумочку за помадой, чтобы причипуриться, а там опять Ингмар Кляйн, чтоб ему пусто было! Ведь это просто какое-то наваждение – куда ни сунешься, везде Ингмар Кляйн! И должна заметить, что вы шустры, словно Гермес! – закончила тараторить Юлия Феликс.

– А я со своей стороны, – дипломатично подытожил я, – могу только извиниться за доставленное беспокойство. И порекомендовать вам что-нибудь из классической литературы. Ну, например, «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря.

– Это который мог заниматься двумя делами одновременно? – уточнила Юлия Феликс. – Не знаю, как можно его читать, если он лыка не вяжет!

– Какого лыка? – не понял я.

– Ну, поговорка такая, – пояснила Юлия Феликс. – «Не вяжет лыка» или «пьян, как Юлий Цезарь»!

– Что-то я не встречал такой поговорки насчет Юлия Цезаря, – задумался я.

– Если хотите, можете встретиться, – пожала плечами Юлия Феликс.

– Где? – растерялся я.

– В Помпеях, – невозмутимо ответила Юлия Феликс. – Где у меня небольшая, но комфортабельная гостиница с полным пансионом! Дивное место для отдыха!

Здесь нашу беседу снова прервала девушка-менеджер.

– Attention! Attention! – заголосила она. – Attention! Attention! У нас переманивают клиента!

И – как оказалось, на условный сигнал – тут же примчалось вышестоящее руководство в клетчатой юбке.

– Вы шотландец или шотландка? – озадачилась Юлия Феликс, глядя на эту личность.

– Я старший менеджер! – заявило клетчатое руководство. – Не надо смотреть на мою юбку – там ничего не написано!

– А другие опознавательные знаки у вас имеются? – не унималась Юлия Феликс. – Я, например, в брючном костюме, но никто не рискнет назвать меня джентльменом!

– По бейджику я – Анна Владимировна! – представилось руководство. – Можно узнать, что случилось?!

– Попытка несанкционированного доступа! – отрапортовала девушка-менеджер. – Иначе говоря, хакерская атака! – И указала пальцем на Юлию Феликс.

– В чем это выразилось? – спросила Анна Владимировна.

– Проникновение в базу данных! – Теперь девушка-менеджер указала пальцем в моем направлении.

– Базе данных мы предоставим скидку, – решила Анна-бейджик-Владимировна. – А вы, гражданочка-хакер в брючном костюме, немедленно покиньте помещение туристической фирмы!

– Да ты на себя посмотри! – как ни в чем не бывало ответила Юлия Феликс. – Вылитая кикимора!

– Что-о-о?! – возмутилась Анна Владимировна и приблизилась к Юлии Феликс на опасное расстояние.

А я видел неоднократно, с какой легкостью женщины переходят с общих проблем на личные. И поспешил вмешаться...

– Брейк! – выкрикнул я согласно правилам этого вида спорта.

Юлия Феликс дисциплинированно сделала шаг назад.

– Бокс! – разрешил я.

И участницы соревнований продолжили схватку...

– Сама ты харкер! – сообщила Юлия Феликс.

– Ну ты и стерва! – брызжа слюной, воскликнула Анна Владимировна.

– Гонг! – во всеуслышание объявил я. – Спасибо, что уделили мне время! – После чего обратился к Юлии Феликс: – Мне помнится, вы что-то говорили о полном пансионе...

– И не отказываюсь от своих слов! – подтвердила она. – Комнаты с видом на море, итальянская кухня, французский шеф-повар, девушки в бикини... Что еще надо писателю для полноты ощущений?!

– Клиент, опомнитесь! – всполошились менеджеры. – Только мы сделаем отдых незабываемым!

В чем я несколько не сомневался, однако предпочел другой экскурсионный маршрут и ретировался под руку с Юлией Феликс.

– Райский уголок! – щебетала она. – Я рада, что на правах поклонницы могу предложить вам лучшие апартаменты, а как хозяйка гостиницы – совершенно бесплатно! Считайте, что вы у меня в гостях, включая перелет туда и обратно. Я думаю, мы подружимся и найдем общий язык, даже если он – русский!

Вы помните притчу про яблоко и Адама? Два этих предмета обретались в Раю на правах федеральной собственности и поддерживали нейтралитет: Адам не трогал зеленых яблок, и с ним ничего чрезвычайного не случилось. Для каких, извините, целей Адаму понадобилась блондинка, а, к слову сказать, не ящик светлого пива, доподлинно неизвестно. Но с той поры женщины вовлекают нас в разные авантюры, потому что им неприятно видеть, как мужчина наверстывает упущенное – безмятежно живет и хлебает свое пиво...

Ранним утром пятого июля в главном зале аэропорта я занимался спортивной ходьбой, пугая прилетающих и отбывающих пассажиров. С Юлией Феликс мы условились встретиться в местном баре, однако не уточнили, на каком этаже, что, безусловно, меня забавляло. Я лихо перемещался из бара в бар, не забывая отметить в каждом – стопкой текилы или бокалом пива.

– Мне кажется, что французский «Конкорд» возобновил свои рейсы, – заметил один из барменов, когда я в четвертый раз за каких-то пятнадцать минут посетил его заведение.

Таким образом я контролировал два этажа, покуда Юлии Феликс это не надоело.

– Вы долго будете бегать с озабоченным видом?! – спросила она. – Стойте на месте, вам говорят! Наш вылет задерживается!

Юлия Феликс сидела на живописной скамейке под искусственной пальмой и листала толстый иллюстрированный журнал. По-моему, «Вог».

– Как вы здесь оказались?! – удивился я, потому что раз пятьдесят пролетал мимо этой скамейки и, как бобик, косился на пальму.

– Вам следует меньше таращиться на блондинок и стюардесс, – пояснила Юлия Феликс. – Тогда восстановится кругозор.

Честно говоря, я отдаю предпочтение методу Брайля, однако не всякая девушка любит знакомиться таким способом. Вот почему я не решился прощупать скамейки – от пальмы до пальмы. Ведь только слепой мог не заметить Юлию Феликс.

Она привлекала внимание всех мужчин, словно маяк в штормовую погоду. Для кого-то служила ориентиром, кому-то казалась недостижимой, а кто-то упорно плыл навстречу своей гибели, предполагая, что это подмигивает Александрийский маяк, а не коварная Клеопатра. Короче говоря, именно так заманили наивного Антония в Александрию.

– Кстати, – сказал я, расположившись рядом с Юлией Феликс, – откуда у вас такая загадочная фамилия?

– Ну я ведь не спрашиваю, откуда у вас такой псевдоним?! – возразила Юлия Феликс.

Сегодня она надела футболку и шорты. А вчера мы купили билеты до Адлера и разошлись по своим делам, которых, например, у меня – никаких не было. Я вернулся в пустую квартиру, расстелил на полу надувной матрас, лег на него и стал размышлять о Юлии Феликс. Поскольку такие поклонницы нехарактерны для моего творчества.

Я ничего выдающегося не написал и нахожу утешение в том, что все выдающееся уже написано! Поэтому мои гонорары не фигурируют на страницах журнала «Форбс» и я неохотно верю, что женщина любой масти: бурая, белая, вороная, гнедая, игреня, изабелловая, караковая, каурая, мышастая, пегая, рыжая, саврасая, сивая и соловая, серая в мушках, в горчице и в яблоках – способна воспылать ко мне страстью без веских на то оснований. Правда, нервные дамочки, налетев на меня, кричат: «О, Господи!» Но я всегда говорю, что они ошиблись. Приняли за кого-то другого, промахнулись, просчитались, впали в заблуждение, получили неверную информацию...

МУЗА. КАК ВСЯКИЙ БОГ – Я АТЕИСТ, А КАК ЕВРЕЙСКИЙ – АНТИСЕМИТ!

– А?! Что вы сказали?! – переспросил я и чуть не грохнулся со своего «пьедестала».

Потому что на редкость удачно устроился на скамейке и задремал в развязной позе, а голову положил на колени Юлии Феликс. Скорее всего, пятая стопка текилы и раннее утро слегка подкосили вашего современника.

– Мне не хотелось вас беспокоить, – сообщила Юлия Феликс, – но только что объявили посадку!

– Премного благодарен, – смущенно пробормотал я и принял вертикальное положение.

– Welcome! – невозмутимо ответила Юлия Феликс. – Мы можем продолжить этот эксперимент в самолете. Я ничего подобного не ощущала с тех пор, как нянчила на коленях ежика.

– Должно быть, я плохо побрился, – предположил я.

– Ах, это мелочи! – вздохнула Юлия Феликс. – Но вы так эротично фыркали мне в колени, что я находилась на грани оргазма.

– Наверно, мне что-то приснилось, – снова предположил я, сознательно избегая бесед о женском оргазме как о явлении до конца не изученном.

Вдобавок такие откровенные разговоры ни к чему хорошему не приводят. Поскольку настоящий мужчина в первую очередь естествоиспытатель и после теории быстро переходит к практике. Ну и нарывается на неприятности. Потому что всякая женщина – это вылитый поп Гапон и рассуждает о своем оргазме только в целях подлой провокации. Мол, я вам душу открыла, по-дружески, а вы для чего на меня залезли?! И сконфуженный естествоиспытатель до конца своих дней носит за этой женщиной чемоданы.

– Что вы туда положили? – любопытно спросил я, едва поспевая за Юлией Феликс.

– Несколько летних костюмчиков и парочку новых купальников, – охотно пояснила она.

– А весят как Александрийская библиотека, – пробурчал я.

– Сперва вы склонялись к блондинке, – тем временем щебетала Юлия Феликс, направляясь к стойкам регистрации. – Мужчина, освободите дорогу! Но я сказала: «Какого черта»?! Отклеила вас от блондинки и переложила к себе на колени! Потому что известный писатель не должен спать где ни попадя! Мужчина, бегите отсюда, вам говорят!

Я поражался ее оперативности. Во всяком случае, мне бы пришлось часа полтора топтаться в длинной очереди на посадку. А Юлия Феликс – где словом, где делом – прокладывала себе дорогу, словно грейдер: мужчины с ней не связывались, а женщины – не решались. Нечто подобное я видел только однажды, когда две дочери канадского лесоруба торопились на рейс Торонто—Сидней.

– У вас неприятные воспоминания? Связанные с «Аэрофлотом»? – спросила меня Юлия Феликс у стойки регистрации.

– Нет, – машинально соврал я.

– Такого не может быть, – хмыкнула Юлия Феликс. – У всех натянутые отношения с этой организацией. А может быть, вы никогда не летали?

– Да я заслуженный пассажир всех «кукурузников»! – снова соврал я.

– Тогда покажите девушке наши билеты, – распорядилась Юлия Феликс. – Она уже дважды спрашивала. И сдайте в конце-то концов вещи в багаж. Что вы стоите, как памятник Пушкину, с двумя чемоданами?!

Вчера в кассах «Аэрофлота» я решительным образом настоял, что куплю билеты за свои деньги – туда и обратно. Хватит с меня и бесплатной гостиницы с полным пансионом.

– Ну мне-то обратный билет не нужен, – сказала Юлия Феликс. – А вам, как важной персоне, я обеспечу в номере макси-бар!

– Лучше миди, – посоветовал я. – И в гостинице будет тише, и я буду чаще выходить на воздух!

Минут через сорок мы ступили на борт «Боинга-747» и заняли свои места «для молодоженов». Ничем особенным они не отличались, кроме сервиса по высшему разряду. Юлия Феликс намекнула одной стюардессе, что мы отправляемся в свадебное путешествие, а дальше эту свежую для меня новость подхватил весь экипаж. Пилоты, во всяком случае, приходили на нас поглазеть, а бортпроводницы спрашивали у Юлии Феликс: «И чем же вы его кормите?» Слово редкого вида горилла и лечу в сопровождении дрессировщицы. Но тем не менее мы очень миленько проводили время, попивая шампанское и глядя на облака.

– Я всегда путешествую этим классом для молодоженов, – призналась мне Юлия Феликс. – И чем несуразнее выглядит муж, тем больше предлагают шампанского!

– Да, – согласился я. – Сегодня у них полный аврал!

– Фи! – возразила Юлия Феликс. – Всего-то четыре бокала! А вот когда я летела с карликом Пушечное Ядро из цирка лилипутов, нам сразу же выдали три бутылки шампанского и большую порцию черной икры. Правда, пьяного вдребадан карлика мне пришлось выволакивать из самолета, но зато их оказалось два...

– Что вы сейчас сказали? – не понял я.

– Второй ненормальный карлик находился у первого в сумке, – пояснила Юлия Феликс, – и просидел три с половиной часа на полке для ручной клади. Занемел и озлобился. Вот видите, даже у карликов есть свои маленькие хитрости. И когда я вынесла первого карлика из самолета, то нарушила равновесие в природе. Второй сумасшедший карлик, оставленный без присмотра, грохнулся с полки, освободился от упаковки, спустился по трапу и надавал тумачков первому карлику. После чего засунул пьяного друга в сумку и потащил в здание аэропорта. Не знаю, как эти чертовы лилипуты проходят предполетный контроль, зато катаются всюду по одному билету.

– Да вы отъявленная авантюристка! – достаточно игриво сказал я. – И как меня угораздило поддаться на уговоры и отправиться с вами в кругосветное плавание?

Честно сказать, я кривил душой, поскольку при определенных обстоятельствах любая мало-мальски оборотистая дамочка могла уговорить меня на что угодно.

– В том-то и фокус! – в свою очередь улыбнулась Юлия Феликс. – Иначе зачем артисту оригинального жанра хорошенькая и длинноногая ассистентка?

– Ну-у-у... – предположил я.

– Не только, – заметила Юлия Феликс. – Надо ввести в заблуждение зрителей, что главное – это ее ноги! А дальше... Писатель теряет бдительность, как только увидит фигуристую поклонницу своего таланта, и совершенно не обращает внимания на детали – что за книгу он подписывает...

– Приведите пример, – попросил я, хотя сразу же догадался, о каком долбанутом писателе ведется речь.

– С удовольствием, – откликнулась Юлия Феликс. – Как назывался ваш первый роман?

– «Прощальный обед тринадцатого легиона», – сообщил я.

– Все верно! – кивнула она, достала из сумочки книгу, открыла на первой странице и торжественно зачитала: – Юлии Феликс на память об авторе! – После чего продемонстрировала обложку: «Омлеты и яичница».

– Название тоже подбирали со смыслом? – горестно усмехнулся я.

– У меня не было времени разыскивать вашу книгу, – призналась Юлия Феликс, – что первую, что вторую, что третью! Я выбрала в

магазине подходящую по формату. Ведь последний роман Ингмара Кляйна печатали несколько лет назад, когда Бритни Спирс еще была девственницей!

– С Бритни Спирс все понятно, – отмахнулся я. – А вам для чего это понадобилось?

– Ну что я могу сказать, – пожала плечами Юлия Феликс. – Во всем виновата бурная молодость в стиле семидесятых. Тогда бы и Бритни Спирс закидали тухлыми помидорами. Мы все лишались девственности наперегонки – кто хором, кто поодиночке.

– Тьфу ты черт! – разозлился я, потому что спрашивал не об этом.

Конечно, меня больше интересовало – зачем Юлия Феликс устроила давешнее представление, чем лишение девственности целого поколения. Но почему, когда спрашиваешь «про это», все непременно думают об одном?!

– Не надо ругаться, – весьма доверительно обратилась ко мне стюардесса. – Где вы теперь сыщете девственницу?!

– В данный момент она меньше всего мне нужна, – пробурчал я. – Скажите, а пассажирские самолеты по-прежнему не укомплектованы парашютами?

– И презервативами? – тут же уточнила Юлия Феликс.

– Вам для чего эти изделия? – насупился я.

– А вам для чего парашюты? – осведомилась Юлия Феликс.

– Я, например, хочу немедленно выйти!

– А ваша молодая жена хочет немедленно помириться, – сообщила мне стюардесса по большому секрету. – Как это трогательно! Любить друг друга в заоблачных высотах!

– Девять тысяч метров над уровнем моря! – перевела Юлия Феликс заоблачную любовь в понятное измерение.

– Девять тысяч пятьсот, – внесла поправочку стюардесса. – Командир корабля, пилот первого класса Виктор Николаевич Попов, приветствует вас на борту нашего авиалайнера!

– Полный отпад! – Юлия Феликс закатила глаза и откинулась на спинку кресла, имитируя крайнюю степень женского восторга.

– Я могу уступить кладовочку, – намекнула мне стюардесса. – Там тесновато, но романтично!

– Вы насмотрелись западной порнографической продукции! – ответственно заявил я.

– Пока еще нет, – призналась стюардесса. – Отдельные фильмы приберегаю для семейного отпуска. Но, если начистоту, я тоже вышла замуж не девственницей. И до сих пор счастлива! Хотите еще шампанского?

Юлия Феликс моментально пришла в себя, аккуратно развернула платочек и приложила к своим глазам. Со стороны могло показаться, что женщина переживает, но я-то чувствовал, как она щиплется.

– Вы очень любезны, – откликнулся я на предложение стюардессы выпить шампанского, чтобы Юлия Феликс от меня отвязалась и прекратила щипаться.

– И вам, дорогая, – заметила стюардесса, – лишний бокал шампанского тоже не повредит!

– И два – не повредит, – уверенно заявила Юлия Феликс.

Однажды мне рассказали историю о женской солидарности. Кому-то кажется, что такого явления в природе больше не существует, однако остались еще окопы со времен амазонок...

[4] Жена и любовница никак не могли поделить одного мужчину. Почему свет клином сошелся на этом недоноске – вопрос другого порядка, ибо особой ценностью объект не отличался: полтора на полтора метра, без рамы, а сверху плешивый, как драп-поплюй, побитый молью. Ну и так далее, по каталогу для женщин, которым терять больше нечего: шибко пьющий, не в меру курящий, и что ни слово, то мат.

А наши красотки, наоборот, имели приятную внешность и привлекательную конструкцию, да вдобавок лет на пятнадцать были моложе своего избранника, и не в сумме, а по отдельности. Конечно, таких проявлений женского безрассудства достаточно много, некоторые, например, заводят чешуйчатых игуан. Однако все подозревали, что дело тут не в личных качествах новоявленной Годзиллы, а в женских принципах, которые интереснее всякой доисторической ящерицы.

Да что там Годзилла! Честно сказать, это милое пресмыкающееся не шло ни в какое сравнение с нашим героем. Во-первых, Годзилла не пьет до посинения; во-вторых, не требует щи из кислой капусты; а в-третьих, выглядит словно Ален Делон рядом с носорогом. Но обе дамы как ополоумели! И ухватились за это чудовище с разных концов.

Честно говоря, я не силен в анатомии Годзиллы и не могу достоверно вам сообщить, сколько концов у него было, но два – это точно, потому что наши дамочки тащили в противоположные стороны. Чем этот подлец поначалу и пользовался. Уйдет на ночь глядя к любовнице, а жена истязается, что распоследний в городе крокодил ею пренебрегает. Хоть прямо в канализацию лезь, а все равно такого же не найдешь! Вот и бегала бедная женщина к сексопатологу, дабы выяснить – что там новенького.

– Где? – спрашивает озадаченный сексопатолог.

– Да в «Камасутре» и «Брахмапутре»! – поясняет отчаявшаяся женщина.

Конечно, сексопатолог – многопрофильный специалист, но мало понимающий в женских принципах. Трахайтесь, говорит, чаще, и все наладится! А как вернуть крокодила в семью и на какие эрогенные кнопки нажимать – не рассказывает! Видимо, тоже не разбирается в анатомии Годзиллы. И отфутболивает несчастную женщину к психотерапевту. А тот, конечно, советует: трахайтесь чаще, и все наладится, если проблема не кулинарного характера – у кого кислые щи лучше!

– Я, – говорит жена, – извините, не сравнивала, а мой подлец только этим и занимается! Сегодня устрою ему перформанс! Надену белье красного цвета, как стоп-сигнал у светофора, а этой любовнице на причинное место присобачу кирпич! Мол, не все коту масленица – будет и пост ГАИ!

Так и случилось... Бегал подлец, бегал, сравнивал– сравнивал и окопнулся в одночасье, да посреди дороги, что от жены к любовнице. В смысле – досравнивался! Ну, кремировали бедолагу, чтобы места много не занимал на серванте. Ну, поставили урночку с прахом на видное место, чтобы жена утешалась своим эксклюзивом. Ну и конец истории, то есть – прощай и прости женские принципы!

Да только однажды в квартиру, где проживала вдова, пьяненько постучались, и на пороге возникла любовница, понятное дело – бывшая, однако по-прежнему – навеселе!

– Картина Серова «Ходоки у Ленина»! – сказала любовница оторопевшей вдове. – Я тут шлында-шлында и дошлында!

– Постыдилась бы! – ответила вдова. – Сама на себя не похожа!

– Картина Серова «Девочка с персиками»! – снова представилась «юморная» любовница. – А как тут наш миленький поживает?

И качнулась к серванту, где находился домашний колумбарий.

– Не густо! – посетовала она, глядя на погребальный сосуд. – Я-то думала, что побольше будет... Но все равно ты Лопе де Вега! В смысле – собака на сене!

– Кто-кто?! – грозным голосом переспросила вдова.

Однако любовнице было все по колено: и Сена, и Рейн, и далекая Амазонка. Она протянула вдове пустую консервную банку, где раньше водилась килька, и озвучила цель своего визита:

– Ты русский язык понимаешь?! Отсыпь, говорю, половину!

И указала, для ясности, на урночку с прахом покойного...

С тех пор вдова и любовница мирно жили в одном населенном пункте. Обожали совместно выпить и помянуть усопшего, который смертью своей попрали все земные законы и теперь находился у двух красавиц одновременно. У вдовы, как положено – в погребальном сосуде, у бывшей любовницы – в баночке из-под кильки. И только тут завершается эта история о женских принципах и уступает место рассказу о женской солидарности!

* * *

А любезная стюардесса принесла нам шампанского и пожелала приятного времяпрепровождения. Чего я никак не мог допустить и принялся занудствовать.

– Выходит, что никакой гостиницы нет? – спросил я у Юлии Феликс.

– Ну отчего же, – пожала плечами она и достала из сумочки рекламный буклет. – Смотрите сами...

– «Во владении Юлии Феликс, – вслух зачитал я, – сдаются внаем: меблированные комнаты для проживания и художественные мастерские на втором этаже. При заключении договора на долговременный срок – гибкие скидки!»

– Там еще сказано про элегантные купальни, – добавила Юлия Феликс.

– Я видел, но постеснялся спросить, что это за порнография, – отвертелся я от восхваления вышеозначенных купален. – Так, значит, вы не Юлия Феликс?

– Ну отчего же, – снова сказала она, достала из сумочки паспорт и развернула на третьей странице с фотографией.

– Вы абсолютно не изменились! – поспешно заверил я.

– Надеюсь, – усмехнулась Юлия Феликс. – Потому что фотографировалась для паспорта всего месяц назад.

– Меняли фамилию? – уточнил я.

– Как раз фотографию, – ответила она. – И не пытайтесь выдрать паспорт у меня из рук! Все равно не отпущу!

– Не доверяете? – ухмыльнулся я.

– Закрываю пальцем год своего рождения! – пояснила Юлия Феликс. – Это вам знать необязательно!

– Обычно такими вещами занимаются женщины, которым за тридцать, – как можно индифферентнее заметил я. – Или за тридцать пять.

– И наводящих вопросов не задавайте, – промурлыкала Юлия Феликс. – Если вам так удобнее – мне восемнадцать лет.

Я взвесил исходные данные: и документы, и фотография в паспорте, и гостиница были на месте. А в чем же тогда заключался фокус, о котором говорила Юлия Феликс?! Автограф, добытый преступным путем, – слабая компенсация за полный пансион и мидибар в номере. Ведь мне расписаться хоть на заборе – раз плюнуть. Я это проделывал неоднократно в местном отделе учета и регистрации актов гражданского состояния. Под свадебный марш Мендельсона, не к ночи будет помянут. Разве что...

– Мы летим не в Помпеи?! – воскликнул я и ткнул указательным пальцем в иллюминатор, очень довольный своей проницательностью.

– Помпеи?! – моментально откликнулась стюардесса, которая, как обычно, ошивалась поблизости. – Ай! Ой! Уй!

– Что случилось? – насторожился я вместе с остальными пассажирами.

– Вы перепутали рейсы! – всплеснула руками стюардесса. – Вернее, авиакомпании! – Тут стюардесса дважды притопнула, трижды прихлопнула и проверещала неестественным голосом: – Ведь это «А-э-ро-фло-о-от»!

Словно придурковатый рингтон на мобильнике.

Оставалось только выйти какому-нибудь затрапезному шпендрику в канотье и объявить: «Граждане пассажиры! Проверка проездных документов! Пожалуйста, предъявите свои билетки!» И полный аншлаг на Бродвее этому кабаре был бы обеспечен...

[5] Однажды я посетил уездный город N в самый разгар эпидемии гриппа. Мой брат обретался в местном Театре оперы и балета имени Голопупова, можно сказать, служил, если расценивать роль «Господа! Кушать подано!» как драматическую. Вдобавок брательник изображал всех немецких агрессоров от ефрейтора до унтер-штурмфюрера и мог бы сформировать отдельную дивизию СС из своих персонажей. Это сценическое амплуа значилось в театральном программках как «Первый фашист», что ни в какое сравнение не идет с рядовым «Гамлетом».

Надо заметить, что, кроме угольных куч возле вокзала, в городе N не было ничего примечательного. Даже питейные заведения и магазины открывались в тринадцать ноль-ноль по московскому времени, и только в театральном буфете подавали спиртное с одиннадцати часов. Святое дело! И все окрестные мужики брали билеты на детские утренники: «Курочка Ряба», «Девочка Маша и три медведя» – иначе в театральном буфете было не попасть. Эдакие специальные отчисления на культуру! И мужикам хорошо, и местный Театр оперы и балета имени Голопупова не бедствует.

А тут подкосила инфекция всю, понимаешь, труппу. Сопливая «девочка Маша» еще кое-как выходит на сцену, но сразу же заваливается в постель к Мишутке, а партию «трех медведей» исполняет один баритон и почему-то козлиным фальцетом. Короче говоря, под угрозой срыва оказались утренние и вечерние спектакли. На последние, конечно, начихать, сборов они не делают, однако именем Голопупова надо дорожить и нести свой актерский крест вопреки лихоманке. И посему главный режиссер стал набирать добровольцев из необстрелянных «бойцов».

Дошло до того, что хватали утренних мужиков в театральном буфете и выводили на сцену как партизан. Прямо по Станиславскому, со всеми побудительными мотивами и воплями: «Что же вы, ироды, делаете?!», «А за „козла“ ответишь!» и «Уберите детей! Детей моих пожалейте!». Даже театральные реквизит мужикам не выдавали, так,

надорвут фуфаяшку побольше – и вылитый партизан! А уцелевшие актеры с автоматами надрываются: «Ахтунг! Ахтунг! Шнеля! Шнеля! Мютцен аб! Мютцен ауф!» и, хуже того, «Пиппирре, битте!». Тут поневоле обалдеешь, когда из теплого буфета да на расстрел! Вдобавок неясно – трофейное у оккупантов оружие или взятое напрокат в местном военно-патриотическом музее. То есть полный аншлаг!

Ну вот и я попал на это представление... Поглядел, что творится на сцене, и только собрался ретироваться, как вдруг подсаживается ко мне главный режиссер и шепчет:

– А братец-то ваш болеет!

– И слава богу, – отвечаю. – Значит, не взял греха на душу.

– А фашистов-то не хватает! – гнет свою линию режиссер. – И мужики время от времени разбегаются. И, главное, сволочи, хитрыми стали! Сперва отправляют в буфет разведчика, чтобы проверить – нет ли засады!

– Брат, – говорю, – за брата не ответчик! А что касается мужиков – соберите свою зондеркоманду и прочешите лес. Сейчас там грибников навалом!

– А я о чем говорю?! – удивляется режиссер. – Фашистов катастрофически не хватает! Будьте братом – вступайте в наши ряды! А я вам хорошую роль дам – главного полицая! А?!

Пристал как с ножом к горлу! Ну разве от роли такой откажешься?! Тем более режиссер поклялся самим Голопуповым, что возьмет в заложники брата и разжалует его из «первых фашистов» в «бедные Йорики», если вдруг я заочевряжусь!

И вот на другой вечер обрядили меня в мундир полицая, дали напарника со словами и оставили за кулисой – ждать своего выхода...

* * *

Однако здесь неугомонная стюардесса перебила мои театральные воспоминания.

– Через тридцать минут мы приземляемся в Адлере! – трагическим шепотом сообщила она.

– Товарищ в курсе, – заверила стюардессу Юлия Феликс. – Сейчас пристегнется ремнем и успокоится!

Тут они обменялись многозначительными взглядами: мол, «Всё под контролем?» – «Всё под контролем!», и стюардесса оставила нас в покое.

– И Помпеи будут самые натуральные, – пообещала Юлия Феликс. – Лучше не придумай! Кстати, а что вы знаете о Помпеях?

Здесь настал мой черед многозначительно ухмыляться. Вначале – самодовольно, затем – злорадно, следом – интригующе, далее – туманно, и напоследок – загадочно... После чего Мона Лиза должна была скуксить от зависти!

– Этот мимический спектакль посвящался мне? – уточнила Юлия Феликс.

– Дело в том, деточка... – затянул я длинную и любимую песню.

– Спасибо за комплимент! – вставила Юлия Феликс.

Но я продолжал гнуть свою вокальную партию, не обращая внимания на подголоски:

– Дело в том, что второй роман Ингмара Кляйна по-новому освещал Помпеи как античное городище...

– А наша гостиница еще не расплатилась за электричество, – спохватилась Юлия Феликс. – И по какому тарифу теперь освещаются Помпеи?

– Автору начисляют пятнадцать процентов за каждый проданный экземпляр! – машинально ответил я и тотчас опомнился, потому что писателю запрещено распространять заведомо ложные сведения о своем поганом существовании.

Поскольку в реальности это существование еще поганей!

– Вы опять хотите сбить меня с панталыку?! – накинулся я на Юлию Феликс, в словесном смысле, разумеется.

– Ой-вой-вой-вой-вой, – не удержалась от ехидного комментария Юлия Феликс. – Продолжайте, пожалуйста!

– Надо помнить, что античные Помпеи, – с дебильными интонациями продолжал я, – были погребены под пеплом при извержении вулкана Везувий в семьдесят девятом году нашей эры, или, по уточненным данным, в семьдесят шестом году от Рождества Христова!

– Угу, – усвоила Юлия Феликс полученную информацию, что я воспринял как добрый знак.

– Археологические работы в античном городище ведутся с середины восемнадцатого века, однако на сегодняшний день раскопана только треть этого древнего поселения. В частности: гражданский форум, амфитеатр и гладиаторские казармы, одеон и палестра, храм Юпитера, сукновальня Стефана, некрополь, дом Хирурга, дом Веттиев и Стабианские термы...

– Угу, – подтвердила Юлия Феликс и зевнула.

– Во все времена Помпеи служили объектом пристального внимания специалистов и любителей античности благодаря своей уникальности: римский город сохранился до наших дней в первозданном виде, как будто еще вчера по этим улицам ходили люди и кипела торговля на городском рынке. В тысяча семьсот восемьдесят седьмом году Помпеи посетил Иоганн Вольфганг фон Гёте и сожалел, что к раскопкам не привлекли умелых немецких шахтеров. А в тысяча восемьсот тридцать третьем году выдающийся русский художник Карло Павлович Брюллов создал живописное полотно «Последний день Помпеи» – четыре с половиной на шесть с половиной метров, если считать без рамы. Из литературных произведений, посвященных Помпеям, больше известен роман Булвера-Литтона, меньше – Ингмара Кляйна...

– В связи с чем, – открыла дебаты Юлия Феликс, – у меня два вопроса к докладчику. Первый! Почему вы постоянно упоминаете о себе в третьем лице?

– А мог бы и в пятом, если учесть, что совсем недавно развелся! – ответил я.

– И как это связано с вашим семейным положением? – уточнила Юлия Феликс.

– Ну, первая жена не сомневалась, что я отъявленная скотина, – охотно пояснил я. – Вторая жена...

– Понятно, – кивнула Юлия Феликс. – Дальше можете не продолжать. Поэтому плавно переходим к другому вопросу... Где вы читались подобной белиберды о Помпеях?

– Справочная литература, – торжественно объявил я. – Письма Плиния Младшего, адресованные Тациту; «Прогулки русского в Помпеи» – сочинение Алексея Левшина, изданное в тысяча восемьсот сорок третьем году; и «Помпеи» Марии Ефимовны

Сергеенко. Можно еще почитать «Археологию Крита» Пендлбери, но это необязательно...

– И что же, по-вашему, происходит в Помпеях теперь? – с подвохом, как мне показалось, спросила Юлия Феликс.

Однако и тут я блеснул эрудицией.

– Современные Помпеи населяет около тридцати тысяч жителей! – гордо сообщил я, как будто сам принимал участие в преумножении поголовья и добился потрясающих результатов.

– Простите, что делают жители? – оживилась Юлия Феликс.

– Населяют! – подчеркнул я.

– Жаль, – заявила Юлия Феликс. – Мне слышалось, что...

– И заняты обслуживанием туристов, – быстро добавил я.

– Уже лучше, – откликнулась Юлия Феликс. – И где находится этот райский уголок?

– В двадцати пяти километрах от Неаполя, – озадаченно произнес я. – Неподалеку от древних Помпей и места проведения раскопок... А в чем, собственно говоря, дело?!

Конечно, женщина может потерять что угодно. Перчатки, невинность, свои иллюзии, кредитную карточку, лучшие годы жизни с этим подонком, зажигание в автомобиле, розовые очки, упругость в теле, пять килограммов за три месяца, бдительность после текилы. Я видел дамочку, которая уверяла, что в молодости была приблизительно одного роста с Анной Курниковой, а с возрастом утряслась до полутора метров в диаметре... Но впервые я встретился с женщиной, которая потеряла свою гостиницу.

– Дело в том, – пояснила Юлия Феликс, – что Помпеи, как оказалось, находятся в Италии. А у вас заграничный паспорт с визой имеется?

– Нет! – обомлел я.

– Тогда нам следует заручиться поддержкой контрабандистов, – невозмутимо заметила Юлия Феликс. – И выходить затемно!

– По суше?! – как ненормальный, воскликнул я. – В смысле... Вы умом повредились?!

– Морем, – успокоила меня Юлия Феликс. – Я хорошо знаю местные промыслы и надежных людей. Они регулярно снабжают меня товарами.

– Но это же черт знает что! – заявил я. – Если подумать!

– Возможно, – кивнула Юлия Феликс. – Но я беру только водку, икру, валенки и матрешки! В Помпеях такого ассортимента днем с огнем не найдешь!

И ласково потрепала меня по колену, мол, не расстраивайтесь, все неприятности еще впереди. А небольшая прогулка с контрабандистами на заповедную территорию писателю не повредит.

Однако я так и вышел из самолета с раззявленной пастью, поскольку никак не мог оправиться от изумления – насколько ловко меня облапошили и вовлекли. Кстати, Юлия Феликс была натуральной и весьма соблазнительной брюнеткой, что не оставляло мне выбора – участвовать или не участвовать в этой аванюре...

Книга II

Евтерпа

Гетеры же в Навкратисе вообще отличались особенной прелестью. Эта, о которой здесь идет речь, так прославилась, что каждый эллин знает имя Родопис. После Родопис была еще некая Архидика, которую также воспевали по всей Элладе, хотя о ней было меньше толков, чем о Родопис. А когда Харакс, выкупив Родопис, возвратился в Митилену, то Сапфо зло осмеяла его в одной своей песне. Впрочем, о Родопис довольно...

Геродот

[6] И вот на другой вечер обрядили меня в мундир полицаая, дали напарника со словами и оставили за кулисой – ждать своего выхода... А сотоварищ мой по несчастью оказался блохастым, да вдобавок не из актерского цеха и племени. То есть чешется, нервничает и поскуливает. Я за него тоже переживаю, ведь, можно сказать, дебютируем вместе, но ответственность разная. У партнера роль со словами, а у меня – без слов.

– Может, он в туалет хочет?! – интересуюсь я у гримерши.

– Вот у него и спросите, – отвечает она. – Что вы по пустякам меня беспокоите?

– А если он текст забудет? – не унимаюсь я.

– А суфлер для чего?! – отмахивается гримерша. – Сразу видать, что вы дилетанты и партера не нюхали!

Тут мой напарник то ли решил отрепетировать роль со словами, то ли партер перепутал с апортом, но – как подпрыгнет! Как зарычит на гримершу! То есть вошел, понимаешь, в образ немецкой овчарки, когда до этого был непонятно какой породы. Рылся у мусорного бака за театром. Там его и ангажировали!

– Держите своего партнера! – верещит гримерша. – А то намордник ему надену!

– Как же он будет реплики подавать?! – удивляюсь я.

– А вы для чего?! – намекает гримерша. – Здесь, господин хороший, не Голливуд! Дублеров нетути!

– Вы что же, мне предлагаете гавкать на партизан?! – возмущаюсь я.

– Не гавкать, а выручать партнера! – возражает гримерша.

Тут на мою закулисную перепалку с гримершей из недр Театра оперы и балета имени Голопупова является главный режиссер и говорит:

– С этого места, пожалуйста, еще раз!

– Чего-чего? – переспрашивает гримерша.

– Озвучьте авторскую ремарку, – таращится на нее режиссер. – Лай возмущенных собак. Шум негодующей толпы! – И поясняет: – В данный момент партизан ведут на расстрел! По ходу пьесы, разумеется...

После чего он снова исчезает в недрах театра, а мы с гримершей продолжаем скандалить, но вяло. Не от души, а по долгу службы. Да и партнер мой, как только увидел главного режиссера, вышел из образа и завалился на спину, мол, я издох!

– Вы знаете, – говорю я гримерше. – Мне тоже как-то не по себе!

– Известное дело! – отвечает гримерша. – Это мандраж! Но есть актерское средство, проверенное веками!

И достает непонятно откуда большую бутылку с жидкостью отвратительной по первому впечатлению. И по второму, как оказалось, тоже.

– Вот, – сообщает гримерша, – специальный коктейль из нашего театрального буфета! По рецепту Шаляпина! Только не увлекайтесь!

Как я выхлебал половину бутылки – не знаю, как занюхал полицейским мундиром – не помню, но обязательно плюну гримерше в морду, как встречу. Потому что адская смесь была не рассчитана для дебюта...

Короче говоря, администратор командует: «Фашисты, вперед!», а мой напарник по-прежнему в оцепенении, и даже блохи на нем замерли и призадумались. Вот что мандраж с актерами делает!

– Тащите его на сцену за поводок! – советует гримерша. – А то всех партизан без вас расстреляют!

– Как тащить?! – интересуюсь я. – Кверху брюхом?!

– Фа-ши-и-и-сты! Впе-ре-о-о-од! – надрывается администратор. – Впе-ре-о-о-од! Фа-ши-и-и-сты!

Ну, делать нечего – выходим на сцену. Точнее сказать, выхожу только я, а партнер выезжает за мной на веревочке...

Овации неистовые! Как будто раньше никто из зрителей не видел пьяного полица с дохлой собакой. Партер аплодирует стоя, ложи первого яруса бьются в истерике, а галерка требует повторить мой выход на бис! И как признался мне главный режиссер после спектакля, такого успеха местный Театр оперы и балета имени Голопупова еще не знал. Словом, дивертисмент!

Труппа в полном составе держится из последних сил, чтобы от хохота не загреметь в оркестровую яму. Ибо момент по ходу пьесы самый драматический! Фашисты прижали партизан к декорациям и готовы стрелять, а унтерштурмфюрер команды такой не дает и ведет себя несколько странно. Вылез на авансцену и причитает:

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога...

То есть закатил глаза, как пономарь, и декламирует стихотворение Некрасова. Вдобавок напарник мой, паразит, как только грянули аплодисменты – приоткрыл правый глаз, что ближе к зрителям, и снова сощурился. Тоже мне, Дездемона в последнем акте – лежит кверху брюхом и улыбается! Как будто ему тут «Ковент-Гарден», а не Театр оперы и балета имени Голопупова! Я полагал, грешным делом, что бобик действительно издох, и собирался пустить шапку по кругу, мол, «добрые люди, подайте на гроб дворовому артисту! Он верно служил Мельпомене!». А этот прощельга, как оказалось, вместо дебюта устроил себе бенефис, скотина!

Суфлер из будки подсказывает: «Поднимайте пса! Иначе этот бедлам никогда не закончится!» А как?! Ведь собака не стул на

четырёх ножках – взял и поставил, а божья тварь, прости господи!

Сперва я воззвал к его совести. «Вставай, – говорю, – Охлопков! Что же, мне одному здесь отдуваться?!» И пнул пару раз, для ясности, как трагедийный актер трагедийного актера. То есть замах по высшей тарификации, а исполнение – на деноминированную копейку. Ну, зрительный зал, конечно, взорвался аплодисментами, что моему партнеру совсем не понравилось. Во всяком случае, он прекратил улыбаться, щелкнул зубами и ухватил меня за штанину. Я говорю: «Ты зачем театральный костюм зажевываешь? Им занюхивать надо!» А тот волочится за мной по сцене и полштанины уже заглотил.

Партизаны с фашистами рыдают в обнимку, партер корчится в судорогах, один унтерштурмфюрер еще кое-как держится. Только с Некрасова перешел на псевдо-Есенина:

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую шавку не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую московскую погоду!

Но тут проклятая скотина все-таки стащила с меня штаны, и они упали на сцену с неподобающим грохотом. Потому что в одном кармане там находилась бутылка с напитком Шаляпина, а в другом – автоматический восьмизарядный пистолет марки «Вальтер»...

Местный еженедельник посвятил этому событию целый разворот, где я красовался на фотографиях: сверху – в немецком кителе образца сорок второго года, а снизу – в семейных трусах по колено из магазина «Гостиный двор». Статья называлась «Промышленное производство в Великобритании продолжает сокращаться!». Конечно, верстальщику дали по шее за перепутанные заголовки, но в целом текст я запомнил...

«На этой неделе в Театре оперы и балета имени Голопупова с большим успехом давали пьесу „Бурная стремнина“ местного краеведа Ивана Иванова. И не даром! Вот уже два сезона „Стремная бурнина“ (тут верстальщика догнали и врезали ему еще раз) не сходит с подмостков нашего театра! И не даром! Но в последнее время внимание зрителя стало ослабевать, и главный режиссер пригласил на

роль полицаю молодого столичного актера. И не даром! С его участием пьеса обрела второе дыхание и устремилась дальше, а на сцене вдруг обнажился подлинный облик фашистского наймита. И не даром! Хочется также отметить роль немецкой овчарки в исполнении местного пса по кличке Охлопков и пожелать дальнейших успехов главному режиссеру театра! И, если можно так выразиться, не зря, дорогие театралы, русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов написал: „Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французам отдана?“».

Конечно, в последнем предложении Лермонтов выглядел как «не пришей кобыле хвост», но в целом статья носила позитивный характер. Ведь не даром (!) брательник мой чудесным образом исцелился и еще несколько лет таскал Охлопкова на веревочке...

* * *

Адлер встретил Юлию Феликс ведрами, а меня – проливным дождем... Как только мы получили багаж – два чемодана и мою спортивную сумку, – я неосмотрительно вышел из помещения и принялся ловить такси. Тут все хляби небесные и разверзлись над моей головой. А как только слегка прояснилось, стало понятно, что я попал под единственную в Адлере поливальную машину.

– Вы случайно не знаете, – спросил я у Юлии Феликс, когда та подроспела к месту происшествия, – почему ясная и сухая погода зовется у нас ведро?

– Потому что оно вам сигналило! – сказала Юлия Феликс. – А вы рот раззявили и ни с места!

Она оглядела меня критически, как нянечка ползунковую группу, а я продолжал выпендриваться, как памятник Владимиру Маяковскому – с широко расставленными ногами, поскольку проветривал штанины. И, словно тот же памятник, провоцировал голубей, вроде слабительного.

– А разве до моря было не потерпеть? – осведомился водитель такси, когда насладился этой картиной.

Он тихо припарковался рядом и теперь дожидался, пока я обсохну под жарким южным солнцем.

– Лучше проваливай! – посоветовала ему Юлия Феликс. – Тут не шапито!

– А то могу подвезти по двойному тарифу, – не унимался настырный водитель.

– Мне просто-таки интересна ваша логика, – ответила Юлия Феликс. – Почему по двойному?

– Потому что у меня такси, а не прачечная, – охотно пояснил водитель. – Но я готов закрыть на это глаза.

– Спасибо за участие, – поблагодарила его Юлия Феликс. – Но скоро за нами придет машина.

– Ага, – согласился водитель. – Мусоросборочная!

Однако быстренько отвалил, потому что Юлия Феликс пообещала проколоть ему шины.

– Вы зря запугали местное автопредприятие, – посетовал я, как только такси скрылось из виду. – Теперь придется идти пешком да еще тащить за собой неподъемные чемоданы. Откуда у нас машина?

– Покуда вы принимали душ, я позвонила своим знакомым контрабандистам и обо всем договорилась, – сообщила Юлия Феликс. – А вот и транспорт, – добавила она и кивком указала на темно-синий «фольксваген», что подруливал к нам со стороны аэропорта.

– Оперативно, – отметил я, не обращая внимания на глупую шутку по поводу душа. – И все-таки интересно – как нас доставят в Помпеи?

– Через Боспорский пролив и Дарданеллы, – пожала плечами Юлия Феликс. – Как же еще? Но лучше не вникать в технические детали и нашим контрабандистам таких вопросов не задавать. Не то меня изнасилуют, а тебя вздернут на рее.

– Радужные перспективы, – согласился я.

А Юлия Феликс тем временем продолжала:

– Или меня выбросят в море, а тебя изнасилуют.

Как я понял, эти контрабандисты были весьма неразборчивы в своих половых связях.

– Первый вариант меня больше устраивает, – усмехнулся я. – Но хорошо бы остаться молодоженами, если уж мы перешли на «ты».

– Хочешь выпить на брудершафт? – с готовностью отозвалась Юлия Феликс. – Тогда я согласна остаться в молодоженах.

– А брачная ночь будет? – вовремя спохватился я.
– Будет-будет, – успокоила меня Юлия Феликс, – если не стошнит.
Ты хорошо переносишь качку?
– Бортовую или носовую? Сверху или снизу? – деловито уточнил я.

На что Юлия Феликс только фыркнула. Кстати, я тоже многое слышал о «Камасутре», но запугивать себя не позволю! А контрабандисты и правда выглядели устрашающе...

Я даже слегка попятился, когда из темно-синего «фольксвагена», как из гроба, вылезла девушка, одетая в стиле «гот», или «вандал», и уставилась на меня черными глазами.

– Ида, – представилась она, – контрабандист и гладиатор.

Для тех, кто не видел подобных девушек, а-ля племянница графа Дракулы, даю краткую характеристику: жуть! Какая-то замысловатая татуировка на левом плече, в виде гадюки; короткая стрижка каре, что называется – ворон ворону глаз не выклюет; высокие ботинки из гардероба морских пехотинцев; кожаные штаны в обтяжку и такой же квинтэссенции топ. А если упомянуть про макияж, как у енота, и косметические средства всех болотных оттенков...

– Я хочу, чтобы меня похоронили по христианскому обряду, – решительно заявил я. – Только скажите, как переводится имя Ида? Аделаида?

– Изида, – ответила девушка, – или Исида, кому как удобнее.

– Час от часу не легче, – насупился я. – А гладиатор – это профессия или прикол?

– Хотите попробовать? – осведомилась любезная Исида.

– Воздержусь, – на всякий случай отказался я. Потому что предположил, чем занимаются девушки в армейских ботинках. У них своеобразное хобби – поджаривать современных писателей на медленном огне. Во всяком случае, я бы этому не удивился.

– Ну, – обратилась ко мне Юлия Феликс, – ты все выяснил, дорогой?

Причем после эпитета «дорогой» Исида смерила меня взглядом, словно я был родом из города Секонд-Хенд, что переводится как Урюпинск.

– Я сяду вперед, чтобы пощebetать с Исидой, – сказала Юлия Феликс. – А ты, дорогой, забирайся на заднее сиденье.

Тут меня оценили вторично и списали в утиль. Поэтому я решил, что лучше поеду в багажнике, но туда, как нарочно, засунули чемоданы Юлии Феликс.

– А сколько вам лет? – спросил я у Исиды.

– Не обращай внимания, – посоветовала Юлия Феликс. – Этот вопрос он задает всем.

– Мне восемнадцать, – сообщила Исида. – Мы ровесницы с Юлией Феликс.

– Ну-ну, – пробурчал я и, как было велено, забрался на заднее сиденье, чтобы не препираться по мелочам.

Однако никак не рассчитывал, что Юлия Феликс сядет за руль.

– Ты управляешь автомобилем? – удивился я.

– А еще пью, курю и занимаюсь садомазохизмом, – призналась Юлия Феликс. – Да здравствует утро после первой брачной ночи!

Она вставила ключ в замок зажигания, пристегнула ремень безопасности и рванула с места, а я подумал, что, наверное, зря так доверяюсь женщинам и автомобилям...

[7] Однажды я отправился в гости к даме и забыл ее предупредить о своих намерениях... А надо сказать, что этот сексуальный объект находился под неусыпным контролем. Рыцари-тамплиеры, собираясь в поход, надевали женам смирительные рубашки и с криками «На Иерусалим!» скакали в указанном направлении, а моему объекту муж из Японии притащил специальные трусы. Которые, по утверждению узкоглазых разработчиков, могли контролировать пульс и температуру тела да вдобавок отсылать сообщение на мобильный телефон ревнивого супруга. Мол, «Внимание-внимание! Уровень гемоглобина у вашей суки-сан опасно повысился!». И, как хвалился чужими научно-техническими достижениями муж, найти и обезвредить в трусах этот передатчик было практически невозможно...

– Ты чего приперся? – спросила дама сердца, как только открыла мне дверь. – Я с десяти утра под сигнализацией!

Однако я интеллигентно соврал, что забежал выпить чаю и ни о каком разврате даже не думал.

– Зато я теперь думаю, – заявила дама. – И чувствую, что муж получит сейчас телеграмму.

– Ты, главное, не перевозбуждайся, – посоветовал я. – А то вдруг еще и по радио объявят...

Но тут зазвонил телефон, и дама быстренько схватила трубку.

– Что делаю? – прощепетала она и вытаращилась на меня страшным образом, изображая ревнивого супруга. – Что делаю? Чай с бубликом пью, о тебе вспоминаю!

Я решил ей помочь и принялся поддувать снизу, в смысле включил охлаждение, чтобы ее устройство не перегревалось.

– Кто такой бублик? – переспросила дама и погрозила мне кулаком, чтобы я прекратил ей поддувать в определенное место. – Кто такой бублик? Большая баранка с маком!

Тогда я открыл холодильник, вытащил формочку для заготовки льда и предложил своей даме вырубить эту сигнализацию к чертовой матери! То есть засунуть в трусы лед вместе с формочкой и тем самым остановить научно-технический прогресс. И покуда она соображала, что я хочу сделать, ваш покорный слуга отважился на подобный эксперимент...

– У-у-у-у-у-у-у-у! – взывала дама. – У-у-у-у-у-у-убью скотину! – и принялась выгребать из трусов кубики льда. – Спасибо за предложение, дорогой, – сказала она в телефонную трубку, – но этот бублик я прикончу сама!

Тут, я думаю, муж ей поверил и отключил японскую вычислительную технику. А может быть, в даме что-то замкнуло! Только она без опасения за свою нравственность сняла вдруг трусы и напялила мне на голову. После чего вытолкала меня из квартиры.

А я еще долго прятался в подворотне и размышлял – видно меня из космоса или нет? В смысле подключены ли эти трусы к американской системе глобального позиционирования?! Или ревнивый муж предпочитает ГЛОНАСС?

* * *

– А ваша машина оснащена охранной сигнализацией? – за каким-то чертом спросил я.

– Ну разумеется, – подтвердила Юлия Феликс. – У Исиды есть две бейсбольные биты и увесистый том Ингмара Кляйна.

Тут я припомнил все женские шпильки, поерзал на заднем сиденье и уточнил:

– Вы надо мной издеваетесь?

– Вдохновляем! – возразила Юлия Феликс. – Ведь ты недавно опять развелся, а значит – остался без музыки. Вот мы и пытаемся по возможности это компенсировать. В двойном размере.

– Я что-то не помню, когда рассказывал о своем семейном положении, – насупился я.

– Разве? – удивилась Юлия Феликс. – Ну расскажи об этом сейчас. Хотя все и так понятно.

– Что вам понятно? – еще больше насупился я.

– Когда мужчина женат, а когда не очень, – подытожила Юлия Феликс.

Не прерывая беседы, она лихо управляла автомобилем. Во всяком случае, я, незнакомый с правилами дорожного движения, все время заваливался то на правый бок, то на левый. Короче говоря, обзорной экскурсии по Адлеру не получилось, потому что скоро Юлия Феликс выехала из города и стала отрабатывать виражи на серпантине, а я начал раскачиваться из стороны в сторону: скалы – море, скалы – море, скалы – море...

Что, по всей вероятности, и натолкнуло меня на мысль.

– А когда нас будут насиловать контрабандисты? – поинтересовался я.

– Завтра, – пообещала Исида.

– Вначале первая брачная ночь, – напомнила о себе Юлия Феликс. – А после девкам на поругание!

– Послушайте, – предложил я, – может быть, мне остаться в Сочи? Девочек и тут хватает...

– Ни в коем случае! – не согласилась со мной Юлия Феликс. – Ведь вопрос не в количестве муз, а в качестве. Поэтому я настоятельно рекомендую с девками повременить до Помпей. Там отъявленные гетеры, а здесь дилетантки. Ну разве они могут вдохновить хотя бы на абзац?!

– В нашем писательском ремесле главное – усидчивость! – поделился я. – А все остальное приложится.

– А в нашем главное – приложиться, – поделилась личным опытом Юлия Феликс. – А все остальное пойдет как по маслу! Ведь жена – это божий промысел, а муза – еще и вымысел!

– Ну, с вымыслом у меня все в порядке, – самоуверенно заявил я. – Мало кто додумается жениться пять раз!

– Наверное, на своих поклонницах? – спросила Исида.

– Да уж точно не на музах, – подтвердил я. – Потому что любая жена только вредит литературе. Особенно первая, третья и пятая...

– А имена у них были? – снова спросила Исида.

– Были, – признался я. – Но мне не хочется их обнародовать...

– Наверное, всех твоих жен звали одинаково, – предположила Юлия Феликс.

– Через одну, – ухмыльнулся я. – Анны блондинки, Татьяны брюнетки. Аня, Таня, Аня, Таня, Аня, – быстро пояснил я. – А как ты догадалась?

– Женская интуиция, – пожала плечами Юлия Феликс. – Но можно внести этот пункт в авторскую биографию, мол, так исторически сложился жизненный путь писателя – через пень колоду!

– Честно сказать, – поведал я, – у меня есть пять принципов!

– Это какие же? – удивилась Юлия Феликс.

– О бывших женах, как о покойниках, – ни хорошего, ни плохого, – сообщил я.

– Аминь, – подытожила Юлия Феликс. – А что, например, ты думаешь обо мне?

– Ну-у-у, – растерялся я. – Во-первых, ты брюнетка...

– А так? – спросила Юлия Феликс и быстро сняла парик.

– А так блондинка, – разозлился я. – За вами, женщинами, не уследишь!

– Нет, конечно, – согласилась со мной Юлия Феликс. – Аня, Таня, Аня, Таня... Блондинка, брюнетка, блондинка, брюнетка... Или наоборот? Тут сам Гудини с ума сойдет! Но как же я в нем зажарилась, – добавила она и бросила свой парик на заднее сиденье.

– А я вообще не понимаю, – заметила Исида, – зачем ты его напялила?

– Для красоты, – объяснила Юлия Феликс. – Ведь наш писатель в этом сезоне предпочитает брюнеток. После развода с блондинкой...

Я, в свою очередь, молча сносил эти двусмысленные переговоры, дабы не прослыть окончательным дураком. Конечно, я и раньше догадывался, что с Юлией Феликс дело не чисто, но старательно избегал скандала до поры до времени.

– Зато вот Исиду ни с кем не перепутаешь, – не выдержал я.

– Да? – не поверила Юлия Феликс. – А если отмыть?

– Ведь это «А-э-ро-фло-о-от»! – проорала Исида.

И я признал в ней давешнюю стюардессу – с авиарейса Санкт-Петербург—Помпеи. После чего забился в угол и стал размышлять о женщинах вообще и в частности.

[8] У несчастного царя Феспия было пятьдесят дочерей, которые не могли выйти замуж, покуда старшая из них, Прокрида, не найдет себе подходящего жениха. А в это время Геракл охотился в местных лесах на киферонского льва. Какого беса Геракл к нему привязался – другая история, но этот античный герой постоянно третировал разных зверюшек: то лернейскую гидру собственноручно задушит; то эриманфского вепря по башке огреет; а то стимфалийских птиц полностью истребит; не говоря уже о керинейской лани, которую загонял до смерти. Но древние историки утверждают, что охота на льва была одним из брачных испытаний... В частности, для Геракла...

А тут пятьдесят дочерей! Все на выданье, и возраст критический. То есть еще чуть-чуть, и – наплевать на папенькино благословение! Замуж пойдут не в порядке живой очереди, а словно каппелевцы в психическую атаку.

– Смотри-ка, Геракл! – говорит младшая дочь старшей дочери. – Ну и как он тебе, нравится? Давай побыстрее думай, а то остальные сестры сильно напирают! Конечно, мой номер последний, но могут и затоптать!

– Спокойно, девочки! – командует старшая дочь по имени Прокрида. – Замуж выходим организованно и обстоятельно! – И мудро предлагает: – Надо взять у папеньки контрамарку, чтобы не спрашивать благословения каждый раз!

Тут все сестры воскликнули: «Виват Прокрида!», а та поспешила к отцу за разрешением на моногамный брак. Ну, царь Феспий, как самодержец, немедленно дал согласие, потому что тянуть да откладывать не было никакого резона, ведь Прокрида не золотовалютные резервы. Ну, этой же ночью – брачная ночь, как полагается... А наутро царь Феспий спрашивает у Геракла, мол, нет ли претензий или рекламаций по качеству товара?

– Все хорошо, – сообщает Геракл. – Прокрида досталась мне девственницей!

И свалил на поиски киферонского льва. А поздно вечером вернулся домой замурзюканный, можно сказать, к молодой жене. Ну, за ночь жена обратно его отмурзюкала, а царь Феспий наутро интересуется, мол, как семейная жизнь и так далее?

– Все хорошо, – сообщает Геракл. – Прокрида досталась мне девственницей!

И снова отправился в лес, чтобы третиловать местные виды флоры и фауны. А как стало темнеть, вернулся домой – замызганный. Ну, молодая жена за ночь Геракла опять же отмызгала, а наутро царь Феспий спрашивает:

– Как оно вообще и в частности?

– Все хорошо, – сообщает Геракл. – Прокрида досталась мне девственницей!

И тихой сапой – обратно в лес, лишь бы куда подальше от этой Прокриды.

– Да будь она неладна! – только разводит руками царь Феспий.

Вызвал знахарку и приказал осмотреть Прокриду, мол, что за чудеса такие? Дал, значит, царский наказ, а сам выписал командировочные и ускакал на войну от греха подальше.

Вот через месяц царь Феспий возвращается домой с победой, встречает его знахарка и радостно сообщает:

– Все хорошо! Прокрида достанется Гераклу девственницей!

– Да неужели? – удивляется царь Феспий. – Ну, тогда делать нечего – пойдём осмотрим Геракла, а заодно и киферонского льва!

И направляется к зятю в апартаменты.

А Геракл лежит отмурзюканный и больше не хочет преследовать бедных зверюшек.

– Как самочувствие? – интересуется у него царь Феспий.

– Все хорошо, – слабым голосом сообщает Геракл. – Этой ночью Прокрида досталась мне девственницей...

И как-то странно закатывает глаза. А тут прибегает сама Прокрида, чтобы справиться о здоровье супруга.

– Уберите от меня эту бестию, – шепчет Геракл. – Дайте лучше киферонского льва!

– Не надо крайностей! – говорит царь Феспий. – Ты можешь всегда разделить брачное ложе с Прокридой. А этого киферонского

льва я сам придушу, как только увижу, что тот ошивается где-то поблизости!

И, как сообщают надежные источники – Аполлодор, Павсаний и Гесиод, – хитроумная Прокрида произвела на свет близнецов: Антилеона и Гиппея. А в сумме пятьдесят бывших девственниц родили Гераклу пятьдесят одного сына. Потому что «каждую ночь к Гераклу приходили разные дочери, а тот ни о чем не догадывался...» Правда, некоторые говорят, что Геракл познал всех дочерей сразу и за одну, извините, ночь. Но мы так не думаем, поскольку он все-таки изловил киферонского льва, а значит – был еще порох в пороховницах!

* * *

Так что меня провели, как Геракла, с небольшой, но существенной разницей – удовольствия никакого. Вдобавок Геракл не летал самолетами «Аэрофлота», а я совершенно не представлял, ради чего был устроен этот бразильский карнавал.

– Теперь в стюардессы берут из морских пехотинцев? – тоскливо спросил я.

– Отнюдь, – усмехнулась Юлия Феликс. – Просто некоторые рассеянные пассажиры принимают за стюардесс неизвестно кого.

– И, между прочим, – пригрозила Исида, – за пехотинца вам еще отольется...

– При жизни или в бронзе? – уточнил я.

– Приехали, – объявила Юлия Феликс. – Выметайтесь из машины.

Она ловко припарковалась возле пирса, а я с удовольствием выбрался из «фольксвагена» и обрел под ногами твердую почву. Однако ненадолго.

– Забираем вещи и шагаем на катер, – распорядилась Юлия Феликс.

Исида молча открыла багажник, подхватила два чемодана и направилась к пирсу, где пришвартовался катер довольно больших размеров.

– Это какого класса судно? – важно осведомился я. – «Река— море»?

– «Волны—берег», – пояснила Юлия Феликс. – Пойдем быстрее, а то боцман, наверное, пишет кипятком. Тебя не смущает слово «пишет»?

– Нисколько, – слукавил я, взял свою сумку и огляделся.

Солнце еще собиралось нырнуть в море, и на пляже было полно отдыхающих, что больше напоминало лежбище котиков, чем логово свирепых контрабандистов. И лишь на пирсе сидел какой-то оборванец, отдаленно смахивающий на разбойника.

– Ну и где вас черти носили?! – развозникался он, когда мы подошли поближе.

– Это боцман, – представила мне оборванца Юлия Феликс. – Сторожит катер. А когда катера нет, караулит машину.

– А в остальное время чем занимается? – зачем-то спросил я.

– Кажется, ловит бычков в томате, – пожала плечами Юлия Феликс. – Во всяком случае, ими закусывает.

– Я тут вас четыре часа дожидаясь, – продолжал надрываться боцман. – Зажарился, как шашлык из баранины!

– Пойди освежись, – сказала Исида и отсчитала боцману энную сумму денег.

– Давно бы так, – пробурчал боцман, поднялся с пирса, сунул деньги в карман и поспешно удалился.

– Незаменимая личность, – охарактеризовала его Юлия Феликс. – Кроме портвейна, больше ничем не интересуется!

– А вот у меня имеется ряд вопросов, – заметил я и после непродолжительной, однако многозначительной паузы добавил: – Где обещанные контрабандисты? Где вождь Помпеи? И когда закончится этот балаган?

– Скоро, – на все про все ответила Юлия Феликс. – Забирайся на катер, минут через пять отчаливаем!

– Черта с два! – возразил я. – Мне и тут хорошо!

И демонстративно уселся на пирсе и свесил ноги. То есть достаточно правдоподобно расположился для дальнейшего отдыха в образе дикого, но дружелюбного туриста. Не знаю, как Станиславский, но местный пес мне поверил – обнюхал и присоседился.

– Нет, – воскликнула Юлия Феликс, – вы только на него посмотрите!

Исида уже хозяйничала на катере, но, как было предложено, выглянула из трюма, чтобы полюбоваться этой картиной.

– Как сейчас тресну! – пообещала она и погрозила мне гаечным ключом.

– Тем более никуда не поеду, – окончательно распоясался я. – И не поплыву!

– Ну хорошо, – вздохнула Юлия Феликс и села со мной рядом. – Что конкретно тебя не устраивает?

– Я не Суворов, – сознался я. – И не Ганнибал.

– Мы знаем, – сладким голосом подтвердила Юлия Феликс. – Ты Ингмар Кляйн.

– На самом деле я такой же Кляйн, как и Суворов, – пояснил я. – Просто пишу под псевдонимом...

– Мы знаем, – сладким голосом подтвердила Юлия Феликс. – Ты псевдоним.

– Псевдонист! – брякнула Исида.

– Знаете, не знаете, – пробурчал я, не обращая внимания на «псевдониста», – мне все равно. Но я не собираюсь переходить через Альпы.

– А никто и не просит, – заверила Юлия Феликс, – переходить. Мы отправляемся в плавание.

– Как ни заманчиво это звучит, – подчеркнул я, – но это одно и то же... Нарушение государственной границы! А то и двух...

– Да у меня разрешение есть на кругосветку! – заявила Исида.

– А вам я не верю! – насупился я. – Вы еще в самолете спаивали меня шампанским! И с какой целью?

– Да и черт с вами! – махнула рукой Исида. – Прямо как хижина дяди Тома! Бойтесь, что мы продадим вас в рабство?

– К счастью, – ответил я, – мною заинтересуются только на живодерне!

– Тогда я не понимаю вашего беспокойства! – сказала Исида. – Что вам терять, кроме собственной шкуры?!

– Однако! – не согласился я с таким наплевательским отношением к чужому имуществу.

– Сами напросились! – показала язык Исида.

– Короче говоря, – подхватила Юлия Феликс, – хочешь не хочешь, а я доставлю тебя в Помпеи живым или мертвым!

Конечно, я слегка пожеманился для пущей важности, но последний аргумент звучал настолько убедительно, что я решил больше не извиваться, как червяк на крючке, и сохранить силы. Поднялся с пирса и забрался на катер. Ведь не лететь же обратно в Санкт-Петербург!

[9] С давних времен составлялись разные списки аргонавтов, но самые достоверные источники приводят... поименный перечень из пятидесяти человек, который выглядит как отдельное сочинение. «Авгий, сын царя Форбанта из Элиды; Адмет, сын царя из города Феры; Акает, сын царя Пелия...» и так далее – до Ясона, главаря этой банды. «Никогда раньше или позже на одном корабле не собиралась такая достойная компания!» – сообщают источники. Особо отмечу некую Аталанту из Калидона, как утверждают – «деву-охотницу», однако составители списков умалчивают, до каких развлечений «дева» была охоча и что она делала среди мужчин. Вдобавок небезызвестный Геракл, «совершив успешный набег на Троию», тоже примкнул к аргонавтам и, как уточняют источники, «возобновил свои подвиги». Да я бы раз пятьдесят подумал, прежде чем присоединиться к этой ОПГДГ (организованной преступной группе древних греков), на счету которой: истребление шестируких гигантов; убийство благородного царя по имени Кизик; нанесение предводителю бекриков (не знаю, кто такие) травм, несовместимых с дальнейшей жизнью; уничтожение редкого вида гарпий; кража руна у джигитов... Дальше можно не продолжать.

Вторая компания, под руководством Одиссея, была в бегах не меньше десяти лет, но тоже не теряла времени даром. Вначале эта «бригада» залезла в жилище к Полифему из племени киклопов и «устроила веселый пир» – представляю себе этот сабантуй. А когда Полифем вернулся домой и кротко спросил, что, собственно говоря, они вытворяют, Одиссей дал исчерпывающий ответ: мы, мол, ахейцы и плывем из-под Трои. А дальше, типа, хоть трава не расти! Причем некий Гомер, этот Марио Пьюзо античного мира, приводит душераздирающие подробности. Что Джонни Фонтена и Лука Брази «взяли огромный кол, заострили его как следует, раскалили в углях костра и вонзили эту жердину в единственный глаз великана! После чего принялись вращать, как вертит

корабельный строитель, толстую доску пронзая...

Глаз зашипел, и Полифем издал ужасный вопль». Конец цитаты. Таким образом несчастный киклоп лишился зрения, а предприимчивые ахейцы угнали у него стадо жирных баранов и вернулись на свой корабль.

Однажды эти злодеи закололи черную овцу и стали приманивать души усопших, как в голливудских фильмах про оккультные ритуалы вуду. Первым явился зомби-Тересий, в бытность свою известный предсказатель, напился крови и стал прорицать, мол, «Одиссей и его люди! Не крадите скот солнечного Гипериона на острове Сицилия!». Попал пальцем в небо, как будто раньше никто не слышал про сицилийскую мафию. Но тем не менее, «поблагодарив Тересия, Одиссей разрешил допить кровь...» остальным зомби. И был несказанно рад «встретить таких знаменитых женщин, как Антиопа, Эпикаста, Хлорида, Тиро, Леда, Ифимедея, Федра, Прокрида, Ариадна, Мера, Климена и Эрифила...» Всех не упомнишь...

Подобный случай из жизни древних предков только подтверждает мою теорию о раздельном содержании душ на том свете. Что рай, извините, один, а преисподние – разные. Девочки – налево, а мальчики – направо, иначе на эту оргию будет не протолкнуться!

Ну что еще можно сказать про Одиссея и компанию...

Люди железные, заживо зревшие область Аида,
Дважды узнавшие смерть, всем доступную только
однажды...

Так вот, однажды у безымянного острова их стали преследовать катера Интерпола. «Сирены пели так сладко, призывая к себе Одиссея...», что пришлось его привязать к мачте, в противном случае Одиссей угрожал явиться на суд присяжных и сдать всю группировку.

Другой раз им удалось проскочить между Сциллой и Мосадом, правда не без потерь...

Я, оглянувшись на быстрый корабль и товарищей милых,
Только увидеть успел, как у поднятых в воздух мелькали

Ноги и руки...

Короче, читайте Гомера – там все изложено, как в полицейском протоколе. В двадцати четырех эпизодах, включая песнь «Об избииении женихов Пенелопы», но об этом я расскажу позднее...

* * *

Итак, ваш покорный слуга отправился на морскую прогулку в составе третьей так называемой экспедиции аргонатов. Штурман – Юлия Феликс, рулевой – Исида и судовой балласт – Ингмар Кляйн.

– Давай-ка я поясню, – сказала Юлия Феликс, как только катер распрощался с пирсом и отошел на приличное расстояние от берега. – В нашем распоряжении имеется кубрик, он же – кают-компания; камбуз, он же – пассажирский салон; машинное отделение и ходовая рубка. Я буду спать до двенадцати ночи в кают-компании, после чего подменю за штурвалом Исиду...

– На судне это называется «склянки», – с удовольствием сообщил я. – Их отбивают каждые полчаса.

– Вот-вот, – подхватила Юлия Феликс. – Смотри не перепутай. Потому что после двенадцати в кают-компании будет находиться Исида, а ты с ней не договаривался о первой брачной ночи.

– Нет-нет, я лучше предамся морскому романтизму, – поспешно заверил я. – Посижу на палубе, помечтаю... Где тут можно устроиться хотя бы до часу ночи?

– Где хочешь, – развела руками Юлия Феликс. – Как говорят англичане – anywhere. Только не бултыхнись за борт, а то ишь чего выдумал – «предаться романтизму», – передразнила она. – Прямо боязно оставлять тебя одного.

– А что плохого в лирических отступлениях? – насупился я.

– В твои-то годы? – удивилась Юлия Феликс. – Мне кажется, что у тебя давненько не вывозили мебель.

– А тебе не кажется, – в свою очередь намекнул я, – что для первой брачной ночи ты проявляешь излишнюю осведомленность?

– Ну, все мужчины хотят одновременно и невинную, и развратную невесту, – предположила Юлия Феликс. – Однако это довольно сложно устроить.

– А мне, получается, повезло, – заметил я. – Впрочем, как всегда.

– При чем тут везение? – рассмеялась Юлия Феликс. – У меня авторский договор! А что тебя не устраивает?

– Ну, например, откуда тебе известно про мебель, что вывезла из квартиры моя жена?

– Это какая по счету – пятая или третья? – спросила Юлия Феликс. – Блондинка или блондинка?

– Последняя, – нехотя уточнил я.

– Вот видишь, с мужчинами это часто происходит, – улыбнулась Юлия Феликс.

– Ну хорошо, – согласился я. – А что за авторский договор, о котором ты сейчас упоминала? А липовая стюардесса? А история с париком?

– Про стюардессу лучше поговорить с Исидой, – ответила Юлия Феликс. – Это ее изобретение. А все остальное ты узнаешь в Помпеях.

– Договорились, – кивнул я. – Мне ведь не к спеху.

– Вот и хорошо, – сказала Юлия Феликс и чмокнула меня в щеку.

– Эй-эй! – прикрикнула на нас Исида. – Я все вижу! Чем вы там занимаетесь?!

– Романтизмом! – пояснила Юлия Феликс.

– Прямо на палубе?! – возмутилась Исида. – Заканчивайте!

И снова скрылась в ходовой рубке.

С одной стороны, меня все устраивало, потому что я предрасположен строить по поводу женщин разные иллюзии и был готов подождать до Помпей, чтобы иллюзии не развеялись раньше времени. А с другой стороны...

– Ты ведешь себя как роковая красотка, – заявил я.

– Нет никаких роковых красоток, – ответила Юлия Феликс. – Есть глупые и наивные мужчины... Я бы могла еще порассуждать на эту тему, но страшно устала, – добавила она, помахала рукой мне на прощанье и спустилась в кубрик.

А я прислонился к ходовой рубке, чтобы невзначай не свалиться за борт, и приготовился «отбивать склянки», слушая, как Исида за допотопным штурвалом напевает о чем-то своем, о девичьем...

[10] Про пятьдесят бывших девственниц я рассказывал, а про наглых женихов Пенелопы подло умолчал. Однако настало время ликвидировать этот пробел и поведать, как обстояли дела на Итаке, покуда Одиссей шлялся по белу свету. И заодно ответить на два вопроса: сколько так называемых женихов перебивало у Пенелопы и сколько провизии они сожрали. А то пишут всякую хрень – читать противно...

Как однажды, в детстве, я долго стоял у кинотеатра, таращился на афишу – «Скорonoгая пастушка» – и недоумевал, где число и начало сеанса?

– Тетенька, а когда будет фильм про пастушку?! – уточнил я.

– Мальчик, там все написано! – рыкнула билетерша. – Читать не умеешь? СКОРО! НАГАЯ! ПАСТУШКА!

И, должно быть, решила, что я мелкий извращенец, если интересуюсь такими фильмами. А ваш покорный слуга просто не понимал, что значит слово «нагая». Зато сейчас...

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Долго скитался...

А именно – двадцать годочков «многоопытный» Одиссей отсутствовал дома: десять лет осаждал Трою и десять лет, по уточненным данным, плывал вокруг Сицилии, как говорится – блукал... Мобильного телефона в девятисотом году до Рождества Христова не было, во всяком случае у Одиссея, и шестисотого «мерседеса» тоже... Вот я, например, когда задерживался, ставил в известность жену, что мы проживаем в городе на Неве, где разводят мосты, и при всем желании мне до нее не добраться. А рыжий прохвост Одиссей рассказывал Пенелопе о Сциллах и Харибдах, которые мешали воссоединению семьи. А про Калипсо, что родила ему трех бастардов, ни гу-гу! Короче говоря...

Музы мои, девять пьяных евреек!
О Пенелопе двуспальной замолвите слово...

Как только стали поступать сведения о скором возвращении Одиссея на Итаку, задумалась Пенелопа о собственной жизни. Ну сами посудите: полный дом всякого сброда, якобы женихов; каждый вечер то «пати», то просто очередная пьянка; на ткацком станке паутина; зато супружеская кровать до блеска отполирована! Посмотришь на садовника – душа отдыхает; увидишь чистильщика бассейна – сердце кровью обливается, мол, неужели придет конец этому тихому женскому счастью?!

И была у Пенелопы подруга по имени Навсикая, дочь дона Алкиноя, которого величали «каппо ди тутти каппи» – «царь остальных царей на Сицилии». Вот они вместе и разводили бардак на Итаке в течение двадцати лет, Пенелопа да Навсикая. Первая – как соломенная вдова, а вторая – по дельфийскому предсказанию, что «лучше иметь сына-ефрейтора, чем дочь-проститутку!». А кому, извините, нужен такой оракул? Во всяком случае, не дону Алкиною, который списал свою дочь на Итаку и был таков...

– Ну что, Навсикая? – спрашивает Пенелопа. – Допрыгались?! Муж мой в обличи нищего высадился на побережье!

– Так пусть там и растет! – отвечает Навсикая. – Если высадился!

– Да не лакай ты прямо из кувшина! – ругается на нее Пенелопа.

– А в чем, собственно говоря, дело? – недоумевают Навсикая, с утра уже никакая, и декламирует стихи следующего содержания:

Как пьют с камрадами камрады,
Была бы тоже выпить рада!
Но мы же, мон ами, с тобою
Хлебаем, как свинья с свиньей!

– Ну прямо Гомер! – удивляется Пенелопа.

– А то! – соглашается Навсикая. – Давай сочиним «Алкиною»!
Или «Одиссею»!

А тут вышеозначенный Одиссей ломится в двери – «Бум-бум-бум!», как полоумный молотит своими кулачищами – «Бум-бум-бум!», словно сваи заколачивает – «Бум-бум-бум!», вместо того чтобы вежливо позвонить и представиться – «Бум-бум-бум!», мол, извините

за беспокойство – «Бум-бум-бум!», это муж из дальних странствий вернулся – «Бум-бум-бум!».

– Слушай, – говорит Навсикая опечаленной Пенелопе, – он всегда такой многошумный? У меня от этого «бум-бум-бум» уже голова болит!

Здесь падает дверь в «царские апартаменты» и давай залетать женихи, да не просто так, а со свистом... «Я насчитал у Гомера сто восемь ублюдков!», когда изучал «Одиссею» в переводе Вересаева, но в переводе Жуковского, говорят, ублюдков было больше... «Кучами так женихи друг на друге лежали!»

– Это что? – спрашивает чисторадилюбопытный Одиссей у Пенелопы и Навсикая.

Главное, ни здрасте тебе, ни до свидания, а сразу по дому шарить и порядки свои наводить.

– Это женихи! – отвечает слишкомбесстыжая Навсикая. – А что?

– Чьи? – интересуется мягкостелющий Одиссей.

– А я откуда знаю? – говорит совсемобнаглевшая Навсикая. – К нашему берегу, извините за выражение, много всякого-якого прибивается – то женихи, то, извините, кое-что похуже! А за двадцать-то с лишним лет вишь чего накопилось?!

– А ты ехидна яйцекладущая! – возмущается Одиссей. – Вздумала шутки со мной шутить?! Да я на Харибду с голыми руками ходил! Сцилла, завидев меня, плакала как ребенок!

Страшно рычащая Сцилла в пещере скалы обитает.
Как у щенка молодого, звучит ее голос...

– Хотите верьте, хотите не верьте, – вздыхает гладковрущая и быстронаходчивая Навсикая, – но это не женихи, а разносчики пиццы! Такое традиционное итальянское блюдо...

Тут Пенелопа принимается живокартинно рыдать, чтобы поддержать подругу. Ведь куролесили вместе, а шишки сейчас посыплются на одну Навсикаю. Вдобавок женские слезы действуют на мужчин успокоительно, словно киферонский лев на Геракла.

– Насколько мне известно, – пускается в рассуждения слегкапоостывший Одиссей, – разносчики пиццы привозят свои

лепешки, получают расчет и немедленно улепетывают обратно. Так у них заведено. А эти почему задержались?

– Вас дожидались! – говорит невозмутимобрехущая Навсикая. – Ведь расчета они не получили! Потому что вы, батенька, как оголтелый ускакали на Троянскую войну, а нас оставили без средств к существованию!

И тоже начинает многострадально рыдать, поскольку все отговорки у нее закончились, а заодно и вино в кувшине... Ну, Одиссей ощущает себя наипоследней скотиной, что двух женщин довел до истерики, и думает, каким образом загладить свою вину – по шерсти или против шерсти, по шерсти или против шерсти, по шерсти или против шерсти... Приходит к выводу, что лучше – по шерсти, и начинает оправдываться:

С сердцем разбитым в груди я долго скитался, покуда
Боги меня наконец от напастей решили избавить...

А Навсикая, сморкаясь в платочек, ему отвечает:

Тою порою жена ваша верная, блин, Пенелопа,
Грустно без пищи лежала, еды и питья не вкушая...

И так ладно да складно у них получалось: Одиссей – свое, а Навсикая – свое; что суток за трое они наговорили на целую поэму, с перерывами, конечно, на кратковременный отдых и неумеренные возлияния. Что же касается женихов, то, по словам Гомера:

Все пожелали иметь попроворнее ноги,
Чем богатеть, и одежду и золото здесь накапливая.

И, если верить научным изысканиям, в частности Роберту Грейвсу: «В „Одиссее“ нигде прямо не говорится, что Пенелопа была неверна Одиссею во время его длительного отсутствия, правда, указывается, что она обворожила женихов и требовала от них подарков... Но Навсикая, если только она является автором „Одиссеи“,

рассказывает все по-другому, стараясь обелить Пенелопу...» Конец цитаты.

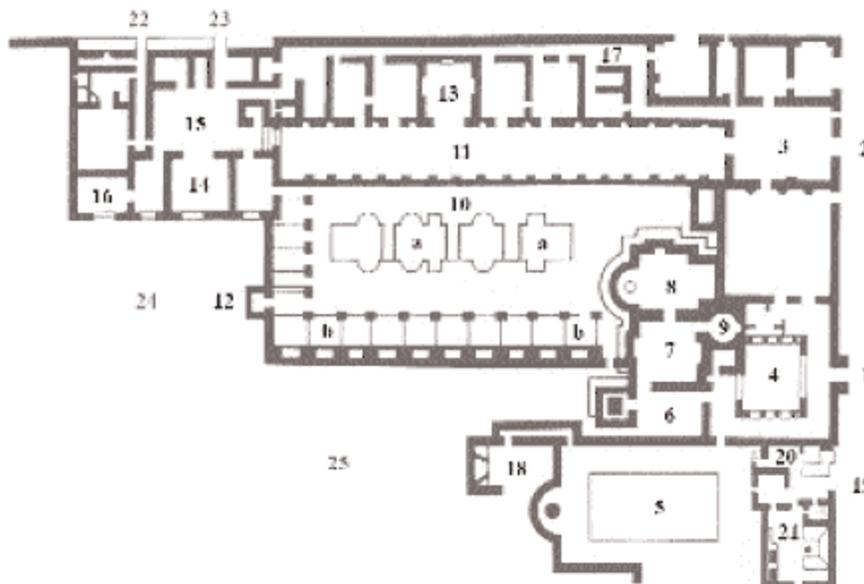
Книга III

Талия

Каждая вавилонянка однажды в жизни должна садиться в святилище Афродиты и отдаваться [за деньги] чужестранцу. Сидящая здесь женщина не может возвратиться домой, пока какой-нибудь чужестранец не бросит ей в подол деньги и не соединится с ней за пределами священного участка. Бросив женщине деньги, он должен только сказать: «Призываю тебя на служение богине [Афродите]!» Плата может быть сколь угодно малой. Девушка должна идти без отказа за первым человеком, кто бросил ей деньги. После соития, исполнив священный долг богине, она уходит домой, и затем уже ни за какие деньги не овладеешь ею вторично. Красавицы и статные девушки скоро уходят домой, а безобразным приходится долго ждать, пока они смогут выполнить обычай. И действительно, иные должны оставаться в святилище даже по три-четыре года...

Геродот

Помпеи. Дом Юлии Феликс

1. Главный вход с полуколоннами и фронтоном, а также надписью следующего содержания: «Во владениях Юлии Феликс, дочери Спурия, сдаются внаем: элегантные термы для уважаемой публики, достойные самой Венеры; художественные мастерские и комнаты для проживания на втором этаже, – начиная с ближайших августовских ид и на пять лет кряду. По истечении этого срока аренду можно возобновить простым соглашением».

Больше о Юлии Феликс ничего не известно. Ее прозвище *Felix* переводится как «счастливая» или «удачливая», однако другой информации о Юлии Феликс в античных источниках и среди эпиграфических памятников не обнаружено.

2. Второй вход в имение Юлии Феликс с виа дель Аббонданца – улицы Изобилия. Все названия улицам и переулкам в Помпеях дали археологи. На виа дель Аббонданца обнаружили множество торговых лавок, мастерских и закусовых, а в переулке Лупанария – заурядный бордель. И, как теперь поясняют гордые итальянцы, в домике «с нависающим балконом» находится *lupanaria* o *bordello* (перевода не требуется).

3. Атрий (*лат.* *atrium* – помещение, почерневшее от копоти). Первоначально в центре древнеримского атрия располагался очаг, и

крыша над ним имела отверстие для выхода дыма. Во времена Юлии Феликс вместо древнеримского очага по моде тех лет располагался неглубокий четырехугольный бассейн – имплювий (*лат. impluvium* – водосток), а над этим бассейном находилось аналогичное по размерам отверстие – комплювий (*лат. compluere* – стекаться) для стока дождевой воды.

4. Порттик (*лат. porticus*) перед термами (о термах см. ниже). В доме Юлии Феликс это крытая галерея, ограниченная с трех сторон стенами, где древние помпеянцы могли укрыться от палящего солнца или дождя до или после бани.

В Доме непорочно влюбленных, как его окрестили развеселые землекопы, на стене аналогичного портика археологи обнаружили надпись: «Любовникам, словно пчелам, жизнь тут кажется медом». Правда, согласно другой легенде, вышеозначенное жилище называется Домом нежно возлюбленных, но это уже стилистические детали. Видимо, археологи не сошлись во мнениях, в какой исторический момент «непорочно влюбленные» нарушают все предписания и становятся «нежно возлюбленными».

5. Бассейн, этакий баптистерий (*лат. baptisterium*), с прохладной водой, где можно было поплавать на свежем воздухе. Находился бассейн, кстати, позади кабака, как будто специально для протрезвления.

6–9. Термы (*лат. thermae* – бани)

6. Аподитерий (*лат. apodyterium*) – раздевалка. Здесь посетители могли оставить одежду, а в общественных банях – сдать на хранение специальному служащему – капсарю (от *лат. capsa* – большая коробка) или оставить раба сторожить свои вещи. В доме Юлии Феликс аподитерий был совмещен с небольшим фригидарием (*лат. frigidarium* – холодная баня), иначе говоря – душевой кабиной, где разгоряченный помпеянец мог померить свой пыл холодной водой. Из аподитерия в термах Юлии Феликс у древнего помпеянца были три дороги: назад в портик, вперед – в тепидарий (о тепидарии см. ниже) и налево – в сад. А дальше огородами, огородами – и в ближайший кабак... Иначе говоря, раздумал мыться – тоже не пропадешь! Поэтому не надо предаваться пессимизму и писать на стене кабака: «Жизнь

напрасна!», как поступил какой-то немытый и отчаявшийся помпеянец.

7. Тепидарий (*лат. tepidarium*) – теплая баня. Здесь никто из древних и «классических» римлян не мылся, однако спокойно сидел, лежал и прогревался. Массажисты (и массажистки) натирали посетителей оливковым маслом и отскребали тела помпеянцев от «вековой» грязи. Из тепидария для римлян и римлянок были, как водится, три пути: первый, самый разумный, вперед – в кальдарий (о кальдарии см. ниже); второй, направо – в лаконик (о лаконике см. ниже); и третий, обратно – в аподитерий, то есть в раздевалку. А дальше огородами, огородами – и в ближайший кабак... Правда, некоторые умудрялись застрять в тепидарии надолго и основательно, о чем свидетельствует надпись, обнаруженная в Пригородных термах: «Здесь побывали два близких приятеля. После дурных советов (некоего) Эпафродита они наконец вышвырнули его прочь, а затем весело прокутили 105 сестерциев с девочками». Вот почему первым делом я упомянул про массажисток...

8. Кальдарий (*лат. caldarium*) – горячая баня. Данное помещение служило для заключительной фазы банной церемонии, состоящей из поэтапного посещения аподитерия, тепидария и наконец – кальдария. По правде сказать, выше этого по температуре был только лаконик, – аналог современной сауны. А что там сейчас творится, лучше не вспоминать.

9. Лаконик, или лаконская баня. Как «лаконически» написал наш дорогой Сенека: «Нынче здесь додумались поднимать температуру до стадии пожара. Раба, уличенного в тяжком преступлении, достаточно выкупать тут живьем!» А наш дорогой сатирик и парасит Ювенал (о параситах см. ниже) радостно сообщал: «Тут-то и случаются внезапные смерти, а старик умирает, не оставив завещания». Правда, в поэтическом изложении это звучит еще более «радостно»:

Пузо набив, иди в баню, объевшись павлином:
Без завещанья отсюда внезапные смерти!

В том смысле, что «ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй!». И как похожи поэтические параситы

во все времена!

10. Перистиль (от *греч.* peristylos) – прямоугольный двор, окруженный колоннами.

а) Во владениях Юлии Феликс в центре перистилия находился бассейн. А если точнее: бассейн класса euripus, (т. е. поэтически и метафорически напоминающий узкий пролив в Эгейском море между греческим островом Эвбея и материковой частью), обрамленный апсидами, нишами и небольшими мостиками... Я устал пояснять: апсида (от *греч.* hapsis) – это свод или полуокружность; ниша (от *итал.* nicchia) – это углубление; а небольшой узенький мостик – русская «угадайка». Этот бассейн в перистиле Юлии Феликс – не для купания (ну разве что в пьяном виде), а для красоты и поэтического вдохновения!

б) Пергола (*итал.* pergola), как сказано в путеводителе – «дальняя родственница садовой беседки». В имени Юлии Феликс это увитый зеленью коридор. Здесь предавались вышеозначенному вдохновению, особенно после бани, и «под сенью листвы» наслаждались прохладой и общением с музами. А летними поэтическими вечерами пергола интимно освещалась многочисленными светильниками.

11. Большая, открытая со стороны перистилия галерея с колоннами. Отсюда можно попасть в ряд помещений, в частности в летний триклиний.

12. Святилище Исиды (или Изиды). Богиня Исида почиталась в греко-римском мире особенно женщинами. Роза была священным цветком Исиды, а корабль – священным символом. В храме Исиды, что тоже находился в Помпеях, обнаружена надпись о восстановительных работах после (предыдущего) землетрясения 62 года: «Нумерий Попидий Цельсин, сын Нумерия, отстроил за свой счет от самых оснований храм Исиды, разрушенный землетрясением. В знак признания этой щедрости декурионы приняли его в свои ряды безо всяких взносов, хотя ему было всего шесть лет». То есть отпрыск Нумерия, невзирая на свой детский возраст, был зачислен в состав местного сената. А вы еще удивляетесь, что император Калигула назначил сенатором своего любимого коня.

13. Летний триклиний (*лат.* triclinium) – помещение для трапезы, в данном случае – на свежем воздухе. А так называемых пирующих по

всем латинским канонам должно было присутствовать «не меньше граций, но не больше муз!», то есть от трех до девяти человек. Кстати, в другом подобном триклинии археологи обнаружили надпись, состоящую из трех поэтических назиданий:

- а. Ноги, мальчик, водою омой и досуха вытри,
Дай салфетки гостям, наши платки береги.
- б. Взор на чужую супругу не смей кидать похотливый,
Ласков с нею не будь: скромно себя ты веди.
- в. Будь приветлив с соседом, и прочь ненавистные ссоры!
Если не можешь, шаги к дому обратно направь.

Понятно, что «мальчик» из первого назидания – это не чей-то сынишка, пришедший в гости с родителями, а мелкий раб. То есть не «чадо» богатых родителей, а «отголосок» проклятого рабовладельческого строя.

Тут можно вспомнить уроки истории по батюшке Геродоту, что «отрядил» на строительство пирамид «10 000 рабов», которых в Египте никогда не было. Я содрогался, глядя на иллюстрации в учебных пособиях, где подневольные труженики тащили огромные призматически отесанные камни, или «пирамидоны», а злобные надсмотрщики подгоняли этих бедняг длинными кнутами. Батюшка Геродот ошибся, однако «товарищу подполковнику» шуточка с пирамидами очень понравилась, и по страницам советских учебников пошли гулять «египетские рабы» и «рабы под предводительством Спартака» (встретил бы последнего – пристрелил из «пистолета Дзержинского»).

Конечно, рабы по древнему Риму прохаживались, мы этого не отрицаем, однако все обошлось без «сталинских репрессий», а вышеозначенный Спартак вначале верно служил Риму и командовал отрядом фракийских наемников, после чего сильно проштрафился и был как военный преступник «разжалован» в гладиаторы. Вот куда нас завел проклятый мальчишка из первого назидания! И за это будет наказан по Марциалу:

Коль окажется мальчик тупоумен,
Пусть глашатаем будет или зодчим!

14. Столовая на хозяйской половине дома, по соседству с этрусским атрием.

15. Этрусский атрий.

16. Предположительно – спальня Юлии Феликс, с окнами в сад.

17. Служебный коридор, над которым находились «комнаты для проживания», как было сказано в «рекламном объявлении». Второй этаж с этими комнатами не сохранился.

18. Ватерклозет (*англ.* water closet).

19. Вход в кабак с улицы Изобилия (виа дель Аббонданца).

20. Помещение кабака со «стойкой бара».

21. Помещение кабака с триклинием.

22. Вход с Нуцерийской улицы на хозяйскую половину дома, заложенный кирпичом еще во времена Юлии Феликс.

23. Служебный вход с Нуцерийской улицы.

Нуцерийская улица тянулась до Нуцерийских ворот, а дальше дорога шла в одноименный город. К примеру, в торговой лавке обнаружена надпись: «Рынок в Помпеях и Нуцерии (открыт) – по субботам!» А у Тацита в «Анналах» можно найти следующее сообщение: «Приблизительно тогда же, начавшись с безделицы во время представления гладиаторов, вспыхнуло жестокое побоище между жителями Нуцерии и Помпей». Как будто одни болели за «Зенит», а другие – за Спартака, и, что характерно (ручаюсь за перевод), гладиаторы устраивали «представление», можно сказать – театральное, а между жителями произошло «побоище». Я всегда полагал, что «голливудские» рассказы о гладиаторах, гибнущих на арене в несметных количествах, несколько преувеличены. Зато сражение разъяренных «фанов» закончилось весьма плачевно: «задирая сначала друг друга насмешками и поношениями, они схватились затем за камни и наконец за оружие, причем взяла верх помпейская чернь, в городе которой давались игры». То есть наши победили, а «проигравших» нуцерийцев похоронили. Однако после разбирательства в римском сенате помпеянкам запретили в течение десяти лет устраивать в городе гладиаторские игры, и только в

семьдесят девятом году, за несколько месяцев до извержения Везувия, в Помпеях появилось такое объявление: «31 мая состоится выступление отряда гладиаторов (школы) Авла Светтия Церта. Будет (солнечный) тент». И не верьте современным путеводителям, что пишут всякую дребедень типа «на стене амфитеатра археологами обнаружено изображение гладиатора, предположительно это Спартак». Знайте, что все помпеянцы болели за «Зенит», а никакого Спартака там и в помине не было.

24. Сад.

25. Дом Трагического поэта.

Переписка гетер и параситов

[11]

Помнишь ли ты, Таис, того воина из [Помпей], который раньше содержал Коринну, а потом увлекся мной? Бессовестная Горгона переманила его! А я-то считала ее подругой...

Лукиан. Диалоги гетер

Письмо IV

Юлия – Исиде привет!

Я полагаю, что женский Союз объединенных колготок не представляет для нас никакой опасности. А даже наоборот – пусть крепнет и процветает! Во-первых, они поделили всех мужчин на три когорты: свободные, женатые и никудышные. И если свободных они обихаживают, как мартышки, то женатым и никудышным не уделяют должного внимания. Да здравствуют «Чулки и подвязки»!

Что представляет собой мужчина? Это неисчерпаемый источник нашего благополучия, покуда существует на свете Союз объединенных колготок и дуры, его составляющие. Во всех своих ипостасях: блондинки, брюнетки, шатенки и рыженькие! Потому что наше объединение «Чулки и подвязки» смотрит на мужчину как на шлагбаум. Если есть у него эрекция, значит – свободен!

Ведь мало того что идиот женился, да вдобавок на нем восседает наглая бестия: блондинка, брюнетка, шатенка или рыженькая – и похвается своими навыками верховой езды. И чуть что – колечко обручальное демонстрирует, мол, вот я какая стерва, а замужем! Да засунь ты это колечко себе в носопырку и ходи, как папуаска! Тоже мне – фру, вернее – фря! Коза, одним словом!

А женатый мужчина – кто? Опять же, правильно – конь в тоге! И на первый взгляд какая от него польза? В скачках не участвует, потому что отгарцевался, замуж не предлагает, потому что добежался, а только косит «лиловым глазом» да подмигивает. И что же рекомендует Союз объединенных колготок своим сторонницам? Блондинкам, брюнеткам, шатенкам и рыженьким? Сказать – нахал! Вначале разведись, сними тогу, а потом подмигивай! И может быть, я подчеркиваю – может быть, повторяю – мо-жет-быть, и в четвертый раз говорю – возможно... Когда я буду в настроении... Когда закончится сериал «Секс в большом городе»... Когда дневник Бриджит Джонс переполнится... Когда воды Нила потекут вспять... Я тоже закрою глаза на твое подмигивание...

Или твоё подмигивание!

А как поступают «Чулки и подвязки», когда видят, что женатый мужчина созрел для свободного волеизъявления? Ты сама знаешь... Поскольку его подмигивание – это первый шаг по пути налево...

Да здравствуют «Чулки и подвязки»!

Исида – Филодему.

Посчастливилось мне во время мистерий увидеть твою невесту, одетую в прекрасное тонкое покрывало. Жалею тебя, несчастный, клянусь Афродитой: как тебе будет спать с этакой черепахой! Что за цвет кожи у этой женщины?! Что за локоны?! Что за ноги?! Ай-ай, каково-то обнимать ее голой! А как она наштукатурилась белилами: а нас, гетер, еще бранят, что мы подкрашиваемся. И дух от нее, мне показалось, идет тяжелый! Уж лучше с жабою спать, клянусь Немезидой!

Алкифрон. Письма гетер

Письмо V

Юлия – Исиде привет!

В прошлый раз я писала тебе о женатых мужчинах и как в воду глядела. На этой неделе мне встретилось двое таких обреченных на долгий и беспросветный брак. В первом случае явно женатый мужчина стал мне подмигивать в десять часов утра, когда я сидела в кафе и безмятежно завтракала. Ты же знаешь, что я соблюдаю приличия и никого не трогаю до третьего чаепития. С точки зрения нашей организации «Чулки и подвязки», знакомиться раньше – это дурной тон.

Однако мужчина выглядел достаточно респектабельно, чтобы подмигивать в любое время суток. А наш общественный долг – всегда помогать страждущим и платежеспособным. И, конечно, меня заинтересовало – чем вызвана такая экстренная необходимость потратить свои сбережения в десять часов утра? То ли свежи еще в памяти кошмарные воспоминания о ночи любви на супружеском ложе: «этого – нельзя, этого – нельзя, а это – неприлично!». То ли жена, что по соседству объедает салат, нежданно-негаданно опротивела до невозможности...

Помнится, мне рассказывал некий мужчина, что однажды ночью ему приснилась огромная мохнатая гусеница, которая вдруг набросилась на него с неясными намерениями. Конечно, он принялся тут же ее душить и проснулся от страшного визга, потому что на самом деле пытался свернуть шею своей дорогой жене.

Так вот... После этой жуткой истории я предпочитаю завтракать в гордом одиночестве, а с мужчинами рядом не спать, чтобы меня не придушили однажды ночью, перепутав с женой. У каждой гетеры свои причуды. Одни с мужчинами не целуются, другие не говорят о любви, а я, как часовой на посту, бодрствую до утра. Но как рискуют дамочки из Союза объединенных колготок! Как рискуют! Хотя вряд ли об этом задумываются, когда уминают листья салата за обе щеки...

Короче, я решила прощупать «раннюю пташку» на перспективу. И, как только супруги закончили завтракать и

вышли из-за стола, я на мгновение их разлучила. То есть прошла между ними и слегка «припушила» супруга...

Как правильно и мимолетно взбивается на мужчине ворс, я расскажу в другой раз, но помни, подруга, что, разбивая пару на две половины, по правому борту ты наблюдаешь мужчину, а по левому борту – его жену. И в любом общественном месте, кроме постели, лучше смотреть налево, чем неожиданно получить по шее, если нарвешься на расторопную стерву, что знает о «Чулках и подвязках» не понаслышке...

Второй прием – боковая атака, или «Разрешите проскользнуть!». Конечно, на первый взгляд тут можно «проехаться» по объекту всеми частями тела и прояснить обстановку незамедлительно... Однако дважды или трижды, поступая аналогичным образом, я «уехала» не с мужчиной, а с его дорогой женой. Во всяком случае, до ближайшего поворота в интимной жизни. Потому что «великая разница есть» между мужчиной и женщиной. Но одни дураки об этой разнице не задумываются, а другие шустрые дамочки легко сочетают приятное с полезным. Впрочем, до следующего письма...

Да здравствуют «Чулки и подвязки!»

Счастливая Филотида! Счастливая Юлия! Счастливая Исида! Я же, несчастная, имею какого-то слезоточивого парасита, а не любовника. Он посылает мне только веночки да розочки, как будто безвременно умершей, и говорит, что рыдает обо мне каждую ночь! Жаль, что на эти слезы нельзя содержать дом гетеры, в противном случае – как бы пышно я жила! Но ты продолжаешь плакать? Скоро перестанешь! А я вот вконец обнищаю, если буду и дальше возиться с тобой...

Как только появятся у тебя деньги, приходи безо всяких слез!

Алкифрон. Письма гетер

Книга IV

Мельпомена

Элины вели войну с амазонками (скифы называют амазонок «эорпата», что по-эллински означает «мужеубийцы»; «эор» ведь значит муж, а «пата» – убивать). После победоносного сражения при Фермодонте элины (так гласит сказание) возвращались домой на трех кораблях, везя с собой амазонок, сколько им удалось захватить живыми. В открытом море амазонки напали на эллинов и перебили [всех] мужчин. Однако амазонки не были знакомы с кораблевождением и не умели обращаться с рулем, парусами и веслами. После убийства мужчин они носились по волнам и, гонимые ветром, пристали наконец [к] земле свободных скифов. Здесь амазонки сошли с кораблей на берег и стали бродить по окрестностям. Затем они встретили табун лошадей и захватили его. Разъезжая на этих лошадях, они принялись грабить Скифскую землю...

Геродот

Талант – это потенция, а гениальность – исторический факт. Есть еще важные пердуны, которые якобы могут, но по какой-то объективной причине этого не хотят. И державно рассказывают всякой женщине, почему с литературной точки зрения они никак не сподобятся ее трахнуть. А на талантливых юнцов смотрят свысока, мол, это посмешище, а не литература. «Вот, помню, в старые добрые времена писатель три года ждал, покуда из него высыплется песок, и еще три года – покуда осядет пыль», – повествуют оне в каком-нибудь объединении немощных с просвещенными. А последние компенсируют свою литературную несостоятельность некими эзотерическими знаниями, почерпнутыми у важных пердунов. Как

трахнуть худло в будущей жизни! Художественную литературу, разумеется, и поймет классически – со всеми описаниями природы и действующими лицами. То есть на словах – камасутра, а по тексту – полная беспомощность.

Иначе говоря, ничего гениального за прошедшую ночь я не совершил. Вначале хотел пробраться в кают-компанию к Юлии Феликс, потом – к Исиде, что с литературной точки зрения одно и то же... Но в конце концов заснул, как старый пердун, и теперь рассказываю об этом. Вот как бывает! Потенция есть, а исторического факта нет, к сожалению.

– Доброе утро! – поздравила меня Исиде, что опять стояла за штурвалом. – Как спалось? О ком грезилось?

Но я не стал посвящать Исиду в свои художественные замыслы, потому что женщин об этом не предупреждают. А тем более девушек. Иначе они опрометчиво будут на что-то надеяться и к чему-то готовиться, собьют прицел и никогда не узнают, что такое множественные оргазмы.

– Мне снились Помпеи, – скупо ответил я.

– И как нельзя кстати, – радостно сообщила Исиде. – Вон они показались на горизонте.

– Где? – удивился я. – То есть как?!

Сделал стойку, словно спаниель, и стал прислушиваться к неспешному тарахтению катера, пытаюсь сообразить – когда это он переходил на форсаж.

– Что-то уж больно быстро приплыли, – заметил я. – А где Помпеи, вы говорите?

– Вдоль берега, – пояснила Исиде. – И не приплыли, а пришли...

Я не стал возражать «морской волчице», поскольку лучше ориентируюсь на суше, чем на палубе, и всегда путаю бом-брам-стаксель с бом-брам-стенгой. Однако за время нашего «малого каботажа» мы ни разу не заплывали, если можно так выразиться, за буйки, а постоянно держались берега... Ну ничего себе Помпеи отгрохали!

– А что же вы, такой романтик, не пришли ко мне ночью? – спросила Исиде.

– Ну вот, приплыли! – опешил я. – Здравствуйте, девочки! Куда это я не пришел?

– Теперь не важно! – рассмеялась Исида. – Вы прозевали самый благоприятный момент!

И действительно, прошедшая ночь выдалась на редкость спокойной. Не трепал паруса ветер, не свирепствовал шторм, и волны морские не сокрушали наше суденышко. То есть ничто не намекало на секс в экстремальных условиях. И не предвещало. Вот я и заснул...

И теперь, как всякий мужчина, несколько огорчился, что не воспользовался временным женским помешательством. Потому что упущенные возможности более притягательны, чем достигнутые результаты. Жена – это смерть, а прошедшая мимо блондинка – это жизнь...

– Ну что, ребята?! – поздоровалась с нами Юлия Феликс. – В городе вино и бабы?!

Она поднялась из кубрика свежая, словно первая корюшка в начале мая. «Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос», – как сказал бы Гомер.

– Да где этот город?! – занервничал я. – Поднимите мне веки!

– Видишь каменную лестницу, что ведет в море? – спросила Юлия Феликс. – Это спуск на городской пляж. К нему и причалим!

– А вдоль обрыва еще стоят какие-то сараи? – насторожился я. – И все это называется Помпеи?! Поворачивайте обратно!

– Скромненько, но миленько, – попробовала утихомирить меня Юлия Феликс.

– Поворачивайте, вам говорю! – свирепствовал я. – Или нет! Можете причалить, но с первым же пароходом я отплыву назад! И плевать мне на таможенников и пограничников!

Такой же гнев я испытал однажды в Паланге, когда появился на городском пляже в черных туфлях, строгом костюме и при галстукке. Не знаю, что больше меня возмутило: загорелые голые люди или собственный идиотский вид. Словом, я чувствовал легкое несоответствие, как слон в посудной лавке.

– Нет здесь никаких таможенников, – сообщила приятную новость Юлия Феликс. – И пароходов в ближайшее время не предвидится.

– Значит, – насупился я, – меня все-таки заманили и подло обманули?!

– Ага! – как ни в чем не бывало заявила Исида. – Только наоборот... Сперва подло обманули, а потом все-таки заманили.

– Тогда откровенность за откровенность... – предупредил я.

– Да пожалуйста! – махнула рукой Исида. – Ругайтесь себе на здоровье!

Наша беседа на повышенных тонах проходила как раз возле ее ходовой рубки, и вышеозначенная Исида могла правой рукой управлять катером, а левой жестикулировать.

– Так вот... – тут я сделал паузу и многозначительно ухмыльнулся. – Мне пришло в голову, как будет развиваться этот роман, еще в Петербурге!

– И в чем это выразилось? – быстро уточнила Юлия Феликс.

– В стихах и прозе, – подчеркнул я. – А теперь следите за интригой... Как только я догадался, что меня дурачат, то совершенно расслабился и поплыл вниз по течению. Вдобавок мне стало интересно – чем это все закончится. Как писателю и мужчине. Неужто и в самом деле вы считаете меня идиотом?

– Да! – хором подтвердили они.

Конечно, женская точка зрения несколько отличается от медицинской. И если, например, терапевт ставит диагноз и выписывает бюллетень, а дальше выкручивайся как хочешь, то женщины склонны сопроводить пациента в морг, чтобы их точка зрения восторжествовала.

– Кстати, – заметила Юлия Феликс. – Все только начинается...

[12] В девятый день до сентябрьских календ, часов около семи, что всегда соответствует в Помпеях двадцать четвертому августа и трем часам пополудни, я появился в здании Сената и Синода с жалобой на сверлильщиц.

Подобные заведения не действуют на меня угнетающе или подавляюще, скорее наоборот – я от души развлекаюсь в бюрократических вертепах. И не чувствую себя лишним винтиком в механизме, а только ненужным шпунтиком, без которого все и так отлично функционирует.

Поэтому первым делом я направился к небольшому фонтану, что исправно попрыскивал в центре атрия, и полюбовался на его работу. Отметил хороший напор воды и прогулялся по анфиладе, чтобы сориентироваться – куда вломиться со своей жалобой. Выбрал самую

занюханную дверь и не ошибся. Ведь, как известно, бумага все стерпит, и даже такую горгону, что принимала здесь официальные заявления от граждан.

– Вы разве не видите, что у меня обеденный перерыв? – прокаркала она с куском ветчины, чуть не сказал – в клюве.

– Тогда я подожду за дверью, – согласился я с тем, что вид посетителя тоже не всегда способствует аппетиту.

– Выйдите, – сказала горгона. – Я приглашу вас, когда закончится перерыв.

– А когда он закончится? – уточнил я.

– Ровно через минуту, – сообщила горгона и указала мне на дверь.

В основном женщины делятся на три типа: гетеры, горгоны и грации. И в каждом подразделении не без уроды, в смысле внешности и прочих характеристик. Но если гетеры каким-то образом умудряются скрасить свои недостатки, то горгоны их только подчеркивают. А грации просто симпатичные дуры и преимущественно – блондинки...

– Войдите! – разрешила горгона.

За это время она проглотила кусок ветчины и теперь сакраментально улыбалась, как и положено в культовых учреждениях типа Сената и Синода. Однако меня как посетителя едва не хватил кондратий от такой улыбки. Во всяком случае, я вспомнил про священный долг каждого гражданина, только забыл – в чем он состоит. А заодно за каким, собственно, дьяволом сюда приперся.

– Присаживайтесь, – предложила горгона. – Так что там у вас?

– Это сложный философский вопрос... – промямлил я, предпочитая тянуть резину, чтобы снова не оказаться за дверью.

Уселся как можно непринужденнее на казенную скамейку и принял независимый вид.

– А! – все-таки вспомнил я, зачем пожаловал. – У меня есть кляуза на сверлильщиц!

– И что же здесь философского? – осведомилась горгона, продолжая скалиться, как Медуза. Отчего я старался не смотреть в ее сторону, дабы случайно не окочуриться.

– И сверлят, и сверлят! И сверлят, и сверлят! – сообщил я. – А напор воды все падает и падает! Падает и падает!

– Это закон сообщающихся сосудов, – поведала мне горгона. – А водный смотритель об этом знает?

– Кто-кто? – переспросил я.

– Curator aquarum! – пояснила горгона. – Куратор водопроводов!

– Наверное, знает, – предположил я. – Если это закон!

Тут горгона скорчила такую замысловатую рожу, что даже ее отражение на подносе меня напугало.

– Вначале надо обратиться к нивелировщику! – отчеканила горгона. – Тот замерит напор воды, и если факт преступления подтвердится, а именно – будет обнаружено незаконное ответвление от государственного водопровода, нивелировщик поставит в известность куратора, что на данном участке произошла кража воды по предварительному сговору двух и более лиц или сверление магистральной трубы с целью нелегальной врезки!

– Круто! – оценил я. – А повторить сможете?

– Ignorantia juris nocet, ignoratio facti non nocet! – изрекла горгона. – Иначе говоря, незнание закона не является оправданием. Однако, если куратор водопроводов не поставлен в известность о факте преступления, он не обязан этот закон исполнять.

– То есть, – уточнил я, – нивелировщик должен сказать куратору, что возле нашего дома промышляют сверлильщицы?

– Да, – подтвердила горгона. – Но мы никогда не узнаем об этом наверняка! Потому что беседа двух и более чиновников всегда происходит с глазу на глаз.

– Простите! – не согласился я. – Допускаю, что два чиновника еще могут беседовать с глазу на глаз! Но четыре чиновника – только пара на пару!

– Вы что собираетесь делать? – ухмыльнулась горгона. – Восстанавливать водоснабжение или глазки у чиновников пересчитывать?

– Конечно водоснабжение! – определился я.

– Тогда завтра утром, чуть свет, обратитесь к нивелировщику, – сказала горгона. – Он заседает в соседнем кабинете.

– Он? – переспросил я. – Или она?

– Чиновник – существо бесполое, – напомнила мне горгона. – Во всяком случае, с восьми часов утра до трех часов дня.

– А после хоть из дома не выходи, – пробурчал я.

Однако горгона пропустила мое замечание мимо своих развесистых ушей. То есть проигнорировала.

– А сегодня попасть к нему на прием нельзя? – поинтересовался я.
Горгона тяжело вздохнула, как будто собиралась в десятый раз подряд доказать теорему Пифагора, и закатила глаза к потолку.

– Вы знаете, который теперь час? – спросила она.

– Нет, – честно признался я. – Вернее, когда заходил сюда – знал, но потом потерял всякий счет времени.

Горгона откатила свои глаза обратно и снова уставилась на меня, как на дитя неразумное.

– Через пятнадцать минут, – сообщила она, – начнется извержение Везувия, и все государственные учреждения свою работу заканчивают.

– Но может быть, я успею подать заявление? – настаивал я.

– Может быть, и успеете, – сказала горгона. – Но не советую вам сегодня его подавать. Потому что всякое заявление или прошение, поданное чиновнику в конце рабочего дня, расценивается как надругательство над трудовым законодательством и специально кладется в долгий ящик. *Aurora musis amica!* Что в переводе на канцелярский язык означает: «Утреннее время наиболее благоприятно для занятий науками и водопроводами».

– Тогда спасибо! – поблагодарил я и поднялся. – Вернее, до завтра!

– Пожалуйста, – ухмыльнулась горгона. – И надеюсь завтра вас не увидеть, потому что незачем! Вам надо сразу же идти в соседний кабинет.

Я направился к выходу, взялся за ручку двери и на прощанье в последний раз обратился к горгоне:

– А можно задать вам один внеслужебный вопрос?

Она бросила взгляд на песочные часы, где до конца рабочего дня еще оставалось несколько песчинок, и все-таки разрешила:

– Можно.

– Почему вы разговариваете со мной, как с мудаком? – осведомился я.

– По двум причинам, – нехотя ответила горгона. – Во-первых, вы мужчина. А во-вторых, вольноопределяющийся пиит. Что вдвойне несерьезно. И как еще можно с вами разговаривать?

– До свидания! – сказал я и вышел из кабинета.

«Когда государство создает благоприятные условия, из романтических юношей получаются старые циники, а юные леди

превращаются в закоренелых потаскух. Хотя при чем здесь государство?» – подумал я.

После чего покинул здание Сената и Синода.

...На форуме кучковались туристы и таращились на Везувий. От нечего делать я пристроился к группе скифов или германцев – черт их разберет, потому что все варвары для меня на одно лицо. Вот женщины у них непритязательные, в плане поразвлекаться, а варварские штаны меня не впечатляют. И мало того, что германцы пьют ячменный или пшеничный отвар, превращенный посредством брожения в некое подобие вина, они вдобавок поливают этим отваром скамью, на которую плюхаются в своих поросячьих штанах, и липнут, как мухи. А некий сенатор, не буду называть его по имени, однажды посетил германский гаштет, что открыли специально для туристов, так после этого три дня не выходил из бани и слал оттуда «Нравственные письма к Луцилию». Мол, я, как старший по званию педераст, наставляю тебя, Луцилий: не посещай германских гаштетов! Там даже скамейки к заднице прилипают!

– Дядя мой, – рассказывал гид притихшим туристам, – уже погрелся на солнце, облился холодной водой и закусил, как вдруг мать моя показывает ему на облако, необычное по величине и по виду! Оно по своей форме больше всего походило на пинию, вверх поднимался как бы высокий ствол, и от него во все стороны расходились как бы ветви...

Это гид наизусть и нараспев читал шестнадцатое письмо Плиния Младшего, адресованное Корнелию Тациту, после которого, собственно, все и началось – мир обезумел, а мы нашли себе оправдание, что никак не можем оправиться после ужасной катастрофы.

– Облако, – продолжал гид, – от собственной тяжести стало расходиться в ширину. Местами оно было яркого белого цвета, местами в грязных пятнах, словно от земли и пепла, поднятых кверху. Явление это показалось дяде, человеку ученому, значительным и заслуживающим ближайшего ознакомления...

Туристы по-прежнему таращились на Везувий и ждали новое извержение, как было обещано Плинием – «в девятый день до сентябрьских календ, часов около семи...». Однако Священная Гора не издавала ни вздоха, ни звука, ни пука. А наоборот – благоухала, потому

что была сплошь покрыта буйной растительностью и чувствовала себя превосходно.

– А почему подобного явления теперь не наблюдается? – спросил нетерпеливый германский турист.

– Ждем! – заученно отвечал гид.

– Буквально со дня на день? – не удержался я.

– Изо дня в день! – подчеркнул гид и тут же добавил, обращаясь к германским туристам: – Не слушайте его, это местный провокатор!

И, чтобы меня не сочли за лидера оппозиции, я поспешил дальше, глядя себе под ноги и размышляя – как провести свой последний день, дабы на следующий не переживать о бесцельно растроченном времени, например с книгой «Как закалялась сталь». Ведь я не металлург какой-нибудь, а вполне добропорядочный гражданин.

– На суда уже падал пепел! – продолжал надрываться гид.

Однако все тише и тише, потому что я не стоял на месте, а продвигался по форуму, покада речь Плиния Младшего не подхватил другой экскурсовод:

– Тем временем во многих местах из Везувия широко разлился огонь, особенно яркий в ночной темноте. Дядя твердил, стараясь успокоить перепуганных людей, что это селяне впопыхах забыли погасить огонь и в покинутых усадьбах занялся пожар. Затем он отправился на покой и заснул самым настоящим сном...

Это шестнадцатое письмо читали вслух на площади с трех до половины четвертого, после чего, как правило, шло письмо под номером двадцать и наконец – обзорная экскурсия по кабакам. Причем каждый гид вел свою группу в определенное место по личной договоренности с хозяином и девочками, у которых по совместительству служил сутенером. Работа непыльная, знай себе два письма Плиния Младшего и местных девок, что «отдаются за три монеты, как в последний раз!». Одна монета – себе, другая – сутенеру, а третья – на восстановление храма.

– А как вы думаете, – попридержал меня какой-то подозрительный гражданин, когда я готов был покинуть площадь, – Плиний Младший написал эти письма для публикации?

– Никак не думаю, – ответил я. – И бросьте цепляться! Это моя единственная парадная одежда!

– Фу-ты ну-ты! – усмехнулся сей гражданин, а по замашкам вылитый сикофант.

Его грязные пальцы уже отпечатались на моей белоснежной тоге. Почему-то разные прохиндеи считают, что римские граждане так наряжаются каждый день.

– Сейчас получишь в морду! – предупредил я.

– А свою хламидумонаду измять не боишься? – поинтересовался гражданин. – Вон скока складочек! И как все красиво уложены!

По глумливому жаргонному слову «скока» я понял, что передо мной действительно цензор-сикофант, и решил с ним не связываться.

– Что вы от меня хотите? – уточнил я.

– Преступления, – честно заявил сикофант. – Или хотя бы повода, чтобы забрать тебя в участок. Ну в крайнем случае правдивого рассказа – где проживаешь и почему здесь шляешься?

– Вот уже десять лет я снимаю квартиру на улице Изобилия, – сообщил я.

– А покорооче?

– Виа дель Аббонданца, дом Юлии Феликс, – ответил я.

– Это рядышком с домом Пансы? – неизвестно чему обрадовался сикофант.

– Как раз наоборот, – возразил я. – Совсем на другой улице.

– А ради чего так вырядился? – допытывался сикофант.

– Ходил в Сенат и Синод с жалобой на сверлильщиц.

– Бесовские девки! – ухмыльнулся сикофант. – Только не по моей части! Кстати, ты не ответил на мой вопрос...

– По поводу Плиния Младшего? – переспросил я.

Однако сикофант не счел нужным даже кивнуть.

– Плиний Младший, – как на уроке истории в первом классе, доложил я, – собрал и опубликовал свои письма в десяти книгах. Особенно интересны два письма, шестнадцатое и двадцатое, где повествуется о гибели Помпей. В отличие от диалогов Платона относительно Атлантиды, которые повествуют неизвестно о чем, письма Плиния Младшего являются неоспоримым свидетельством нашего упадка. Иначе говоря, когда-то и милетцы были молодцы!

– Что-то я недопонял по поводу милетцев... – сказал сикофант.

– Ну, это древняя греческая поговорка, – пояснил я. – Когда Александр Македонский приступом взял город Милет и осматривал

достопримечательности, он увидел живописную фреску, на которой много отважных воинов сражалось и побеждало. «Были когда-то и милетцы молодцы!» – заявил местный гид. «А где они были, когда я ворвался в город?» – спросил Александр Македонский.

– Ты для чего мне это рассказываешь? – нахмурился сикофант.

– Для общего развития, – честно признался я. – Потому что являюсь вольноопределяющимся пиитом.

– То-то я и смотрю, – облегченно вздохнул сикофант, – что человек в тоге, а выглядит как будто не все у него дома! Можешь идти... Счастливого последнего дня!

– И вам того же, – ответил я и поспешил убраться куда подальше с форума.

«Надо реже выходить из дома, – подумал я, – чтобы не оставлять его без присмотра! Да вдобавок меньше встретится дураков, а дома только гости, которых можно выгнать в любой момент!»

И вот вам парадокс Минотавра! С давних времен в народе ходит легенда о «чудаковатых и долбанутых», в смысле о творческой интеллигенции, что не от мира сего. Эта притча во языцех весьма популярна среди плебеев, которые видят свой мир прямым как оглобля, а жизнь – с линейным сюжетом. Дайте им хлеба и зрелищ, но берегите руки! Ибо тятнут да поглумятся. Ведь нет ничего слаще для плебса, чем плюнуть в творческую интеллигенцию. Поскольку, нажравшись мякины, они любят порассуждать о зрелищах на сытый желудок и порыгать на всякое-такое произведение искусства. И – что характерно! – многие, так сказать, произведения искусства этого заслуживают, однако далеко не все авторы – идиоты. И если Минотавр сам построил себе Лабиринт – бойтесь Минотавра!

МУЗА. НЕ СПАТЬ!!!

С такими рассуждениями про себя, а не вслух, по виа дель Аббонданца я добрался до дома Юлии Феликс, чтобы переодеться и встретить последний день как полагается. Поднялся к себе на второй этаж и для начала, как плебей, плюнул в раковину, куда давно не лилась вода. Надо было жениться на сверлильщице! Еще хотел поразмышлять о государстве, где простой водопровод – враг номер один, но передумал и плюнул во второй раз. После чего взял со стола острый нож и нацарапал на стене рядом с раковиной: «Все на борьбу с водопроводом!»

Возможно, когда-нибудь археологи найдут это граффити и защитят три докторские диссертации и одну кандидатскую, однако Юлия Феликс скорее всего не обрадуется, если обнаружит мои художества. Потому что я оставил потомкам свои афоризмы по всему, извините, периметру. Иначе говоря, исписал четыре стены на зависть скифам, которые, как утверждает батюшка Геродот, на те же стены просто писают, без смыслового подтекста.

Зато у меня за кроватью было начертано: «Трахнул сегодня я здесь потаскуху, красавицу с виду, – все мне хвалили ее; но оказалась – дерьмо!» И подпись: «Федор Александрович Припетровский», чтобы Юлия Феликс не подумала на меня, когда отодвинет кровать, ежели вдруг у нее появится такая фантазия. А Федору Александровичу поделом достанется, пусть переводит с латыни правильно. А то ишь чего выдумал:

Обнял сегодня я здесь девчонку, красавицу с виду, —
Все мне хвалили ее; и те де и те пе...

Не «обнял», а «трахнул» и не «девчонку», а именно – «потаскуху». Как бы я мог распознать, что девчонка – дерьмо, в другой ситуации? И далеко не все нахваливают невинность! Хотя я тоже мог допустить ошибку, и тогда – мои извинения Федору Александровичу. Главное, чтобы Юлия Феликс об этом не узнала, потому что потаскуху мне простят, а любовную интригу с красивой девчонкой – сомнительно.

Но за комодом я выразился более определенно: «Темноволосых любить белокурая мне запретила... Вот еще! Пусть лучше снимет парик!» Это я намекал на женские метаморфозы: брюнетка-блондинка, блондинка-брюнетка, «креведко-блондинко». Хотя опять же слышал только об одном случае, когда из граций некая дама добровольно ушла в гетеры и – как будто – стала весталкой. То есть из блондинок по собственной прихоти перекрасилась в брюнетки. Все решили, что некая дама сошла с ума...

А я, пользуясь случаем, вопрошаю: доколе весталок в научно-популярной литературе будут называть «девственными»?! И, если вы пишете, что «на скамье сидела весталка», а не галка на палке, бог вам

судья! Только не надо усугублять и подчеркивать, что речь ведется не о какой-нибудь там весталке, а девственной! Это масло масляное! Не стоит наводить тень на плетень, а лучше заткнуться на тридцать лет, пока весталка исполняет свои обязанности. Один черт ее вскоре попрут из храма, потому что невелика заслуга соблюдать обет целомудрия, когда на «девственную весталку» больше никто не покушается. И тогда пишите о ней что хотите! А так получается какой-то «Декамерон», а не научно-популярная литература.

Ведь иные люди начитаются нашей белиберды, заявятся в храм и давай подмигивать юным весталкам направо и налево, покуда не выведут из себя настоятельницу. Здесь настоятельница (а что еще остается делать?!) подойдет к подобному прохиндею и ловеласу да как треснет ему по лбу символом плодородия! А вы знаете, какой у Пана символ?! Посмотрите в справочной литературе... Ого-го какой!

И всяким цензорам хочу напомнить, что Caesar non supra grammaticos – кесарь не выше грамматиков. А последний день Помпеи и подавно всех уравнивает! Поэтому я собирался отметить его достойно и беспринципно...

Перво-наперво с большим удовольствием я разоблачился, то есть выкарабкался из тоги, куда меня занесло по гражданской необходимости, и остался в одной тунике. После чего напялил растоптанные сандалии и решил, что достаточно распоясался. А посему выбрал в триклинии место хозяина и возлег, как на пиру Тримальхиона – мордой к столу, облокотившись на локоть. За неимением слуг, самостоятельно разбодяжил в пропорции три к одному кратер вина и выпил полкилика, чтоб ему пусто было! И наконец, вспомнив о музах, сочинил три моралии, по числу граций, в духе Сенеки и следующего содержания:

1. Если припрешься ко мне невзначай отобедать,
Смирно лежи за столом и никого не лягай!
2. Взгляд на чужую жену не кидай похотливый!
Не задирай на бедняжке подол, чтобы лучше ее рассмотреть!
3. Если в триклинии гость задремал ненароком,
Выброси сволочь такую к собакам во двор!

Как это видно из вышесказанного, повседневная жизнь в Помпеях подчинялась своим определенным правилам. К примеру, нельзя было сказать «гостиная», но обязательно – «триклиний». Или «бокал» вместо «килика». И хуже того – «рубашка» взамен «туники». А значит, судьба грамматика – подчиняться этим неписанным законам, в отличие от кесаря, который волен разговаривать с Клеопатрой, как Ваня с Маней, только в античных апартаментах. Я веду к тому, что «высокая» литература значительно превосходит кесаря по всем биометрическим характеристикам, потому что ее кладут на самую верхнюю полку и ни в коем случае не читают, а хранят тридцать лет, как весталку, после чего выбрасывают на свалку истории. Где уже роются археологи и судят о кесаре по обнаруженной литературе.

То есть я достаточно покочевряжился, прежде чем выйти из дома. И теперь, накинув короткий паллиум, а попросту – легкий плащ, я отправился на поиски приключений, предполагая, что поздно вечером, когда мне посчастливится перейти все границы дозволенного, грянет гром и прольется дождь. Что будет означать успешное завершение последнего дня.

– Куда это ты собрался?! – окликнула меня Юлия Феликс, когда я спускался по лестнице.

Как рачительная домовладелица Юлия Феликс не имела ко мне притязаний, но как трепетная любовница могла бы запросто уничтожить лестницу и запереть меня на втором этаже.

– Я отправляюсь в баню! – как можно непринужденнее ответил я. – Вернусь чистым и просветленным! То есть облагороженным!

– Когда? – уточнила Юлия Феликс.

– Как только почувствую себя таковым! – сообщил я.

– Что-то в последнее время совсем не видно молоденьких девушек в женском отделении, – с угрозой заявила мне Юлия Феликс. – Все только старые гримзы да почтенные матроны!

– Спасибо, что предупредила, – поблагодарил я. – Даже не буду туда заглядывать!

– Я говорю к тому, – продолжала рассуждать Юлия Феликс, – что если девушек нет в женском отделении, то, может быть, они находятся в мужском?

– И кто только придумал раздельное омовение?! – поддакнул я. – Наверное, грязные эстеты!

– Ты не ответил на мой вопрос! – напомнила Юлия Феликс.

– В отличие от диалогов Платона относительно Атлантиды, которые повествуют неизвестно о чем, – охотно ответил я, – письма Плиния Младшего являются неоспоримым свидетельством нашего упадка!

– Что за хрень? – удивилась Юлия Феликс. – Я спрашиваю: ты решил прошвырнуться по девкам?!

– Просто меня сегодня все укоряют, что я игнорирую некоторые вопросы, – пояснил я. – А по поводу девок есть замечательная комедия Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий»! Хочешь, продекламирую два или три фрагмента?

– Лучше проваливай! – от чистого сердца посоветовала Юлия Феликс, чем я не преминул воспользоваться.

И не стал выяснять, чем, собственно, комедия Аристофана не приглянулась Юлии Феликс...

Потому что дамы встречаются разные – поэтические и диетические. И тем и другим на мужские комедии равным счетом наплевать, но первые вынуждены хлопать глазами и восхищаться Аристофаном, а вторые – под настроение, в зависимости от диеты: греческой, римской или голливудской. Чем эти диеты различаются – я расскажу как-нибудь в другой раз, но автор комедии может запросто ориентироваться в своих читательницах по внешнему виду. Поэтические дамы – толстые дуры, а диетические – сами себе на уме. То есть стервы. Вот и приходится выбирать, на кого обрушить данное произведение. Не знаю, как Аристофану, а мне больше по душе стервы. Приятно, когда тебе говорят «Проваливай!» дамы с безупречной конструкцией, в противном случае это выглядит как надругательство над всей античной литературой.

Когда дама со временем укрупняется в бедрах, она заметно падает в моих глазах. Только статуям подобные метаморфозы на пользу – они лучше стоят на своих постаментах. Более обоснованно. А сентенции вдруг раздобревшей дамы воспринимаются как от задней части, в которой она доминирует. То есть без надлежащего пиетета. Не то что ехидное замечание какой-нибудь козы, читай – химеры, хоть и глупое, но сексуально востребованное. Поэтому, дамы, следите за своими объемами, если хотите, чтобы к вашим словам прислушивались.

Вот раньше я думал, когда злоупотреблял спиртными напитками, что на меня время от времени находит озарение... А теперь понял, что это были проблески сознания. И разогнал старых муз. Из чего несложно догадаться, что в настоящий момент спиртными напитками я не злоупотребляю и поэтому к дамам отношусь избирательно, а не трахаю всех подряд по стечению обстоятельств. Да и годы уже не те, чтобы попрыгать на даме с щенячьим восторгом, а наутро забыть, как звали эту смешную блондинку, брюнетку или рыженькую. И если нынче я пускаюсь во все тяжкие, то рассчитываю на приятные воспоминания.

Хотя есть одна тонкость – я не люблю молоденьких девушек. Во-первых и во-вторых, то есть в любом, извините, случае ты будешь выглядеть рядом с молоденькой девушкой как старый козел. А в-третьих, она то и дело взбрыкивает и ничего не умеет, кроме как оставаться молоденькой, скажем, до тридцати пяти лет. После чего представляет собой разбитое корыто и больше не пляшет топless на барной стойке без посторонней помощи. Ее надо туда подсаживать. И тут появляюсь я, чтобы помочь даме в ее безобразиях и разделить с ней досуг. Дайте нам только забраться на эту проклятую стойку, и мы вам покажем, ососки поросычьи, как надо плясать! А преподавать молоденьким девушкам основы сексопатологии у меня не возникает желания.

Разумеется, на том свете своя бухгалтерия и, как я полагаю, ведется строгий учет всех модификаций – блондинок, брюнеток и рыженьких, на которых мне довелось попрыгать или тех, что использовали меня в качестве батута. И остается только надеяться, что мой Страшный суд не будет по-настоящему страшным с эстетической точки зрения и всякая дама, которую я постарался забыть, не припрется на этот форум с перекошенной физиономией, толстой задницей и необоснованными претензиями...

СУДЬЯ. Подсудимый, вы узнаете свидетельницу?

ПОДСУДИМЫЙ. Нет, ваша честь!

СВИДЕТЕЛЬНИЦА. Нахал! Когда-то я была блондинкой!

СУДЬЯ. Семнадцатого апреля две тысячи восьмого года в три часа пополудни вы совершили с этой свидетельницей развратные действия, не освященные церковным и гражданским законодательством!

Ведь не слушать и мастурбировать? Нет? В противном случае я снимаю шляпу...

И с удовольствием сообщаю, что со своей обычной, крейсерской скоростью я добрался до дома флейтисток за каких-нибудь десять минут. Вначале по виа дель Аббонданца мимо жилища Лорея Тибуртина, а дальше перебрался на другую сторону улицы, возле обители Моралиста свернул в переулок, и – пусть будут прокляты наши дороги! Потому что нежданно-негаданно я поскользнулся на дождевом камне и грохнулся оземь, как раз под рисунком с флейтами на стене дома.

– Здравствуйте, девочки! – констатировал я.

Если понадобится адресок – смело обращайтесь. Я покажу вам, где музы зимуют! Там еще некий юморист пририсовал к перекрещенным флейтам яйца, отчего вся композиция обрела наконец-то смысл.

– Здравствуй-здравствуй, месяц ясный! – ответили мне сандалии.

Конечно, не мои растоптанные шлепанцы, а настоящие гладиаторские калиги, или «калигулы», если брать во внимание небольшой размер, и не «месяц ясный», а кое-что похуже. Еще меня смутило, что пальцы в сандалиях наманикюрены и ноги не волосатые. Поэтому прежде всего я заглянул «гладиатору» под тунику, чтобы во всем разобраться, и, разобравшись, узнал Исиду.

– Ну и долго ты будешь подглядывать? – спросила Исида. – Как юноша, а не муж! Вставай, месяц ясный! И пойдем к флейтисткам! А то валяешься здесь, как уличный вуайерист!

После чего Исида ухватила меня за шиворот и помогла подняться. А лучшего компаньона для последнего дня и желать не стоило. Потому что однажды мне посчастливилось быть на званом обеде в обществе Икиды, и другой такой оргии я не видел...

Еще, безусловно, славились вечера в доме Филениды, о чем дотошный Марциал не забыл упомянуть в седьмой книге своих эпиграмм: «Боги! Разум верните Филениде! Для которой лизать – мужское дело!» Однако там я не присутствовал, не участвовал и родственников на оккупированных территориях не имел. Поэтому мне остается только догадываться, какими пирожными увлекается Филенида наравне с мужчинами.

Что же касается Исида, то большей матюжницы я не встречал даже среди гладиаторов. И если мы расцениваем данное произведение как римское литературное, то мне придется и впредь заменять ее матюки на что-нибудь нейтральное типа «месяц ясный» и «друг прекрасный».

– Вломимся или войдем? – раздумывала Исида, глядя на дом флейтисток. – Что скажешь, «дитя неприличной женщины»?

– Побережем силы, – предложил я. – Последний день только начинается.

– А я-то думала, что у тебя он в самом разгаре! – усмехнулась Исида, явно намекая, что обнаружила меня лежащим на тротуаре. – Кстати! Юлия Феликс знает о твоих намерениях?

– Как и всякая благоразумная женщина, только догадывается! – в свою очередь ухмыльнулся я.

И дальше, не сговариваясь, мы вышибли входную дверь, как это было предписано правилами хорошего тона при посещении дома флейтисток. А юные музыкантши отреагировали на наше внезапное появление дружным визгом.

– Значит, еще не разобрали всех девок, – заметила Исида. – Ишь как надрываются, «непотребные труженицы дома композиторов»!

Но тут к нам подскочила мадам и разоралась еще сильнее, чем ее перепуганные воспитанницы.

– Я не позволю из нашего заведения устраивать притон! – верещала она в тональности «бля-бемоль», как отметила Исида. – Здесь вам не Кривой переулок, а приличное место для отдыха и поэтического вдохновения!

– Как раз то, что нам надо, – определила Исида. – Встретить последний день не в обществе африканских носорогов, как бестиарий какой-нибудь, а в компании «благородных девиц».

Тогда мадам несколько поостыла и перешла на октаву пониже, сообразив, что Исида не ищет мужа, загулявшего у флейтисток, а вломилась сюда по доброй воле.

– А ты, милочка, случаем, не ошиблась адресом? – прищурилась на Исиду старая потаскуха. – У нас заведение в основном для мужчин.

– Во-первых, «почтенная женщина», я не милочка, а гладиатор, – достойно ответила Исида. – А во-вторых, куда же идти поэтически настроенному гладиатору, как не в бордель?! Поэтому свистать всех

девок наверх! Или как их там называют, флейтисток... Будем выбирать «состав исполнителей»!

– Вам два помещения или одно? – вняла сообразительная мадам доводам рассудка. – А девочки с флейтами или без?

– А какая здесь разница? – уточнил я. – И между чем и чем?

– Ну, если в одном помещении – это оргия, – пояснила «почтенная женщина». – А если с флейтами, то – симпозиум, под музыкальное сопровождение.

– Я так понимаю, что в обоих случаях за культурный досуг придется доплатить? – уяснила Исида. – Тогда нам один триклиний с окнами на Везувий, побольше девок и выпивки и поменьше флейт!

– А нет ли у вас арфы? – за каким-то бесом спросил я.

– Такими извращениями не занимаемся, – брезгливо поморщилась мадам. – Ведь все арфистки полоумные! Последняя, что здесь проживала, вдруг окончательно спятила, настроила свою арфу и стала стрелять из нее, как Геракл из лука! Всех клиентов пораспугала, сволочь такая. Кто расплатился и кто не расплатился... Так что поднимайтесь наверх и выбирайте триклиний, какой понравится. Все свободны. А девочек я сейчас приведу...

– Хай! – согласилась Исида, если мне ничего не послышалось.

И, как было предложено старой вешалкой, мы с Исидой поднялись по лестнице в номера и выбрали самую подходящую комнату для своего симпозиума – с эротическими картинками и стоимостью услуг под каждым изображением. А там, где обычно в триклинии находится стол, стояла сколоченная из досок кровать, больше похожая на борцовский помост.

– Не хочешь ли размяться перед началом соревнований? – спросила Исида.

Но пока я обдумывал данное предложение, приперлись девки с флейтами и выстроились в шеренгу, как на параде. Что привело Исиду в неопиcуемый восторг...

– Гоплиты, равняйся! Смирно! – заорала она, как наш дорогой Цезарь в минуту высочайшего подъема своего фаллоса. – Слушай мою команду! Одежду долой! Дудки к бою! На первый-второй рассчитайся!

Что было исполнено быстро и неукоснительно.

– Первый! Второй! Первый! Второй! Первый! Второй...

– Я извиняюсь, – встряла мадам, – расчет закончен! Тютелька в тютельку двадцать две девочки!

– Это что-то новенькое, – встрепенулась Исида. – А где, говоришь, у них тютельки? В тютельках?

– Должно быть, здесь речь ведется о флейтах, – глубокомысленно заметил я. – Простейшая этимология... Дуют в дудки, а тюкают в тютельки!

– Только по обоюдной договоренности, – предупредила мадам. – А то девочки будут недовольны. Как они, кстати, вам приглянулись?

– Первый сорт, – одобрительно причмокнула Исида. – Девки все вымуштрованные! Пробы ставить некуда! Разделись за две секунды. Сразу видно, что наши гладиаторы здесь поработали.

– И не вспоминайте, – вздохнула мадам. – Сколько будете брать девочек для симпозиума?

– Сейчас сообразим, – сказала решительная Исида и прошлась перед строем, как Цезарь с инспекцией, время от времени делая замечания: – Живот подтянуть! Грудь вперед! Подбородок повыше! – Но в целом осталась довольна и снова взялась командовать своими «гоплитами»: – На две шеренги разой-дись! Ать-два! Первая шеренга шаг вперед! Ать-два! Остальные напра-во! Ать-два! На месте ша-гом арш! Ать-два! Ать-два! Ать-два! Песню про Цезаря нашего запе-вай!

От британских островов до Пантикапея
Девки знают хорошо старого еврея!
Если видишь легион, значит, скоро будет он!

Если выросли налоги на бордели и мочу,
Значит, писать я не буду и «бодаться» не хочу!
Эх, ать, еще ать! У кого б деньжат занять?!

Конечно, деньги не пахнут, но большего идиотизма, чем это «лесби-шоу» с дрессированными «амазонками», я не видел.

– Вторая шеренга, слушай мою команду! – не унималась Исида. – На одного линейного дистанции! Ать-два! На-хрен-с-редькой-шагом-арш! Ать-два! Ать-два! Ать-два!

И вторая шеренга в полной прострации, однако организованно, вышла за дверь под завывание флейт.

– Ну и сколько осталось? – спросила у меня Исида.

– Одиннадцать девок, – пересчитал я. – Если не принимать во внимание «почтенную женщину».

– Пожалуй, я тоже пойду, – заявила мадам. – Подобру-поздорову...

И степенно удалилась, прихватив амуницию «второй шеренги».

– Veni, vidi, bliadi! – крылато выругалась Исида.

– А что случилось? – поинтересовался я.

– Одиннадцать девок надвое ну никак не делятся, – огорчилась Исида. – Давай-ка сделаем вот что, – предложила она. – Разделим девок по-честному. Мне вершки, а тебе корешки...

Я быстро прикинул, как это будет выглядеть, и согласился, что все не только по-честному, но и весьма эротично.

– С чего начнем? – уточнил я.

– Как полагается, с прелюдии, – пояснила Исида. – Выпьем, закусим и послушаем девок... Иначе что это за симпозиум?

И, как оказалось, флейтистки не загорали без дела, а натирались кремами и прихорашивались. Но лишь только слышали волшебное слово «симпозиум», достали откуда-то свои флейты и захотели испортить нам вечер, точнее, последний день.

– Девки, – строго-настрого предупредила Исида. – Не надо дуть в свои тютельки! И так после вчерашнего голова гудит. Лучше рассказывайте, как здесь оказались...

– О, это очень грустная и поучительная история, – закатила глаза к потолку первая «Шехерезада», в то время как мы с Исидой разлеглись на постели, словно пирующие симплегады с бокалами.

– Надо признаться, – продолжала она, – что родом я из Египта и являюсь единственной дочерью тамошнего фараона. А папенька мой согласно древней традиции, как всякий египетский фараон, должен построить себе пирамиду, чтобы упокоиться с миром в Долине царей, покуда его не отыщут и не откопают, как Тутанхамона. «Что?! – спросите вы. – Зачем ему пирамида?» А я почему знаю, но такова традиция!

И все бы ничего! Папенька мой постепенно загибался, а пирамида строилась, как и положено, но тут на Египет посыпались кары

египетские, и все камни превратились в песок. «Что?! – спросите вы. – Как такое могло случиться?» А я почему знаю, но посмотрите на Аравийскую пустыню! Короче говоря, строительство остановилось, а папенька очень расстроился и стал погибать быстрее обычного.

Тогда, как верная дочь и единственная наследница, я отправилась в Помпеи, чтобы добыть камень. «Что?! – спросите вы. – Почему не на Парос за мрамором?» А я почему знаю, из каких материалов сложены пирамиды! Вдобавок в Помпеях публичных домов больше, чем булочных, и поэтому легче добывается камень. «Что? – спросите вы. – Откуда в Помпеях каменоломни?» А я почему знаю, но каждого посетителя я просила расплатиться со мной булыжниками! Может, они из мостовой их выковыривали, а может, из римского акведука... И так продолжалось до той поры, покуда средняя из трех величайших египетских пирамид не была наконец-то достроена. Теперь вот беру деньгами, – закончила мнимая Шехерезада свою грустную и поучительную историю.

«Что?!» – спросите вы.

Тогда мне надо перезарядить музу...

Книга V

Терпсихора

Как передают, Аристей был родом из самых знатных граждан Проконнеса. Однажды он пришел в сукновальную мастерскую и там умер. Валяльщик запер свою мастерскую и пошел сообщить родственникам усопшего... Но когда они открыли двери мастерской, то там не оказалось Аристей ни мертвого, ни живого. Через семь лет Аристей, однако, снова появился в Проконнесе и сложил свою эпическую поэму, которая теперь у эллинов называется «Эпос об аримаспах». Сочинив эту поэму, он исчез вторично.

Геродот

Особой любви к городу Эйску я никогда не испытывал. Вдобавок мне кажется, что ностальгия – это некая помесь садизма и социал-мазохизма. Когда ты наслаждаешься своими психоделическими воспоминаниями, глядя на современный пейзаж. И получаешь кайф, какого не испытывал в семидесятых, мрачно взирая на «брежневские реалии» с коммунистическим подтекстом. Вы знаете, что такое «сосиски сраные»? Так Цезарь, у которого плохо с дикцией, произносит – «социалистические страны»! И если у тебя ломки по этому времени, засунь под язык «кремлевскую таблетку», в смысле «подушечку» или «барбариску», и прошвырни мимо «Макдоналдса» с плакатом «Каждому по гамбургеру, от каждого по рублю!» – все равно ничего не изменится, а тебе полегчает. То есть геморрой не рассосется, но хоть пройдешься по улице с транспарантом, как в старые добрые времена, когда деревья были большими и водка по три шестьдесят две.

Иначе говоря, я сегодня не склонен печатать под копирку на старой машинке марки «Я-дрянь» и пересчитывать, словно Понтий Пилат, тридцать три удара в некогда популярной рок-опере «Иисус

Христос – суперзвезда», или «Jesus Christ Superstar», выражаясь «по-нашему». *Тихо-тихо! Сейчас будут тридцать три удара! Давайте вместе. Ван! Тым-дыри-па-пам! Ту! Тым-дыри-па-пам! Фри! Тым-дыри-па-пам! Фо!..* Вдобавок у меня теперь шестая, подчеркиваю, жена, и намного моложе всех предыдущих, и можно обратно же схлопотать по шее за такие «тым-дыри-па-пам», если целыми днями предаваться воспоминаниям.

Я пробовал... До восемнадцатого удара нынешняя жена ведет себя индифферентно, после двадцать второго начинает ко мне приглядываться весьма характерным образом, а дальше честно предупреждает, что «любой суд присяжных ее оправдает»! Поэтому я пользуюсь современной компьютерной техникой и, когда на меня нападает ностальгия, тихо перелистываю старые фотографии в каком-нибудь новомодном графическом формате или еду взглянуть своей ностальгии в глаза, отчего неизбежно прихожу в уныние. Поскольку я помню одно, а получаю совсем другое, и никакими «фотожабами» этого не реставрируешь. Да и надо ли так издеваться над старыми приятельницами?

К слову сказать, некая N подседа на губернаторскую программу «Фасады Санкт-Петербурга» и обновила себе наружность. Ну, ради спортивного интереса я вошел и быстренько вышел, потому что ровным счетом ничего не изменилось, а даже наоборот – амортизация ухудшилась в прямом и переносном смысле. Ведь, если слегка перефразировать Марциала: «Хочет Лирида узнать, что с ней? Что и с прежнею – мерзость!» Только об этом эпизоде со старой подругой никому не рассказывайте. В частности, нынешним женам и теперешним губернаторам.

^[13] Мои друзья, выезжая летом на дачу, брали с собой кота, которого звали Василий Иванович за чапаевский максимализм. Потому что этот подлец – кот, разумеется, – отличался от ленивых домашних котов охотничьими повадками. Уйдет, как сибирская лайка, в лес на трое суток и без белки не возвращается. Поэтому вся семья была обеспечена меховыми изделиями, образно выражаясь, на вырост, и разве что не экспортировала пушнину за границу. Жена себе сшила шубу, дети ходили в шубах, и все, понимаешь, из белки.

Но в какой-то момент у соседей по даче стали пропадать кролики, и в этих злодеяниях, конечно же, заподозрили нашего кота, хотя

кролики иной раз улетучивались вместе с клеткой. Однако на семейном совете решили кастрировать Василия Ивановича, чтобы несколько поумерить его охотничий пыл и уберечь от соседской расправы. Мол, какие-такие кролики, когда наш кот лежит целыми днями на печке и помышляет только о сметане?! Ну, сказано – сделано, закрыли варвары дачный сезон и отвезли Василия Ивановича к ветеринару.

А на следующий год снова выехали на природу в полном убеждении, что пушной вопрос исчерпан. Однако не тут-то было! Василий Иванович моментально исчез на неделю, а в итоге за полсезона добыл всевозможного зверья на две шубы: беличью и лисью.

Я к тому, что характер практически не меняется – обладает писатель потенцией или нет. Просто когда у писателя есть потенция – он знает, как довести произведение до оргазма и поставить точку, а писателю без потенции все равно, сколь долго будет продолжаться это безобразие и как его называть: катавасия или «котовасия».

* * *

А к городу Эйску я никогда не испытывал ностальгических чувств. Раньше на местном базаре там было можно купить «рыбца», используя конспиративные навыки. Потому что город стоял у моря, но промысловую рыбу частному сектору ловить не разрешалось. Ни сетями, ни динамитами, ни подводными лодками. Вот страхолюдных бычков прямо с пирса – тягай сколько хочешь! А хорошую рыбу – только эзотерически, под бой кремлевских курантов, то есть в шесть утра и двенадцать ночи, когда старенький бабушкин громкоговоритель, молчавший целыми днями, как партизан на допросе, неожиданно вздрагивал и патетически хрипел: «Союз нерушимый! Сидим под машиной! И лопаем кашу! За родину нашу!» Вот уже и Союза нет, и машина та развалилась, а мы всё сидим и разводим руками, изображая, как хотели ее починить и как бы она – «у-у-ух!» – поехала. И, что характерно, попробовал я недавно того вожделенного «рыбца» местных промыслов и проплевался. Вместе с пивом эйского розлива.

А вы говорите – ностальгия! Сегодня за письменный стол я, как современный автор, сажусь охотно. Ведь не стоять же рядом, словно баран? Но все остальное, в смысле писательского труда, делаю без энтузиазма. Раньше я размышлял – как между строчками заложить больше смысла, чем в буковки. А теперь механически пересчитываю эти буковки и прикидываю барыши. Потому что за смысл, да еще между строк, не платят нынче авторского гонорара. Конечно, могут подарить «рыбца», но я же не алеутская лайка, чтобы бегать с другими писателями в одной упряжке. Кстати, это называется «Чок-Чок!», или социальный заказ. Надо свернуть хвост бубликом и доставить филькину грамоту «от Москвы до самых до окраин»! Подобный сизифов труд некогда квалифицировался как высшее достижение в писательской карьере. Однако теперь мне мерещатся другие ностальгические картинки, навеянные работами старых, социалистических мастеров. «Раннее утро в заснеженной тундре; десант дружелюбно настроенных писателей сеет разумное, доброе, вечное между ярангами, то есть гоняется за дочерьми оленеводов с определенными настроениями; на лице заслуженного каюра отражается важность текущего момента; подпись под картиной – „Встреча с читателями. Экспедиция“».

А город Эйск я вспоминаю без тоски по утраченной родине в стиле шестидесятых. Когда сняли руководителя марки «Хрущев» и заменили на руководителя марки «Брежнев». О чем до сих пор, причмокивая, любят порассуждать зрелые мужики? О государственной политике: прошедшей, настоящей и будущей. Экспедиция! Чтобы потом с чистой совестью завести разговор о бабах и футболе. И все это с важностью заслуженных каюров и соответствующим опытом работы: в области иностранных дел, спорта и гинекологии. Можно сказать, тундрические специалисты во всех отношениях, внешних и внутренних. С ними могут поспорить только мастера эзотерического жанра, где на одного мессию приходится от четырех до семи ипостасей. Во-первых, оне философы, во-вторых – писатели, в-третьих – композиторы, в-четвертых – художники, в-пятых – психотерапевты, в-шестых – профессора еще каких-то тундрических наук, и прочая, прочая, прочая... Смотришь на них и думаешь: «Лев народился, лев!», и как столько специальностей помещается на визитке?! Написали бы

просто: «Господи-Боженька. Прием с 10 до 14 по предварительной записи».

Вот я на своей визитке обозначился как «хомо сапиенс» – и простенько, и без претензий, если чего. Мол, что уродилось, то и получилось. Конечно, я тоже могу порассуждать по пьяной лавочке как большой эзотерический и тундрический специалист в любой поднебесной области, но с похмелья всегда удивляюсь. Ведь, честно говоря, наплевать – что именно я нагородил, но просто поразительно, как много людей мне поверили. Как будто не видят, что человек говорит глупости, будучи «выпимши» и пребывая поэтому в философском настроении. Мне бы еще важности соответствующей – и прямая дорога в мессии. Да вдобавок, как новоявленный «избавитель еврейского народа» незнамо от чего, что, собственно, и переводится как «мессия», я должен уверовать в свою исключительность и в тот бред, что из меня мироточится. Но годы уже, повторяю, не те, и мне столько не выпить для обильного мироточения. А постоянно поддерживать себя в подобном перманентном состоянии и вовсе нет сил. Так что не ждите от меня бестселлеров, любезных восьмидесяти процентам читательской массы. Мне бы сподобиться и набредить что-нибудь для двадцати.

МУЗА. Я НЕ ПРЕТЕНДУЮ, И МОЖЕТЕ МЕНЯ ВЫЧЕРКНУТЬ...

А к городу Эйску я всегда относился спокойно. Помнится, как ликовал народ, когда с конвейера сняли морально устаревшую модель «Никита Сергеевич» и запустили свежего «Ильича». Полный покорн! Прежняя модель повсеместно сеяла кукурузу, а новая прославилась своими морозоустойчивыми бровями. Других изменений в модификации я не обнаружил. Как и теперь не понимаю, чем бразильский, якобы эзотерический шпендрик отличается от доморощенного, якобы современного детектива на шпильках. И какова природа их воздействия на широкие массы. Это авторский магнетизм или читательское слабоумие?

Только не подумайте, что я, как гоголевский Вий, на кого-то конкретно указываю пальцем: «Во-о-о-от о-о-он!» Попросту ваш покорный слуга, фигурально выражаясь, выпил парочку кружек пива и философски обобщает. А заодно предается ностальгическим воспоминаниям и не испытывает тоски о прошлом, о пережитом, об

утраченном. «Об чем вы, папенька, думаете?» – «Об выпить водки, об дать кому-нибудь по морде...» Конечно, в городе Эйске было полно минеральной воды, но грамотные люди предпочитали вино и закапывали бутылки с этой подозрительной жидкостью прямо на нейтральной полосе. Можно сказать, минировали все побережье, однако не в целях отражения агрессора, а ради охлаждения бутылок. Участок, отмеченный шелухой и арбузными корками, считался пляжем; прибрежные воды, где плавала глестоперая рыба и прочее дерьмо, по словарю Ожегова считались морем, а между ними располагалась нейтральная полоса, иначе говоря – полоса приобоя, который не знал, куда ему деться от этого ужаса. И шархался из стороны в сторону – море-пляж, пляж-море – и охлаждал бутылки.

Ах, молодость, молодость! В молодости меньше обращаешь внимания на дерьмо в людях и окружающих ландшафтах. Правда, со временем эти негативные впечатления накапливаются, и к сорока пяти годам ты представляешь собой испорченное водоочистительное сооружение. А тогда в ностальгическом городе Эйске мы бродили в полосе приобоя и ногами ловко выковыривали из песка бутылки с ядерной жидкостью, чтобы откатить эти «фугасы» в сторонку и выпить за здоровье отдыхающих. Как я дожил до своих лет после дегустации «плодово-ягодной», или «противотанковой» бормотухи – до сих пор понять не могу! Хотя многие матерые мужики моего возраста, прошедшие сквозь огонь, воду и канализационные трубы, вспоминают разные жидкости, что подавались к столу как *vino de Oporto* (*исп.*), а по-нашему выражаясь – «портвешок», с неизменным умилением. Что можно объяснить только одним медицинским термином – ностальгия, и это, простите, никакой не анамнез, а эпикриз. «Вот, помню, в рюмочной неподалеку от цирка подавали портвейн „Три семерки“. Мы его называли „Аллюр три креста“. Да-а-а... А вы пробовали гидролизный спирт урожая восьмидесятого года прямо из сифона?! В смысле – газированный! Я честно скажу – никто не знает, что там, за вторым стаканом!»

Я тоже не представляю, зато частенько задумываюсь, как бы могла сложиться жизнь без модифицированных продуктов типа «Иосиф Виссарионович», «Никита Сергеевич» и «Леонид Ильич». Должно быть, еще в тысяча девятьсот семнадцатом году на нашу страну напали инопланетяне, которые рушили церкви и гадили в ванны, не понимая,

что рядом стоит унитаз (подобные случаи документально зафиксированы по всем этажам Зимнего дворца, захваченного инопланетянами). Да и нынче инопланетное семя проявляется повсеместно как достижение «марсианской» генной инженерии. Посмотришь, вроде бы европейцы, вроде бы с высшим образованием, а гадают, как на чужой планете.

Но должен заметить, что как писатель какой-никакой, рассуждая о церкви, большевиках, евреях, гомосексуалистах, инопланетянах, зеленых и розовых, я не придерживаюсь ничьей ортодоксальной исторической версии и не пропагандирую ничьих теорий. Потому что писатель какой-никакой – вне политики, сексуальных ориентаций и вероисповеданий. Он выражает только свое мнение особо извращенным, литературным способом и поступает подобным образом не намеренно, а потому что таким уродился. Конечно, многие писатели «пишут», здесь нет никакой тавтологии, и «пишут» по долгу службы, когда берут авторский гонорар и «задолжают» издателю свое литературное произведение. Другие писатели якобы отражают настроения в обществе, особенно с похмелья, и образуют между собой смычки. И если бы, по «марсианским законам», не только церковь, но и писателей отделили от государства, то этот «союз писателей» моментально бы саморассосался, не подумайте ничего плохого. Третьи писатели глубоко убеждены в том, что они распространяют какие-то идеи и, хуже того, мысли, обутые в предложения. Четвертые... Словом, сколько на свете существует писателей – одному богу известно. А сколько их было с момента изобретения письменности? И как затюканному, одинокому читателю разобраться в этой белиберде? Тут поневоле и сам писать начнешь...

Поэтому за вторым пришествием «газированного стакана» ждали третьего. Как в «Откровении Иоанна Богослова»: *«...один есть, а другой еще не пришел, а когда придет, не долго ему быть»*. Но этого почему-то не произошло... То ли настоящие инопланетяне все повыродились, то ли гены стали неспиртоустойчивые. И в нынешней морально-экономической ситуации многие женщины обратились к фильму «Красотка» («Pretty Woman») как к руководству по продолжению рода и приятному времяпрепровождению. Я все понимаю и соболезную, только не надо проводить сказочную параллель между Золушкой Шарля Перро и голливудской

проституткой. Хотя бы потому, что в первом случае бедная девушка просто ждала своего принца, а как сказано в аннотации к фильму: «Главную героиню зовут Вивьен, и она берет только наличными». Смею надеяться, что это разные истории.

А город Эйск я вспоминаю без ностальгического умиления. Другой вопрос – хочу ли я, чтобы этот город, как надоевший прыщик, исчез с лица земли и больше меня не беспокоил. Или лучше, чтобы его засыпало пеплом какого-нибудь вулкана? А я стану периодически откапывать этот Эйск, проводить археологические изыскания, бродить по восстановленным улицам и вспоминать – как тут жили и вымирали...

– Ну и где вас черти носили?! – развозникалась небритая личность, что сидела на берегу, вернее, на каменной лестнице, к которой мы собирались причалить.

Эту личность я без труда классифицировал как исчезающий и снова возникающий вид «сухопутного боцмана».

– Держи конец! – крикнула ему Исида.

Дальше, по морскому закону, вышеозначенная Исида должна была бросить на берег канат, но ничего подобного не случилось. Катер самостоятельно уткнулся носом в лестницу, а боцман воспринял слова Исиды как приветствие и в ответ помахал рукой.

– Я вас четыре часа дожидаясь, – пояснил боцман. – Зажарился, как шашлык из баранины!

– Пойди освежись, – предложила ему Исида.

Тут она спрыгнула с катера и отсчитала боцману энную сумму денег.

– Давно бы так, – боцман поднялся с лестницы, сунул деньги в карман и попытался снова исчезнуть в коридорах времени...

– Стоять!!! – заорал я.

Все уставились на меня с нескрываемым интересом.

– Он что у вас, бешеный? – растерялся боцман. – Или укачало?

Тогда я тоже перебрался на лестницу и ухватился за редкую пуговицу на расхристанной боцмановской рубашке:

– У меня к вам, милейший, имеется ряд вопросов... Во-первых, вы знаете, что такое дежавю?

– Брось ты это дело, – посоветовала мне Юлия Феликс.

Но я проигнорировал ее замечание и продолжал измываться над боцманом:

– Во-вторых, как вы здесь оказались? И в-третьих... Как вам удастся поддерживать свою щетину на уровне пятидневной запущенности? Ни больше, ни меньше...

– Он это ко мне? – уточнил боцман.

– Нет, к Исиде! – фыркнула Юлия Феликс. – Особенно по поводу пятидневной щетины.

– Но-но! – предупредила Исида, крепя канаты от катера к балюстраде некогда городского спуска на пляж.

– И что мне ответить? – спросил боцман.

– Ну, скажи, что перегнал сюда машину и прибыл вместе с нею, – посоветовала Юлия Феликс. – Хотя я тоже не представляю, как ты это сделал...

– На буксире, – пояснил боцман. – Вначале зацепился за поливалку, а потом – за хлебный фургон. Быстро доехали.

– И слава богу, – зевнула Юлия Феликс.

– А что мне ответить по поводу щетины? – снова уточнил боцман.

– А по поводу щетины молчи, – порекомендовала Юлия Феликс. – Это твое ноу-хау!

– Вот! – сообщил мне боцман. – Немедленно отпусти мою пуговицу! Я на нее застегиваюсь!

И мне поневоле пришлось отступить под напором такого веского аргумента.

– Так я быстренько сбегая в магазин и буду снова сторожить катер? – приосанился боцман.

– Валяй, – разрешила Юлия Феликс.

После чего боцман, как сухопутный краб, обошел меня боком и заспешил вверх по лестнице.

– Вижу, что ты начинаешь осваиваться, – сказала Юлия Феликс, когда мы тоже поднялись по лестнице и я обозрел окрестности...

Все эти печальные, покосившиеся и полуразвалившиеся домики, одичавшие виноградники и закрытые ставнями окна. Правда, было одно помпезное здание в древнеримском стиле, отдаленно напоминающее античный храм или ВДНХ. По этому бельму «на голубом глазу» архитектуры я и понял, где нахожусь.

– Ваши Помпеи – это богом забытый Эйск, – констатировал я. – Только не понимаю, за каким чертом я здесь оказался.

– Женщины и города не сдаются без боя, – как-то туманно заметила Юлия Феликс.

Что я, разумеется, не воспринял как пояснение, а расценил как издевательство.

– Во-первых, никто не собирается вас штурмовать, – заявил я. – И насиловать. А во-вторых, какая-то странная у тебя терминология. Женщины... Города... Ты кто по образованию – гинеколог или сексопатолог?

– Юрист, – призналась Юлия Феликс. – И побереги силы... Нам еще по жаре тащиться до гостиницы. А чем тебя не устраивают гинекологи и сексопатологи?

– Эти специалисты мне до лампочки, – растолковал я. – Как и наша глубоко содержательная беседа. Я понял главное: что вместо Помпей меня затащили в Эйск, а за каким, извините, чертом – вопрос второстепенный. Поскольку я не собираюсь здесь жить и размножаться. Только переночую...

Еще я хотел уточнить – с кем именно не планирую размножаться. Со странными юристами и псевдоконтрабандистами. Хотя, по всей вероятности, никто мне этого не предлагал. Просто Исида и Юлия Феликс посмеивались над моими женами, вернее, над тем, что после них осталось. Одни руины, зато умудренные опытом...

[14] Помнится, на заре перестройки, во времена алкогольной блокады, когда водку давали по карточкам, гостил у меня товарищ из Великобритании. Можно сказать, английский джентльмен, а если разобраться, вылитая свинья. Первое, что он сделал, – вылил чай с молоком прямо в унитаз! А ведь это пойло я самолично ему приготовил в знак гостеприимства и согласно сведениям об англичанах, почерпнутым из мировой литературы. Еще думал предложить ему пенициллиновый «хлеб с солью» на вафельном полотенце, да пожалел английского джентльмена. Вдруг у него не совсем хорошо со здоровьем, а тут еще я – в кокошнике и с булыжником; как говорится, «Welcome», или «Добро пожаловать»!

И тогда, в ответ на демарш с чаем, я спрятал от англичанина пробку. Потому что он затыкал этим приспособлением все, извините, дырки. Такая у них туманная традиция на Альбионе – использовать

пробки от ванны не по назначению! И чему их только в Оксфорде учат?! Вот, к примеру, мой англичанин засунет несчастную пробку в раковину, напустит туда воды и плещется, как поросенок. Ему говоришь: что ты, собственно, вытворяешь, сэр? Ведь я человеческим языком объяснил, в смысле – по-русски, что наши дырки в раковинах, можно сказать, нестандартной общественно-политической формации. В Англии – одного диаметра, а тут – другого.

«Почему-почему...» По кочану! Еще спроси, почему у нас горячую воду летом отключают! Потому что трубы выкапывают! Профилактика! А вот зимой они сами выскакивают из вечной мерзлоты под высоким давлением! Экспедиция! И тогда отключаются батареи центрального отопления. Как в яранге! Но зато есть электричество! Это старинный русский кроссворд-угадайка – что именно поутру вырубилось! Газ, водоснабжение, центральное отопление, электроэнергия или – к чертовой матери! – все перечисленные услуги сразу.

А тут еще ты со своей пробкой... Ишь как загнал, зараза! И каким, извините, макаром теперь ее выковыривать?! Из раковины! Ну, допустим, я применю какой-нибудь механизм типа кувалды и вытащу пробку! А вдруг после этого весь Красногвардейский район останется без водоснабжения?! Потому что у нас в России все взаимосвязано! Здесь стукнешь, а там отвалится! Об этом ты не подумал?! Сэр... И если приспичит еще вспомнить родину и поплескаться, словно на Бейкер-стрит, засунь себе пробку сам знаешь в какое место и мойся под душем. Чтобы не вытекало...

Вдобавок английских джентльменов надо держать подальше от русских галош. Эти предметы несовместимы в одном сформировавшемся образе. То есть английские джентльмены отдельно, а галоши – отдельно, иначе получается инфузория в туфельках, простите меня за совдеповский юмористический стиль. Но если о чем-нибудь вспоминать, то в духе того времени! Правда, многие писатели до сих пор зарабатывают себе на «каравай с маслом» рассказами про пьяных водопроводчиков и глупых иностранцев, которые ничего не понимают в нашей жизни.

Однако вернемся к английскому джентльмену... Он долго приглядывался к галошам и уточнял, обувь это или не обувь. Ну, не вдаваясь в подробности, я подтвердил, что такие резиновые изделия,

да простит меня фабрика «Красный треугольник», действительно надевают на ноги, например в непогоду. И отпустил англичанина на прогулку рядом с универмагом «Гостиный двор», как оказалось позже – слегка необдуманно. Поскольку пошел дождь, что в Петербурге и Петрограде совсем не редкость, о Ленинграде и вспоминать неудобно, но смею надеяться, что английского джентльмена в галошах на босу ногу этот город еще не видел. И, можно сказать, мы ликвидировали сей пробел в истории, вдобавок, как истинный джентльмен, в походных условиях мой заграничный друг проявил недюжинную смекалку. А именно сделал дырочки и привязал каждую галошу к ноге: правую – к левой, а левую – к правой, потому что только русский человек в состоянии безошибочно определить, какая из них какая. (Это про ноги.) Жаль, что в подобном виде нашего джентльмена не лицезрела английская королева.

God save the Queen! Иначе говоря, Боже, храни их королеву подальше от наших галош!

И на прощанье мы посетили винный магазин, о чем было заявлено еще в начале этого рассказа и, собственно, ради чего он был написан. Помнится, я наступил на горло собственной песне, когда охарактеризовал себя как «руины, умудренные опытом». А винный магазин того времени выглядел как баррикады на улицах Парижа: многолюдно и празднично, но с русским колоритом, то есть без парижан и божоле. Потому что народ давился за водкой по талонам, которые полагались каждому гражданину, независимо от его алкогольной и сексуальной ориентации. То есть божьему одуванчику давали талоны наравне с мужчиной крепкого телосложения, что представляло собой первый шаг по пути демократизации. И поэтому божьи твари с такими спиртными запасами могли бы доскакать хоть до коммунизма, а другим не хватало энергии тронуться с места. Поскольку все выпивалось возле магазина.

Мне будет трудно придерживаться литературной версии своего так называемого романа, если я стану описывать атмосферу в винном магазине того времени и передавать слова, которыми обменивались покупатели. Поэтому я процитирую русскую классику: «Смешались в кучу кони, люди, и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой!» А мой друг забился в угол и взирал на это побоище глазами Гомера. «Ну и как? – спросил я английского джентльмена, когда мы двинулись в

обратный путь и отошли от магазина на приличное расстояние. – Ноги, руки целы?!» «Будет опыт, будет опыт, будет опыт!» – как заклинание, трижды провозгласил английский джентльмен... И скажите мне, пожалуйста, зачем англичанину такой опыт и при каких обстоятельствах он сможет им воспользоваться в Великобритании? Вот если бы я оставил англичанина на помойке – еще туда-сюда. А так – пустая трата времени...

God save the Queen! Боже, храни их королеву подальше от нашего опыта!

* * *

– Получается, что тебя не придется связывать и волоком тащить до гостиницы? – несколько удивилась Юлия Феликс. – Сам дойдешь?

Мне показалось, что эта деятельная особа даже слегка расстроилась из-за подобного оборота событий, наравне с Исидой.

– А вы, девочки, часом не лесбиянки? – осведомился я с целью провокации.

– Не было подходящего случая, – спокойно ответила Юлия Феликс. – Но как только представится, мы непременно им воспользуемся. Ведь правда, Исида?

– Угу, – кивнула та и весьма недвусмысленно погрозила мне кулаком.

– Как видишь, – добавила Юлия Феликс, – мы находимся в постоянной готовности, чтобы в любой момент объединить наши усилия!

– Красиво излагаешь, – заметил я. – Ты адвокат или прокурор?

– Бывший нотариус, – сообщила Юлия Феликс. – А почему ты подумал, что мы лесбиянки?

– Ну, не подумал, а язвительно предположил, – возразил я. – Потому что ваши усилия, и, как ты сказала, объединенные, направлены против мужчин. То есть против меня!

– Тоже хорошо сказано, – хмыкнула Юлия Феликс. – Однако я даже не представляла, что все мужчины – это ты! Живое олицетворение девичьих фантазий! Прямо не единичный случай, а конгломерат!

– Отлично подмечено! – воскликнул я. – Но...

– Но Карфаген должен быть разрушен! – неожиданно подхватила Исида.

Мы с Юлией Феликс уставились на нее с интересом.

– В каком это смысле? – спросила Юлия Феликс.

– В том, – заявила Исида. – Вы еще долго будете здесь выкобениваться? Мне, собственно говоря, наплевать, но тогда я пойду в гостиницу и молча приму душ!

– А как же лесбийская солидарность?! – не преминул уточнить я. – Или личная гигиена превыше всего?!

– За этот вопрос ты будешь нести чемодан, – сказала Исида. – Отсюда и до гостиницы. А будешь умничать дальше, понесешь два!

– Ах ты пигалица! – возмутился я. – Сейчас я надаю тебе тумачков!

– Конечно, попытка не пытка, – вмешалась Юлия Феликс. – Но лучше взять чемодан...

– Иначе что?! – насупился я.

– Иначе мы возвращаемся на круги своя, – пояснила Юлия Феликс. – Тебя придется тащить до гостиницы! И теперь не связывая...

– Это еще почему?

– По двум причинам, – охотно ответила Юлия Феликс. – Треснуть женщину ты не сможешь, а вот у Исиды нет подобных морально-этических предрассудков по поводу мужчин.

– Так, значит, вы воинствующие лесбиянки?! – не удержался я от правомерного вопроса.

– Два чемодана, – быстро определила Исида. – Еще остался мой рюкзачок и твоя спортивная сумка. Но сумку можно бросить на берегу...

МУЗА. С ГОДАМИ ЧЕМ БЛИЖЕ К БОГУ, ТЕМ БОЛЬШЕ НАЧИНАЕШЬ В НЕГО ВЕРИТЬ!

– И все-таки вы какие-то странные, – продолжал возмущаться я по пути в гостиницу. – И ведете себя как мужененавистницы, и разговариваете как шпионки.

– Тащи-тащи, – поощрительно пробурчала Исида.

– Я это делаю по чистой случайности. – Я постарался нести чемоданы как можно непринужденнее. – Во-первых, потому что дурак

и не могу использовать женщину в качестве верблюда, а во-вторых, потому что таким уродился.

– Ну ладно, – сжалилась Исида. – Давай сюда мой рюкзачок, за самокритику.

– А что касается наших странностей, – добавила Юлия Феликс, – потерпи до гостиницы... Кстати, ты узнаешь школу, в которой мы учились?

Я аккуратно поставил чемоданы на землю и оценил это здание, на которое мне указала Юлия Феликс. Но ничего определенного в моей душе не шевельнулось.

– Кого ты имеешь в виду, когда говоришь «мы»? – Я вытер со лба пот, а сам подумал: «Однако, странно, что по дороге нам не встретилось ни одного человека! Это сиеста или все люди от нас попрятались?!»

– А ведь мы были женаты... – сообщила мне Юлия Феликс. – И, кажется, были влюблены...

– ?!!

МУЗА. БРАК Я ЛЮБЛЮ БЫСТРЫЙ, И ОСОБЕННО НА НОЧЬ ГЛЯДЯ! ИЗВИНИТЕ, ЧТО ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ГАВКАЮ ВАМ НА УХО, НО БОЛЬШЕ НЕ БУДУ... МОЖЕТЕ ПРОДОЛЖАТЬ...

– А ведь мы сидели с тобой за одной партой, – сообщила мне Юлия Феликс. – И, кажется, были влюблены...

Тут она непристойно разоблачилась, в смысле – сняла футболку и шорты, и осталась в купальнике. Кажется, эти две узкие тряпочки на женском теле называются бикини. В честь ядерного взрыва на одноименном атолле.

– Не думаю, что я был влюблен до такой оголтелой степени, – заметил я, глядя на Юлию Феликс. – Иначе бы непременно запомнил.

Но Юлия Феликс махнула рукой на мое замечание, открыла ближайший чемодан и уложила туда футболку и шорты. А тем временем оставленная без присмотра Исида поступила аналогичным образом – оголилась до единственной тряпочки, потому что изначально находилась в более выгодном положении. Ведь лиф не надевают под топ, верно?

– Я в этой игре не участвую, – объявил я. – Поскольку у нас разные природные доминанты!

– А тебя никто не просит раздеваться до доминанты, – сказала Юлия Феликс. – Можешь просто снять рубашку. Вдобавок ты наглым образом проигнорировал мое заявление о школьной парте...

– Потому что это вранье, – пояснил я, снова поднял с земли чемоданы и уточнил: – Куда прикажете?

– Сюда! – указала мне направление любезная Исида. – Вперед на восток!

Но более веселенького конвоя, как я надеюсь, не видел ни один носильщик, в смысле сопровождающих лиц при переноске багажа. Я даже пожалел, что мы не вселяемся в какой-нибудь «Шератон».

– Вы бы хоть немного прикрылись, – намекнул я.

– От кого?! – изумились они.

Я пропустил это двусмысленное хоровое пение мимо ушей и вернулся к вопросу о школьной парте.

– Еще в самолете я спрашивал, сколько тебе лет, – напомнил я Юлии Феликс.

– Разве? – спросила она.

– А ты ссылалась на хорошенькую ассистентку, – добавил я, поглядывая на Исиду. – И предупреждала, что не надо отвлекаться на ее длинные ноги, а лучше следить за фокусником.

– Да неужели? – озадачилась Юлия Феликс.

– А теперь ты сообщаешь, что сидела со мной за одной партой, – не унимался я, – хотя по фигуре этого не заметно. Еще скажи, что тебе сорок лет. Или сорок пять.

– В том-то и заключается фокус, – рассмеялась Юлия Феликс. – Ты продолжаешь смотреть на ноги!

– Фигура-фигура, – пробурчала Исида. – И ради чего? Чтобы какой-нибудь паразит обратил на тебя внимание, а после – испортил фигуру? Вот недавно встречаю приятельницу, которая всегда гордилась своей фигурой, и замечаю, что бедная девочка слегка, так сказать, поправилась или сильно забеременела! Да вдобавок за ней телепается какой-то прыщавый и самодовольный тип. «Кто это?» – спрашиваю. «Друг!» – отвечает приятельница. «Ничего себе друг! – говорю я. – Ты только посмотри, что он сделал!»

– Тьфу! – подытожил я, и мы прошли еще метров двадцать по пыльной улице.

Мимо заколоченных домиков и одичавших виноградников. Однако Юлия Феликс была права, поскольку я больше внимания уделял ассистенткам, чем главному фокуснику с рогами. И ни разу не поинтересовался – куда же подевались остальные люди. Так происходит со всеми мужчинами или только с гипертрофированными писателями?

– А куда подевались остальные люди? – спросил я.

– Наконец-то, – вздохнула Юлия Феликс, – мы подошли к главной теме нашего сочинения...

– Дяденька, – встряла Исида. – Это не Эйск, как вы изволили выразиться, а самые что ни на есть Помпеи!

– Так! – я бросил чемоданы на землю. – Быстро признавайтесь, в чем дело!

– Такими темпами, – подчеркнула Исида, – мы никогда до гостиницы не дойдем.

– Да и черт с нею! – не на шутку разозлился я. – И лучше рассказывайте по-хорошему, в какую авантюру меня втянули и что это за проклятое место! Иначе я сматываюсь отсюда, невзирая на ваши прелести!

– Ну, если что-то не нравится, – хмыкнула Исида, – мы предоставим тебе другие... У нас этих прелестей – завались!

– Можно я присяду? – осведомился я и устроился верхом на чемодане. – Мы сейчас беседовали о чем?

– О так называемых женских прелестях, – пояснила Исида.

– И где же они? – уточнил я.

– Нахал, – охарактеризовала меня Исида. – Я сейчас тебе покажу «где»!

– Прекратите этот скандал! – вмешалась Юлия Феликс. – Очень смахивающий на семейный.

– Если бы! – мечтательно сказала Исида. – Мужа можно огреть сковородкой – и весь скандал! А тут приходится антимионии разводиться...

Я счел за лучшее промолчать, потому что – мне ли не знать семейных скандалов?

– Обещаю, – обратилась ко мне Юлия Феликс, – что, как только мы доберемся до места, я все тебе расскажу.

– В подробностях, – предупредил я.

– И даже с демонстрацией, – расщедрилась Исида. – Хочешь, я понесу один чемодан? Тут недалеко...

– Спасибо, – вежливо отказался я. – Сам управлюсь...

И снова взялся за проклятые чемоданы.

– Надеюсь, там не наркотики? – глупо пошутил я.

– В каком-то смысле да, – подтвердила Юлия Феликс. – Если рассматривать то, что лежит в моих чемоданах, как отраву...

Вскоре, без происшествий и сохраняя бравый сексуальный вид, мы добрались наконец до многократно упомянутой гостиницы и стали по очереди заселяться. Вначале Юлия Феликс открыла массивную дверь и вошла на правах хозяйки, за ней Исида и напоследок – я с двумя чемоданами. Даже вездесущий боцман не дожидался нас на пороге, а в холле гостиницы и подавно никого не было. То есть все выглядело как на буклете, что еще в самолете мне показала Юлия Феликс, – глянцево и безлюдно. Не знаю, как вам, а мне всегда нравились такие рекламные проспекты, где никто не сидит на моей потенциальной постели и не хлебает из моей потенциальной тарелки.

– А как зовут вашего боцмана? – поинтересовался я.

– Гера, – ответила Юлия Феликс.

– В смысле Герасим? – уточнил я.

– В смысле Му-му! – фыркнула Юлия Феликс.

– Большое спасибо за информацию, – обиделся я.

Между тем Исида, оказавшись в холле, снова напялила свой топ, но уже без того энтузиазма, с каким раздевалась.

– Прохладно? – спросил я.

– Слишком интимно, – пояснила Исида.

Тут мне, как представителю рода «му-му», не требовалось подробных разъяснений, потому что воспитанные мужчины, когда входят в помещение, снимают шляпу, а приличные девушки надевают топ.

– А вы Смольный институт благородных девиц не оканчивали? – на всякий случай осведомился я.

– Пойду-ка я, – сказала Исида, – и приму душ!

Она подхватила свой рюкзачок и поднялась на второй этаж. Из чего я сделал вывод, что Исида чувствует себя здесь как дома, а в Смольных институтах не обучалась. В отличие от Юлии Феликс, которая достала из холодильника бутылку минеральной воды и

вежливо предложила мне «промочить горло», правда в более лицеприятных выражениях. Вдобавок она надела пляжный халат, облокотилась на барную стойку и стала доброжелательно поглядывать на меня каждый раз, как только отвлекалась от изучения своего маникюра. А тем временем я с удовольствием выпил минеральной воды и приступил к осмотру помещения... Для чего уселся в просторное кресло и принялся крутить головой.

– Ну? – наконец спросила Юлия Феликс. – Когда будешь вступать в наследство?

– Простите, во что? – опешил я.

– В наследство, – повторила Юлия Феликс. – По завещанию дорогой бабушки.

– Если речь ведется о моей бабушке, – неприязненно заявил я, потому что терпеть не могу, когда покойники встают из могил и лезут ко мне в родственники, – так она черт-те когда померла.

– Тогда прабабушки, – выкрутилась Юлия Феликс.

– Я понимаю, что тебе все равно, в какой очередности, – сказал я, – но прабабушка померла еще раньше. По моим сведениям.

– А вот и нет, – подчеркнула Юлия Феликс. – Она прожила до ста четырех лет. Грелась на солнышке, купалась в море и упокоилась в марте месяце этого года. В воскресенье.

– Надо же! – удивился я. – Папенька мне говорил, что схоронил свою бабушку лет двадцать назад. А другой связи с Эйском я не имел, кроме как через папеньку. Что равнозначно – как через одно место.

– Вашего папеньку, – сообщила Юлия Феликс, – иначе говоря, своего внука, старушка никогда не любила. Пожалуй, только в раннем детстве, когда все котята забавны.

– Тоже мне новость, – хмыкнул я. – Нашего папеньку никто не любил. Разве что в традиционно установленном порядке, то есть официально. По степени вызываемой неприязни он может сравниться лишь с моей маменькой. Но это мое личное мнение, поскольку еще у меня есть сестра, которая просто дура.

– Какая замечательная у вас семья! – порадовалась Юлия Феликс.

– И не будем нарушать сложившихся в ней обычаев, – посоветовал я. – Иначе мне придется рассказывать, как такое могло случиться в цивилизованном обществе, и меня, извините, вытошнит. Пусть лучше останется все как есть.

– Ну, это не надолго, – заметила Юлия Феликс.

– Ты имеешь в виду высший суд?

– Нет, – ответила Юлия Феликс. – Я говорю про обрыв, который скоро разрушит наше наследство.

И если раньше я мыкался без информации, то теперь просто не знал, в какие каталоги ее заносить. Что происходит сплошь и рядом, когда общаешься с женщиной, которая долго решает, какое известие для тебя существенно, а какое – нет. Чтобы обрушить все разом на твою голову.

– А нет ли чего-нибудь кроме минеральной воды? – осведомился я.

– Зачем? – спросила Юлия Феликс.

Тоже типично женское заявление.

– Выпить, – пояснил я.

– И по какому случаю? – не унималась Юлия Феликс. – Нет, разумеется, у меня все есть, от пива до текилы, но ведь свой вопрос ты задал неспроста, а по-писательски. Дабы подчеркнуть, что ты несколько озадачен нашим наследством, которое вдруг оказалось совместным.

– Помнится, я отмечал, что ты хорошо пользуешься своим речевым аппаратом, – усмехнулся я. – А теперь обнаруживаешь и недюжинные способности в области литературной критики.

– Короче.

– Пива, – определился я. – Ты сама завела наше знакомство в такие дебри, из которых я стараюсь поменьше высовываться, чтобы меня не затоптали разъяренные читатели. Если они, конечно, еще остались.

– Тут их нет, – сообщила Юлия Феликс, открывая бутылки с пивом.

– Тогда спокойно рассказывай, – согласился я.

...Последний раз в город Эйск я наведывался тридцать лет назад. И если считать, что мне как литературному персонажу недавно стукнуло сорок пять, то сейчас по городу Эйску могли бы бродить мои дети и нецензурно выражаться. А если пятьдесят, то и подавно! Во всяком случае, мат-перемат доносился бы изо всех концов этого города, где я творчески отдыхал. Да как-то, бес его знает, не удалось мне размножиться в городе Эйске и увеличить число курортно-

романтических детей с загадочными глазами, мол, встречу этого папеньку – убью. Помню, была девушка года на три меня постарше, студентка МГИМО, парашютистка, что прыгала на меня со всякой возвышенности и могла бы неправильно приземлиться. Но бог миловал, а девушка вовремя сгруппировалась и улетела в Москву.

Надо было тогда записывать, чтобы теперь на досуге проанализировать – почему в молодые годы у меня не сложились романтические отношения с городом Эйском. Да вот незадача, в школьных сочинениях не приветствуется реализм, и в десятом классе подрастающие литераторы пишут про бабочек и гербарий, вместо того чтобы рассказать во всех юношеских подробностях – «Как я провел лето». Поэтому приходится наверстывать упущенное в своих мемуарах, когда ничего толком не помнишь, и снова получается какой-то гербарий из пересушенных девочек. Да я бы сажал за такую литературную педофилию!

Ведь все побудительные причины, по которым ты бегал за девочками, а в результате предпочел ту, что обратила на тебя внимание, утеряны. И можно на склоне лет придумать себе оправдание, но смею заверить, что побудительные причины не восстанавливаются. Вдобавок девочки от девочек отличаются только носиками и по другим параметрам не идентифицируются. Я, конечно, утрирую, потому что есть еще разноцветные глазки и разной длины косички, однако на этом все девичьи причуды заканчиваются. Поскольку женского мозга там еще нет, как бы мне ни возражали современные переростки, а только дремлющие инстинкты – найти своего принца и нарожать ему дураков. За каким, извините, чертом вы приносите в дом куклу и дарите своей дочери? Чтобы она имитировала неполноценную семью, а повзрослев, мастурбировала на плакат с изображением Джастина Тимберлейка? На что обрекаете? Может, это будущая Складовская-Кюри и надо тащить в дом микроскоп! Тогда вместо плаката с Джестином Тимберлейком появится черно-белая фотография Альберта Эйнштейна с высунутым языком, от которого тоже нет никакого прока. А вы что из девочек делаете? А после удивляетесь, откуда на Рублевском шоссе столько проституток, и в игрушечных домиках, и снаружи. Они ищут своего принца. А те, что в домиках, – уже нашли!

Вот видите, что получается, когда пишешь про девочек не по горячим следам, а в пересушенном возрасте?! Одно брюзжание, шелест и дребезжание. И надо признаться, что за отчетный период времени я дважды был «принцем с домиком», или с отдельной квартирой, если хотите. И дважды меня лишали этого звания и списывали в архив. Поскольку принц без домика – это не принц, а какое-то издевательство над женской личностью! Здравствуйте, девочки! Мне надо поставить бюст в городе Эйске как дважды принцу на малой родине за неимением лучшей.

Поэтому, честно сказать, меня несколько озадачили откровения Юлии Феликс, что предлагала мне половину домика, то есть считаться принцем на паритетных началах. Прежняя жизнь вместе с античным принципом «*Omnia formonsis cupio donare puellis!*» – «Все раздарить я хочу без остатка красивым девчонкам!» – полетела к чертовой матери, когда после пяти «законных девочек» я собрался на заслуженный отдых.

Однако за время моего отсутствия в городе Эйске произошли важные геологические изменения. Тот глинистый обрыв, что веками себе потихоньку и равномерно сыпался, словно песочные часы, стал разрушаться ускоренными темпами, и за последние двадцать лет добрую половину (и так небольшого) города Эйска пожрало море. А все, что сохранилось, местные власти объявили непригодным для жительства и перекрыли подачу туда кислорода. Конечно, не в прямом смысле, а пользуясь географическим положением, поскольку город стихийно возник на так называемом Эйском полуострове, правда еще в восемнадцатом веке, и теперь ничего не стоило соорудить шлагбаум на перешейке и посадить двух сторожевых собак, чтобы граждане здесь не шлялись, во всяком случае беспрепятственно.

Случись нечто подобное с Венецией, мировое сообщество забило бы в барабаны и объявило гуманитарную катастрофу. Но эйские халупы не значились в списках культурного наследия всего человечества и, честно сказать, не имели архитектурной ценности. Там жили люди на «бытовом уровне», и, наверное, этот богатый на корыта и чайники исторический период заинтересует археологов лет эдак через тысячу, да и то каких-нибудь этнографических извращенцев. Но должен предупредить грядущие поколения изыскателей, которые вдруг захотят покопаться на месте эйской трагедии, что, в отличие от

Помпей, наши халуповладельцы выносили из дома всё. А по тем, извините, предметам жизни и деятельности, что они за собою оставили, можно превратно истолковать наше время.

Я не стану вдаваться в финансовые подробности и разглашать суммы прописью, что получили халуповладельцы в виде компенсации за утраченное имущество, но такие прописи были, готов присягнуть, а что с ними дальше случилось – не знаю. Как говорит мой знакомый бухгалтер: «Деньги я вам отправила, но этому нет никакого финансового подтверждения!» В смысле понимай как хочешь, а дальше лучше не продолжать... И если раньше я молчал про «советскую власть» (но все про нее думал), то теперь стараюсь ни с кем не портить финансовых отношений.

Итого: будем считать, что получившие компенсацию люди отстроили себе такие же халупы, но за чертой прежней оседлости. В местах наиболее вероятного прорыва противника районные власти поставили природоохранные войска. А собственники жилья разделились во мнениях на бывших и отщепенцев. Почти сто процентов законопослушных граждан плюнуло и уехало, удовлетворившись компенсацией, и только феноменальные сопротивленцы задержались. Конечно, они понимали, что Эйск обречен на полное исчезновение, но пока в нем оставались жители – город существовал. Вдобавок все отщепенцы отказались от компенсации и продолжали числиться собственниками жилья по всем государственным реестрам, покуда их домовладения не ухнули в море, где никакой постоянной прописки уже не требовалось. Но самое примечательное, что этот отряд сопротивления состоял преимущественно из женщин, за редким или даже редчайшим исключением...

Книга VI

Эрато

Клеомен же, как говорят, когда скифы прибыли в Спарту для переговоров, слишком часто общался со скифами; общаясь же с ними больше, чем подобало, он научился у них пить неразбавленное вино. От этого-то, как думают, спартанский царь и впал в безумие. С тех пор спартанцы, когда хотят выпить хмельного вина, говорят: «Наливай по-скифски...»

Геродот

[15] На восьмой день до сентябрьских календ, что всегда соответствует двадцать пятому августа и прочей белиберде, но только в Помпеях, я проснулся ни свет ни заря не дома, а в борделе. И, судя по всему, вчерашний симпозиум удался на славу, потому что рядом со мной на постели находилась Исида, а девки были разбросаны по периметру комнаты, как на известной фреске «Погром в гареме», и весьма живописным образом. Да засыпь нас пеплом Везувия – и никакой археолог не догадается, что здесь творилось в последний день Помпеи. Почему одиннадцать девок лежат вдоль стен, а мы с Исидой – поперек кровати, и все абсолютно голые.

Кстати, ваш покорный слуга тоже имел об этом смутное представление. Скорее всего, неразбавленное вино, которым вчера мы несколько злоупотребляли, внесло свои коррективы в программу симпозиума, и, должно быть, по той же причине девки попадали замертво и застыли в самых невероятных позах. А вы говорите – угарный газ! Я бы сказал – загадка истории, в частности, как получилось, что мы с Исидой находимся на кровати в тесной близости? Или флейтисток мне не хватило? И, опершись на локоть, я принялся их пересчитывать:

– Ать-два... Ать-два...

– Ты выиграл, – сообщила мне полусонная Исида. – Целых двенадцать раз...

– Отлично, – вяло порадовался я. – Только мне хотелось бы уточнить, что именно?

– Разве ты не помнишь? – удивилась Исида, впрочем весьма умеренно. – Возможно, это и к лучшему...

– Да чего же здесь хорошего? – зевнул я. – Если я выиграл, как ты утверждаешь, то где же приз?

– Он лежит рядом с тобой, – сказала Исида. – И не зевай как кашалот, ты нагоняешь на меня тоску, да еще с похмелья.

Ради порядка я пошарил руками вокруг себя, но ничего существенного не обнаружил, кроме обнаженной Исиды.

– Неужели? – озадачился я.

– Вот-вот, – подтвердила она.

– А как такое могло случиться, и целых двенадцать раз? – опешил я.

– Ну-у... – Исида скрестила ноги и закинула руки за голову. – Как только вчера мы заслушали все истории новоявленных шехерезад о том, как они оказались в борделе, прелюдия, само собой, закончилась и наступила пора переходить к делу. Тут я выразила сомнение, что ты сможешь осчастливить всех...

– Что значит «всех»? – нахмурился я. – Говори яснее...

– В количестве одиннадцати флейтисток, – пояснила Исида.

– И как осчастливить? – уточнил я.

– Почтить каждое лоно своим присутствием, – определила Исида.

– Тьфу, – поморщился я. – Лучше бы ты материлась.

– Нет нужды, – отбрехала Исида. – Тебе интересно, что было дальше?

– Не очень, но продолжай, – ответил я.

– А дальше ты подтвердил свои намерения непристойным танцем, – продолжила Исида, – и заявил, что между одиннадцатью и двенадцатью нет никакой половой разницы и поэтому ты готов разобраться со всеми без исключения... Тут я должна сказать, что за время прелюдии мы достаточно выпили неразбавленного вина для того, чтобы медленно спуститься с Везувия и без разбора осчастливить все Помпеи. Однако твое бахвальство показалось мне чересчур самонадеянным, особенно по части меня...

– По какой, по какой части? – глупейшим образом пошутил я.

– Дурак, – справедливо заметила Исида. – Тогда я спросила: а можешь ли ты совершить подвиг, на который даже Геракл не отваживался? То есть способен ли ты осчастливить двенадцать раз, но только одну женщину?

– И я, конечно же, согласился? – горестно усмехнулся я.

– «Йа-йа! Натюрлих! – передразнила меня Исида. – Вас волен зи?! Чем вы хотите начать и закончить этот приятный вечер?!» – закричал ты страшно, по-варварски, и набросился на меня, как германский наемник, а флейтистки с ужасом разбежались...

– И все-то ты врешь, – снова зевнул я. – Во-первых, я не знаю германского языка, а во-вторых, начать двенадцать раз – это тебе не кончить...

– Ну, я считала только собственные оргазмы, – призналась Исида. – Qui pro quo! Одно вместо другого.

– А что приключилось с флейтистками? – поинтересовался я. – Или это Мамай прошелся по комнате?

Исида на минуту задумалась.

– Не было здесь никакого Мамаея, – сообщила она. – Просто я сказала флейтисткам, что лучше не вмешиваться в наши отношения, а несогласные могут засунуть себе тютельки в тютельки. Вот почему девицы снова набросились на вино и быстро нахрюкались до поросячьего визга.

– Славно погуляли! – подытожил я. – Мало того, что мы приперлись в бордель, как оказалось, со своим самоваром, да теперь придется еще с флейтистками расплачиваться, и непонятно, за какую музыку.

И ни слова больше не говоря, мы с Исидой быстренько оделись, скрутили из простыней веревку и покинули это гнусное заведение через окно. Пусть флейтистки думают, что здесь было, когда слегка протрезвеют. Мамай или моряк Папай...

– В другой раз, когда мне стукнет в голову прошвырнуться по девочкам, пойду один, – пробурчал я.

– В другой раз я сама тебя стукну, – пообещала Исида, – если решишь прошвырнуться самостоятельно.

Выбравшись из борделя, мы прошли чуть дальше по улице, но все равно разговаривали вполголоса, чтобы не потревожить отдыхающих

флейтисток.

– Да что же это получается? – возмутился я. – И не симпозиум, и не оргия, а двоеженство какое-то! Дома Юлия Феликс, словно Пенелопа, говноткачеством занимается, вырвешься на минуту в бордель, а там уже ты поджидаешь!

– А еще женщины любят порассуждать, – поддержала меня Исида, – за кого бы не вышли замуж! Только и слышишь со всех сторон, мол, я за такого придурка замуж бы не пошла, нет, не пошла! Как будто придурки и в самом деле чем-то отличаются друг от друга.

Тут, на всякий случай, я огляделся по сторонам, однако на этой злосчастной улице мне просто не с кем было помериться интеллектуальными способностями. Ни у кого ума не хватило покинуть бордель в такую рань. Конечно, самый достойный ответ на женские измышления по поводу мужчин – это презрительно плюнуть и промолчать, однако я тоже имел девять претензий к собственной музе, так называемой Мнемосине, родоначальнице всех существующих муз...

Во-первых, муза должна обладать хорошей грузоподъемностью, чтобы легко и грациозно вынести из таверны два бочонка вина и припорхнуть с этой поклажей домой для дальнейшего вдохновения;

во-вторых, муза не должна отзываться на имя Муза, иначе я представляю себе толстую и усатую еврейку из города Хайфа, очень расстраиваюсь и совершенно не вдохновляюсь;

в-третьих, муза должна вести себя тихо, а не трендеть целыми днями на лире или других музыкальных инструментах, или с подругами. В противном случае я только злобствую, а не вдохновляюсь;

в-четвертых, муза обязана хорошо готовить. А именно: наваристый борщ, харчо из молодого барашка, мясное рагу, пирожки с капустой, пирожки с яблоками, пирожки с рисом и пирожки с чертом в ступе. Вдобавок: макароны по-флотски, драники по-белорусски, пиццу по-неаполитански и люля-кебаб с улюлюканьем;

в-пятых, муза обязана быть подтянутой и готовой к соитию. Двадцать четыре часа в сутки. Потому что недолог путь от поэтического вдохновения до эрекции. (Конечно, во всяких правилах есть исключения. Ну, например, если поэт вдохновляется музой, то

поэтесса – собственным мужем. А если все-таки – музой, то мы наблюдаем сапфическую связь в прямом эфире);

в-шестых, муза должна быть умной, иначе чем обусловлен ее персональный выбор;

в-седьмых, муза должна быть духовно организованной: хорошо одеваться и поддерживать разговор на культурно-оздоровительные темы. А именно: о футболе, о рыбалке, о бабах и о том, «как мы вчера нажрались»;

в-восьмых, муза должна обладать очаровательной внешностью, спортивной фигурой, томным голосом и, завидев подвыпившего поэта, закатывать от восхищения глаза, а не истерику;

и наконец, в-девятых, при переключке муза обязана знать свое место в постели среди остальных муз. Потому что время от времени я меняю стиль поведения. Могу, к примеру, сплясать роман, а для этого требуется группа поддержки. То есть как минимум пара муз – Терпсихора и Талия.

Вот краткий перечень товаров и услуг, которым должна руководствоваться всякая начинающая муза. И, невзирая на тяготы и лишения своей профессии, прозаики и поэты слывут в народе пьяницами и бездельниками, тогда как из вышеприведенного списка видно, насколько трудно воспитать и обучить даже одну музу. Ведь люди без муз в голове заполняют свои извилины чужими сочинениями и совершенно не задумываются, откуда берутся все эти «Илиады» и «Одиссеи».

Так, мило беседуя и по отдельности размышляя, я – об искусстве, а Исида – непонятно о чем, мы вышли на виа дель Аббонданца, где возле дома Юлии Феликс неожиданно натолкнулись на сверлильщиц, что этой ночью снова раскучили водопровод и продолжали над ним измываться.

– Чем занимаетесь, прохиндейки?! – гаркнула Исида, подкравшись поближе.

И перепуганные сверлильщицы прыснули от нее в разные стороны, бросив на мостовой свои нехитрые инструменты.

– Кстати, – заметил я, – разбой и культура всегда поддерживали друг друга! С давних времен люди ходили в театр, лишь бы не оставаться дома, где на них могли напасть разбойники. Или наоборот! Люди спешили насладиться искусством, а разбойники в это время

шарили по квартирам и даже успевали вернуться на представление ко второму акту.

– Странная логика, – пожала плечами Исида.

– Да тут ее вовсе нет! – подчеркнул я. – Потому что подлинное искусство алогично и ассоциативно. Ведь нет никакого резона идти в театр, кроме буфета. Разве что зажевать драму или запить комедию. Короче говоря, главное – не подавиться этим искусством с точки зрения здравого смысла.

– Ты просто так умничаешь, – поинтересовалась Исида, – или хочешь опровергнуть, что все мужчины придурки?

– Или подтвердить, – задумался я. – Хотя на самом деле мы беседуем об искусстве, то есть ни о чем. Вдобавок, если усиленно повторять одно и то же слово, – ну, например, «искусство, искусство, искусство», – оно быстро утрачивает всякий смысл. Как и жена, с которой спишь в одной постели и от нечего делать трахаешься, трахаешься, трахаешься...

– Так и быть, проваливай, – сказала Исида. – Я для себя отмечу, что мы культурно провели время.

– А также учти, – присовокупил ваш покорный слуга, – что я ни разу не предлагал тебе опохмелиться и снова предаться животной страсти. А вел себя цивилизованно и разговаривал об искусстве.

– Ладно, учту, – согласилась Исида. – Но ты все равно придурок. С точки зрения женского смысла и такой же логики.

– Ну, разумеется, – подтвердил я и распрощался с Исидой.

Надо сказать, что в Помпеях было три основных святилища – для трех типов женщин: храм Гетер, храм Горгон и храм Граций. И каждый тип женщин отличался своими причудами и обязанностями. Горгоны следили за коммунальным хозяйством и охраняли чистоту нравов. Гетеры блюли только собственные интересы, но славились остроумием и обходительностью с мужчинами. А грации отвечали за семейный очаг и женские «золотые» пропорции – девяносто-шестьдесят-девять. У них даже имелся специальный «эталон Афродиты» и прядь белокурых волос из того же источника. Поэтому в грации посвящали только блондинок при соответствующей конфигурации, а другие интеллектуальные способности и не требовались. Но если вдруг обнаруживались и хоть как-нибудь проявлялись, такой выдающейся грации присваивали титул «Самая умная из блондинок» и

обряжали ее в песцовую шубу, которую она носила в течение года. После чего в храме Граций снова устраивали конкурс красоты, дабы найти такую же дуру, что будет таскаться в шубе по сорокаградусной жаре и раздавать направо-налево рекомендации – как правильно ухаживать за своими «волосиками».

Собственно говоря, грации оперировали только словечками из недоношенных: ножки, волосики, ручки, носики и в крайнем случае – домик, садик, Римчик, Помпеечки. То есть умильненько-уменьшительно, или слащаво-ублюдненько. Попробуйте вместо «Veni, vidi, vici» («Пришел, увидел, победил») произнести «Венички, видички, вищички» – язык сломаете! Но если грация, не дай бог, говорила – «дом», то в нем обнаруживался какой-нибудь изъян и это строение уже не годилось для проживания, а если «кесарь» взамен «кесарёк», то по всей Римской империи шли филологические волнения.

Вдобавок вместо обычного человеческого «спасибо» грации извращались с этим словом, как варвары. Тут были «пасиба», «сиба», «пасиб» ну и конечно – «пасибочки». В каких узкопрактических целях помпеянские грации коверкали свой язык – доподлинно неизвестно, но подобные местечковые вкрапления в «Родную речь» беспокоили только столичные орфоэпические школы, которые вечно спорили между собой, как правильно произносить: «подсвеШник» или «подсвеЧник», «булоШная» или «булоЧная», «доЖЖь» или «доЖДь». Но когда из одной орфоэпической школы выдвинулся свой кесарь, он узаконил произношение слова «подсвеЧник», и трения по этому поводу быстро прекратились. А попутно все «столиШные» чиновники вдруг стали выговаривать «булоЧная» и «доЖДь», в знак глубокого почитания правящей филологической партии.

Понятно, что всех подташнивало от варварского диалекта помпеянских граций, но если одна орфоэпическая школа глубокомысленно молчала, то другая, более прогрессивная, адекватно и универсально отвечала: на «русик» – «хуюсик», на «вкусненькое» – «хуюсненькое» и на «пасибочки» – «хуибочки». Что, по самому беспристрастному мнению, означало одно и то же, да и звучало не менее похабно...

Однажды некую молодую грацию я пригласил на «шикарненький уикендик», потому что другими словами было не заманить эту штучку

в свою постель...

Кстати, в чужой постели я чувствую себя более комфортно. А в собственной представляю, как за мной наблюдают бывшие жены и скептически говорят: «Ну-ну!» Или: «Ню-ню!», смотря по обстоятельствам. То есть неодобрительно относятся к моему выбору. Поэтому я подтянул живот и постарался завлечь именно грацию, с хорошей фигурой, дабы другим неповадно было хмыкать и обсуждать – «что за корову он снова сюда притащил?!». К тому же подумал, что если девушка вдруг согласится, так, значит, мозги у нее отсутствуют напрочь вместе с претензиями на какой-то космический секс. А то некоторые, не будем на них указывать пальцем, не только толпятся вокруг моей постели, но еще комментируют и советы дают. Мол, девушка – это тебе не спортивный снаряд для гимнастических упражнений, а существо нежное и феерическое.

Ну, для начала я стал вспоминать женские принадлежности – топики, трусики и прочую дребедень. Впрочем, не так чтобы много надето на современную девушку, но основательно покопаться в памяти все-таки пришлось. Ведь жены имеют тенденцию раздеваться самостоятельно, и поэтому квалификация после пяти разводов совершенно утеряна. Вот, помнится, в молодости я мог расстегнуть на девушке боди одним, извините, пальцем, а теперь давненько не сталкиваюсь с такими изделиями. Иначе говоря, опыт есть, а некому передать.

Вы знаете, что находится у современной девушки ниже груди, но выше джинсов? Правильно – стринги. Однако раньше там располагался пупок! А теперь все сместилось «немножечко» кверху, и в настоящее время широко известный пупок уже находится на уровне моей груди. Акселерация – это тебе не тумбочки в стиле пятидесятых! Конечно, в постели все уравнивается, но надо же до нее добраться!

Первым делом я взял со стола ножницы и срезал на девушке стринги, чем несколько ее озадачил. Конечно, она не ждала подобного рвения от человека, которому десять минут назад помогла подняться по лестнице.

– Ну вы прямо как Эдвард Руки-Грабли! – сказала грация-акселератка.

А кто такой Эдвард – не пояснила. Поэтому пресловутого Эдварда я быстренько списал со счетов как первый и, судя по всему, неудачный

жизненный опыт у этой девушки. Кстати, по поводу лестницы я тоже преувеличил, потому что был в состоянии подняться сам хоть до вершины Везувия. Да только пару раз козликнул перед девушкой и подвернул ногу.

Но тем не менее я постарался развить свой успех, а именно – освободить свою грацию от лифчика. В этих гуманитарных целях я похлопал девушку по спине, но ничего похожего на застежку не обнаружил.

– Миленько, – заявила она, – но тревожно. Вы бы хоть для начала спросили, сколько мне лет, прежде чем пересчитывать позвонки!

Тут я подумал, что в самом деле поторопился, и решил восстановить стринги. То есть найти четыре тесемочки и завязать бантиком. Для чего, собственно, и залез к девушке в джинсы – двумя руками. Но прежде чем шарить, вежливо осведомился:

– А сколько вам, говорите, лет?

– Можно-можно, – несколько невпопад ответила грация. – Давно пора! Уж утро близится, а секса нет и нет!

Что совершенно мне не понравилось. Поэтому я вытащил свои руки и сделал ход конем, то есть два шага назад и один в сторону. И, конечно, мои демарши сопровождались дружным хихиканьем бывших жен.

– Это ваш первый сексуальный опыт? – уточнил я. – А как же Эдвард? Руки-Грабли?..

Здесь, разумеется, мои бывшие жены принялись ржать как полоумные.

– О каком сексуальном опыте вы говорите? – удивилась грация. – У нас еще ничего не было! Но если ритуальное перерезание трусов что-то для вас значит, то это мой первый сексуальный опыт подобного рода! И, надеюсь, последний!

Сказала так и ушла...

Раньше я полагал, что надо беречь девушек от перенагревания. То есть не доводить до греха, если не собираешься на них жениться. Конечно, это правило действует выборочно, и, надо признаться, крайне выборочно, потому что нельзя жениться на каждой встречной и поперечной девушке, даже после того как с ней переспал. И бывшие мои жены – лучшее тому подтверждение. Но как обидно осознавать, что большую часть времени ты руководствовался какими-то

надуманными принципами в отношениях с девушками. Строил песочные замки не потому, что они прекрасны, а пока в наличии был песок. Да и теперь вынужден констатировать, что люди ошибочно полагаются на свой жизненный опыт. И зачастую разные там писатели, не будем на них указывать пальцем, в зрелые годы брызжут отнюдь не сарказмом, а самым натуральным маразмом. Вот за каким, собственно, чертом я написал этот абзац?

Нет, разумеется, я не ставлю вопрос ребром, мол, почему женщины так хорошо разбираются в женщинах?! В частности, мои бывшие жены. Должно быть, все они лесбиянки, если легко ориентируются в женской психологии и особенно физиологии. Ведь они же сразу определили, с кем я пытаюсь залечь в постель, и радостно захихикали, как ехидны. А ваш покорный слуга несколько просчитался, полагая, что встретил натуральную грацию, когда на самом-то деле познакомился с молодой гетерой.

Надо только добавить, что эти сообщества, или женские кланы, довольно устойчивы, и если девушка уродилась гетерой, то никакими коврижками ее не проймешь. А заблуждаются в основном мужчины. И когда по прошествии лет вдруг находят в своей постели престарелую горгону – очень этому удивляются. Так что чур меня, чур от подобной напасти! Перекрестимся и продолжим...

МУЗА. О ТОМ, ЧТО МНОГИЕ ЖЕНЩИНЫ ЛЕСБИЯНКИ, Я СЛЫШАЛА НЕОДНОКРАТНО. ЭТО ТИПИЧНОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ САМЦА ОТНОСИТЕЛЬНО ЖЕНЩИН, КОТОРЫМ ДАННЫЙ САМЕЦ, ИЗВИНИТЕ, ДО ЛАМПОЧКИ! МОЛЧУ-МОЛЧУ...

В отличие от бестолковых граций, помпеянские горгоны придерживались иных орфоэпических правил. Официально они говорили на новоканцелярском языке и могли запросто обескуражить любого мужчину следующей фразой: «Поскольку ваши гормональные притязания не кажутся мне актуальными, я намерена воздержаться от архаической половой близости!» Такая конкретика могла бы полностью уничтожить род горгон, но время от времени они все-таки сочетались с мужчинами узами брака – только для поддержания своего клана. Чтобы произвести на свет молодую горгону и снова с головой окунуться в науку, архитектуру, клоаки и водопроводы. Вдобавок по какой-то причине они считались непревзойденными экспертами в

области общественных нравов и половых отношений. Кстати, с возрастом из горгон получались замечательные гарпии, а их живописные изображения, представленные на городских стенах, предохраняли Помпеи от посягательства иностранной военщины. «Если в Помпеях такие бабы, то и вино не лучше!» – думали агрессоры, плевали на вышеупомянутые изображения и поворачивали вспять...

Однажды некую молодую горгону я пригласил на «благотворительный бал», а на самом деле задумал с ней переспать, или, лучше сказать, перебодрствовать, для накопления опыта...

В тот злополучный день бывшие жены сосредоточились на диване и занимались привычным делом – перемывали мне кости. Сидели и обменивались мнениями. Жаль, что этот филармонический квинтет никто, кроме меня, не видел и не слышал. А поименно он выглядел так: «Аня, Таня, Аня, Таня, Аня...» (по состоянию дел на двадцать шестое августа семьдесят девятого года, то есть последний день Помпеи, что является отправным и конечным пунктом нашего путешествия.) Или: «Таня, Аня, Аня, Аня, Таня...», это смотря как мои «музыкальные подружки» рассядутся на диване. И в ряде случаев по алфавиту: «Аня, Аня, Аня, Таня, Таня...»

Я даже составил из них универсальный «код Фибоначчи», что теперь присутствует в каждом голливудском блокбастере после выхода на экраны фильма «Облом да Винчи». Ведь если взять, например, первую Аню и первую Таню, то разница в возрасте между этими бывшими женами равна единице, а в килограммах – двум килограммам. Вторая Аня моложе первой на пять лет, и если учесть другие биометрические подробности, то в целом получается интересная числовая последовательность: 1, 1, 2, 3, 5, 8... Иначе говоря, пресловутый «код Фибоначчи», где каждая последующая жена будет в сумме не хуже двух предыдущих. Но и не лучше...

И как в голливудском фильме «Облом да Винчи» по этому коду узнали, где находится Лувр?! До сих пор понять не могу. Один плюс один – два; один плюс два – три; два плюс три – пять... Что тут сложного, мать вашу, «Пикчерс»?! Кроме магического словосочетания «код Фибоначчи» и многоточия... Но вот что значит настоящий американский бестселлер! Могли бы воспользоваться путеводителем,

так нет тебе! Вышли к Лувру только благодаря Фибоначчи! Да еще бедного Леонардо да Винчи к этому приплели.

Однако я тоже, простите, увлекся – вознамерился рассказать о молодой горгоне и сбился с истинного пути. Потому что бывшие жены в таком необъяснимом количестве кого хочешь с ума сведут.

А горгона явилась ко мне домой, оглядела холостяцкий бедлам, скорчила рожу и принялась наводить порядки. Первым делом она освободила диван от разных журналов, книжек, переполненных пепельниц и бывших жен, да так, что последние закувыркались. После чего молодая горгона присела на край дивана, как в парке на скамейку, сложила губы в куриную гузку и стала указывать мне на разные бытовые предметы, называть их ласковыми именами и пояснять, где они должны находиться в квартире, дабы такое «гнездышко» считалось образцовым и пригодным для половой близости.

– Журнальный столик, – сказала она, – предназначен для иллюстрированных журналов и не должен использоваться аки гладильная доска для представленных здесь подштанников! Это минус!

– Это брюки, – возразил я.

– И тем не менее, – продолжала горгона. – Торшер служит для интимного освещения, а сейчас на нем сушится три пары носков!

– Это все, что у меня есть, – пояснил я.

– Приношу вам свои соболезнования, – отозвалась горгона. – Хотя считаю, что это минус. А чем вы обычно занимаетесь на диване?

– Сижу, лежу, ем, курю, сплю и медитирую, – быстро перечислил я. – Но это вкратце!

– Оно и видно, – заявила горгона. – Тоже большой минус! У вас получается только один плюс – эта квартира! Вы для чего меня пригласили?

– Для внеземных контактов, – честно признался я.

– Ну разве что, – согласилась горгона. – Потому что интимная близость вам сегодня не светит!

Тут все посмотрели на вышеупомянутый торшер.

– Потому что ею, – подчеркнула горгона, – в смысле близостью, попросту говоря, негде заниматься! Все занято посторонними предметами!

Тут даже бывшие жены встали на мою защиту.

– Экая фря, – возмутились они. – Да вот же, на подоконнике, есть свободное место для всесторонних и внеземных отношений!

Однако горгона проигнорировала эту рекомендацию или не расслышала.

– Давайте подведем предварительные итоги, – предложила она. – Надо вынести все из квартиры, сделать капитальный ремонт и закупить новую мебель.

– Ради чего? – уточнил я. – У меня не осталось времени на такие безумства! Я пять раз начинал свою жизнь заново... И теперь надеюсь только на быстрый и непритязательный секс, без нервотрепки и капитального ремонта!

– Ну, тогда вы обратились по адресу, – кивнула горгона, – только не в ту возрастную группу. Пригласите себе кого-нибудь поспокойнее из нашей же секции, но из тех, кому за тридцать. Там сплошные сестры милосердия!

– А как называется ваша секция? – насторожился я.

– Союз объединенных колготок, – язвительно пояснила так называемая горгона, а бывшие жены радостно захихикали.

А могли бы сразу сказать, паразитки, что я нарвался на грацию... Впрочем, одному черту известно, как эти дамочки группируются.

Потому что только у Дарвина все женщины произошли от одной доисторической обезьяны и нет никаких проблем в классификации. Конечно, когда я гляжу на старуху, то вижу без пояснительной таблички, что в молодости она служила в тамбовской Чека, и легко могу себе представить все промежуточные стадии ее развития – от питекантропа до комиссара. То есть когда преклонного возраста женщина уже никого не стесняется и готова отдать богу душу вопреки теории эволюции. Однако правильно классифицировать стройную девушку мне вечно мешает личная заинтересованность. Ведь я не Дарвин, чтобы загодя обозвать ее старой, морщинистой обезьяной, да и дело с концом! Но, конечно, хотелось бы знать заранее – как аукнется эта девушка годам к тридцати, вместо того чтобы каждый раз начинать свою жизнь заново с юной особой. И как иногда не хватает Дарвина, чтобы выразить все, что о ней думаешь!

Но самое интересное, что эти мартышки – завязтые феминистки и повальные эмансипе, куда речь не пойдет о разделе имущества. Тогда они снова становятся слабыми и беззащитными девушками и

требуют бóльшую часть имущества на пропитание. Мол, подайте бедной грации, пострадавшей от пархатого патриархата...

Вот поэтому меня всегда привлекали гетеры – и простенько, и сердито. Заходишь в храм, кладешь на алтарь все, что тебе мешает считаться добропорядочным буржуа, и снова свободен, до следующего раза. «Готов ли ты, Ингмар Кляйн, взять в жены эту гетеру?!» – «Да, ваша честь!» – «А ты, гетера, готова ли взять у Ингмара Кляйна все, что у него есть, и не в розницу, а, как полагается, – оптом?!» – «Да, ваша честь!» – «Ну, тогда без обид! В смысле, с богом!» Вот такие получаются Помпеи – «Здравствуйте, девочки!».

А кто виноват, что ты извергаешься, как вулкан?! И погребает под пеплом некогда процветавшие города и другую личную собственность... Я так думаю, что существует прямая арифметическая зависимость: чем ниже потенция, тем больше имущества. Ну, разумеется, есть общества с традиционной сексуальной ориентацией, где евреи женятся на еврейках, а банкиры – на «Крупп энд Крупп с сыновьями». Но я появился на свет в стране с разбазаренным генофондом, да вдобавок не веду свой род от Авраама или Ииакова. И к моменту зарождения новой буржуазной формации у меня ничего не осталось: ни денег, ни снисходительного отношения к творчеству, чтобы породниться с юной интеллигенцией, которая нынче почитает «Бригаду» выше «Дон-Кихота Ламанчского». Оно и понятно: много ли выбьешь из ветряных мельниц?

И в общем-то я не жалуясь, а констатирую, что мои Помпеи несколько отличаются от ваших и, вполне возможно, не поддаются логическому объяснению. Однако я сам их засыпал и поэтому знаю, что где лежит. А всякие археологические раскопки не приведут к положительному результату, поскольку ничего грандиозного здесь нет. Просто курится старик Везувий над античными развалинами, и вся композиция называется «Помпеи нон грата» ©.

Вот на что, собственно говоря, я променял свою приличную жизнь? На женщин и литературу?

МУЗА. А Я, СОБСТВЕННО ГОВОРЯ, ВО ЧТО ВЛЯПАЛАСЬ?

– Явился не запылится! – поприветствовала меня Юлия Феликс, когда я хотел, как нашкодивший кот, потихоньку пробраться к себе на второй этаж. – Ну и где ты был? – повысила голос Юлия Феликс. – Мне, разумеется, все равно, но интересно.

Она сидела в холле и поэтому застучала меня с поличным. В правой руке я держал раскуроченную бутылку пива, а в левой – свои кроссовки.

– Я был в Помпеях, – честно признался я.

– А что ты подразумеваешь под словом «Помпеи»? – спросила Юлия Феликс и тоже открыла бутылку пива...

– Спасибо, но у меня есть, – для начала поблагодарил я.

После чего взял со стойки бара чистый стакан, уселся в кресло и стал неспешно попивать пиво.

– Я думаю, многие заблуждаются, полагая, что у меня ангельское терпение, – отчеканила Юлия Феликс.

Тогда я развернул старую газету, которая мирно лежала на журнальном столике и давно никого не трогала, и сделал вид, что читаю передовицу:

– Как утверждают первые разрушенцы, исчезновение Помпей с территории бывшего СССР началось в тысяча девятьсот шестидесятом году при госпоже-министерше Фурцевой Екатерине Алексеевне. Кто-то назвал ее Фурией – и пошло и поехало... Как известно из римской мифологии, богини мщения – фурии – соответствовали греческим эриниям, которые часто выступали втроем: Алектро (Непрощающая), Мегера (Завистница) и Тисифона (Мстящая за убийства). На декоративно-прикладных панно Мухиной Веры Игнатьевны (Алектро) эринии изображались в облике внушающем ужас, со змеями в волосах, с факелами и бичами.

Так, во время весенних репрессий помпеянские фурии извели всех мужчин, потому что неправильно истолковали слово «проскрипция», которое им показалось родственно-коренным слову «проституция», и дали волю своим эмоциям. Вдобавок примерно за месяц до этого помпеянцы поссорились со своими женами и предпочли жить с фракийскими девушками, которых брали в плен во время набегов. А в отместку темпераментные помпеянки перебили всех мужчин, не пожалев никого! Ни старых, ни малых, ни писателей, ни читателей, ни издателей, ни карателей...

– Продолжай-продолжай, – разрешила Юлия Феликс. – Только в конце не забудь упомянуть про Исиду.

– А при чем здесь Исида? – удивился я.

– А при том, что этой дряни я ноги переломаю, – сказала Юлия Феликс.

– То есть назревает конфликт, – подытожил я. – А где обещанная свобода на девок и другие источники информации?

– Всегда пожалуйста, – подтвердила Юлия Феликс. – Но только не с Исидой!

Тут Юлия Феликс достала из бара бутылку текилы, пристально на нее посмотрела и поставила обратно. Из чего я сделал правильный вывод, что Юлия Феликс говорит серьезно.

– Не надо меня дезориентировать, – предупредил я. – Исида хорошая девушка... Даже не верится, что это твоя дочь...

– Нет! – рассмеялась Юлия Феликс.

– Тогда любовница! – снова предположил я.

– Тоже мимо!

– Ну, тогда не вижу препятствий, – вполне обоснованно заметил я. – Или мы просто играем в морской бой?

– Исида – моя сестра, – заявила Юлия Феликс. – Младшая... Хочешь текилы к пиву?

– Бе, – отказался я. – И как меня угораздило снова вляпаться в такую историю? Жениться на одной сестре...

– Фиктивно, – уточнила Юлия Феликс.

– ...а переспать со всеми – практически, – закончил я.

– Что значит «со всеми»? – насторожилась Юлия Феликс.

– Это не юридический термин? – насторожился я. – Тогда с обеими... А разве меня предупредили о том, что Исида чья-то сестра и с ней не рекомендуется спать?

– Как будто это бы тебя остановило, – хмыкнула Юлия Феликс.

Вернее, вначале сказала, а потом хмыкнула.

– Преступная бесхалатность, – согласился я. – Особенно на юге... Но я ни о чем не жалею.

– Нахал, – заключила Юлия Феликс, и мы вернулись к дегустации пива.

Надо признаться, что за время своего пребывания в Помпеях я умудрился жениться на Юлии Феликс в трехдневный срок. Еле-еле уложился...

После того как выяснилось, что я унаследовал небольшую часть побережья Эйского разлива, а Юлия Феликс умудрилась построить

гостиницу на землях новоявленного сюзерена, мне ничего другого не оставалось с юридической точки зрения, как быстро жениться на Юлии Феликс. Конечно, она сохранила свою редкостную девичью фамилию, однако для меня оставалось загадкой – для чего ей понадобились все имущественные права на вышеупомянутую гостиницу, которая все равно ухнет в море и никакое государственное страхование этого не компенсирует.

Наверное, бывший нотариус, что прозябал в Юлии Феликс без дела, никак не мог угомониться и хватался за любой документ, как стряпчий за соломинку. Иначе зачем гражданка Юлия Феликс разыскала меня в Петербурге и несколько позже, ха-ха, сообщила о прабабушкином наследстве? Ну разумеется, мы «сходили на катере», как выразилась Исида, до ближайшего загса и «узаконили свои права на совместно нажитое имущество», как пояснила Юлия Феликс. Но за каким, извините, чертом, дьяволом или бесом?! Поскольку, на мой обывательский взгляд, подобная «выделка» не стоила никакой «овчинки». Ведь двенадцать соток земли, что вот-вот уйдет из-под ног, и покосившееся строение – это тебе не фешенебельный отель в штате Флорида, а самый натуральный нонсенс. И когда тихой сапой Юлия Феликс предложила мне заключить фиктивный брак, я посмотрел-посмотрел на свое наследство и, как всегда, согласился, разумно полагая, что вскоре этот «союз двух любящих сердец» разрушится самопроизвольно. Вот какую свинью мне подложила прабабушка...

Кстати, домик, в котором она проживала, забытая всеми дорогими наследниками, еще держался на краю обрыва, неподалеку от «пансиона Юлии Феликс». У женщин было джентльменское соглашение: прабабушка разрешает строительство, а Юлия Феликс ее хоронит. К такому консенсусу они пришли в девяносто первом году, когда облюбованное для небольшой гостиницы место казалось перспективным, что нашло отражение в глянцевой прокламации: «прекрасное место для отдыха», и особенно – «в двух шагах от моря». Никто не думал, что прабабушка отправится на покой в двадцать первом веке, а море пойдет навстречу отдыхающим семимильными шагами.

Письменных соглашений между прабабушкой и Юлией Феликс не существовало. Ну не любила старушка всякие нормативные акты и только поэтому, как считала, спокойно дожила до ста четырех лет.

Купалась в море, грелась на солнышке, получала пенсионное обеспечение наравне с воробьями и отошла с улыбкой, словно упорхнула. А Юлия Феликс, как договаривались, похоронила старушку на местном кладбище, закрыла ее мазанку, или «временку», как говорили в Эйске, и отправилась в Петербург на поиски наследника, о котором прабабушка упоминала, тоже устно и, надеюсь, нелицеприятно. Иначе этот земельный надел должен был отойти государству и кануть в Лету на правах муниципальной собственности. И никто разыскивать меня не собирался и не считал нужным, кроме Юлии Феликс. Прямо скажем, странное и совершенно убыточное развлечение, если учесть чартерный рейс до Санкт-Петербурга и обратно, а также мое пребывание на малой родине...

– Какая отвратительная девка, – задумчиво произнесла Юлия Феликс.

Я понял так, что здесь подразумевалась Исида.

– Надо говорить «девушка», – отредактировал я. – Что означает «лицо женского пола, достигшее половой зрелости, однако не состоящее в браке». Именительный падеж: кто-что – «девушка», винительный падеж: какую-такую – «девушку», дательный: какой-разэтакой – «девушке» и предложный – о том о сем...

– И это моя сестра, – в который раз озадачилась Юлия Феликс.

– Я тоже никак не могу поверить, – поддакнул я.

– А тебе все нипочем, – продолжала занудствовать Юлия Феликс. – Все хиханьки да хаханьки...

– Ну, это лучше, чем сеять разумное, доброе, вечное, а пожинать всякую хрень, – возразил я.

И мы снова вернулись к дегустации пива...

[16] Как сообщают надежные источники – Аполлодор и Гесиод, – жили на свете три сестры: Энио (Воинственная), Пемфредо (Оса) и Дино (Ужасная). В одних исторических хрониках эти сестры значатся как граи, в других – как грайи, а в третьих и вовсе – грэйи, что в переводе с греческого и на греческий означает одно и то же – «старухи». И все было при них, в смысле женской фигуры и комплектации, но с годами некие части тела поистаскались и больше не представляли особого интереса для мужчин, о которых наши сестренки только и думали. Вернее, вначале делали, а потом думали: что же мы наделали?! Считай, за тридцать лет нещадной эксплуатации

основные детали свое отработали – какой там у женщины срок гарантии? – и восстановлению не подлежали...

А когда количество замыканий в самый неподходящий момент перевалило за количество подключений, взяли сестренки полное руководство «Баба для чайников» и ударились в приятные воспоминания...

– Я говорила, что надо хотя бы на ночь отключать кнопку быстрого старта?! – спрашивает Энио, ссылаясь на полное руководство.

– А днем эта кнопочка мне до лампочки, – возражает Пемфредо.

– Прекратите ругаться, девочки, – предлагает Дино. – Давайте-ка лучше проведем полную инвентаризацию. Что мы имеем в наличии, в рабочем или глянцевом состоянии?

– Ничего! – говорит Энио. – Во всяком случае, для журнала «Плейбой».

– Ну и ладно, – сладко вздыхает Пемфредо. – А что сохранилось в виде рамочки? Хотя бы для «Фотошопа».

Стали рассматривать и диагностировать...

– Записывайте... – подводит баланс Дино. – Грудь, четвертый размер, – две штуки; глаз – один карий, другой голубенький; три волосенки; две пикантные родинки; пять бородавок, и те де, и те пе... Итого один всепогодный комплект для романтических отношений.

– А нас-то трое! – возникает Энио. – Вот тебе и «те пе»!

– Будем носить по очереди, – решает Дино. – Если кому вдруг приспичит покрасоваться или воспользоваться...

– Здравствуйте! – говорит Энио. – Мне, например, приспичило еще на прошлой неделе и до сих пор не отспичило! Вдобавок с таким феерическим комплектом можно охмурить какого-нибудь очкарика, если приобнажаться аккуратно и выборочно. А тогда поминайте меня как звали! Остаток дней проведу на Багамах или на Карибах, в легком неглиже разумеется...

– Размечталась, – ухмыляется Пемфредо. – Однако спасибо, что предупредила. Черта с два ты получишь в аренду одно «те пе», а без него – приобнажайся сколько влезет, хоть номинально, хоть виртуально. Кстати, сейчас в Интернете модно разыскивать своих одноклассников. Не хочешь попробовать?

– Без комментариев, – отвечает Энио. – В смысле пошла ты сама к своим одноклассникам!

Ну, делать нечего, решили сестры друг за дружкой приглядывать, чтобы кровь не ударила в голову и «те де», и «те пе». Собрали один чудесный комплект, назвали его «Химера» («Chimera»), что в переводе значит «Коза», и стали использовать по расписанию. Иначе говоря, нашли тенистую аллею и повадились там прохаживаться с романтическим выражением на лице. То есть две сестренки сидят в засаде, а третья эксплуатирует привлекательность на полную катушку. И все укомплектованы переговорными устройствами и радиомаячками.

– Коза один! Коза один! – наяривает из-за кустов Пемфредо. – Как слышишь меня? Прием!

– Слышу вас хорошо, – отвечает Дино. – Только левая грудь отстегнулась и правая съехала...

– А ты не егози, как швейная машинка, – советует Энио. – Ходи плавно и мечтательно-созерцательно, а то весь комплект растрясешь.

– Внимание! – говорит Пемфредо. – На аллее показался молодой человек! Боги в помощь тебе, сестра...

И так они промышляли, акупунктурно: «Не правда ли, замечательная погода?» – и бац по затылку, для верности. Мол, привлекательность привлекательностью, а контрольный апоплексический удар тоже не повредит.

– У меня из-за ваших штучек, – жалуется Дино, – совершенно отсутствует преамбула.

– Зато активная фаза более продолжительная, – возражает Пемфредо. – А что этот вьюноша мямлил про Гидрометцентр? Я не расслышала...

– Что погоды и правда великолепные, – поясняет Дино. – А дальше стал рассказывать про Гидрометцентр, но тут вы с сестрой подскочили и тюкнули ему по макушке. Чтобы комплект зря не простаивал...

Ну, используют граи бедного юношу по существу и промышляют дальше по отработанной схеме: одна сестра – на выданье и две – в засаде. Увесистую гирьку под это дело приспособили, веревками обзавелись... И так наловчились, что в скором времени поползли слухи, что в темных аллеях орудует хорошо вооруженная банда садомазохистов. От слова «садово-парковый»...

– Я вот чего не понимаю, – талдычит Энио. – Зачем вообще нам этот эротический комплект сдался? Если обухом по башке намного быстрее и динамичнее. У меня даже в молодости столько поклонников не было. А тут за двенадцать часов – двадцать четыре штуки! Как с куста!

– И все такие приятные, – поддакивает Пемфредо. – И на ощупь, и так далее!

– А меня угнетает, – вздыхает Дино, – что нет поэзии в этом мероприятии. Никто за нами не ухаживает и ласковых слов не говорит. А ведь женщины любят ушами в первую очередь...

– Ну так вытащи у него изо рта кляп и послушай, что он тебе скажет, – предлагает Энио. – Вставай, Пемфредо! Что ты разлеглась на молодом человеке, как на диване? Я понимаю, что мягко, однако наша сестра с ним хочет поговорить...

– О чем? – уточняет Пемфредо.

– О любви, наверное, – хихикает Энио.

– Ах вы старые извращенки! – возмущается молодой человек, освобожденный от кляпа. – Третий день не могу до Лернейских болот добраться! По какой аллее ни пойду, а все равно – бац – и снова люблюсь на ваши рожи! Что ж вы ко мне привязались?

– Как это «привязались»? – удивляется Пемфредо.

– А так, – объясняется он. – Задолбали! Разве не видите, что по одной и той же башке тюкаете?!

– А где наши глазки? – интересуется у сестер Дино. – Один карий, другой голубенький... Неужто дома оставили? Ты прости, молодой человек, что мы сослепу такие настырные...

– А уши свои вы тоже посеяли? – возмущается, так сказать, молодой человек. – Я же кричал, что идет Геракл! Из рода Гераклов! Убивать лернейскую ГИДРУ! И никакого отношения к Гидрометцентру не имеет!

– Извини, не расслышали, – оправдывается Пемфредо. – Сейчас мы тебя развяжем...

– Черт-те что и сбоку бантики! – ругается Геракл. – Я понимаю, что этот Гидрометцентр вам сильно насолил, но зачем же меня стукать?! Пошли бы лучше изнасиловали Гидрометцентр!

И как сообщают надежные источники: «Погоды и правда стояли великолепные! Температура воздуха в тени – двадцать пять градусов!

Влажность – сорок процентов! Но атмосферное давление было низкое и магнитное поле – неустойчивое...

А Геракл совершил больше подвигов, чем прожил лет в своей жизни. Правда, о многих героических поступках он тактично умалчивает в автобиографии...»

Книга VII

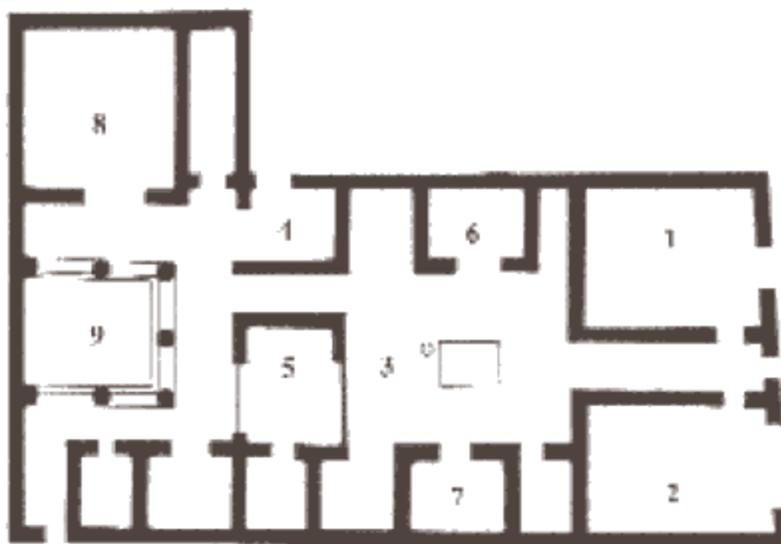
Полигимния

В полдень амазонки делали вот что: они расходились поодиночке или по двое... Скифы, заметив это, начали поступать так же. И когда кто-нибудь заставал амазонку одну, женщина не прогоняла этого мужчину, но позволяла вступить с ней в сношение. Разговаривать между собой, конечно, они не могли, так как не понимали друг друга. Движением руки амазонка указывала скифу, что он может на следующий день прийти на то же место и привести товарища, знаком объясняя, что их будет также двое и она явится с подругой...

Геродот

Помпеи. Дом Трагического поэта

Музотерапия: краткое руководство по разведению муз в домашних условиях

1. Клио (*лат. Clio*) – Прославляющая.
 2. Евтерпа (*греч. Euterpe*) – Восхитительная.
 3. Талия (*греч. Thaleia*) – Цветущая.
 4. Мельпомена (*лат. Melpomene*) – Славнопоющая.
 5. Терпсихора (*лат. Terpsichore*) – Танцующая.
 6. Эрато (*лат. Erato*) – Чувственная.
 7. Полигимния (*греч. Polymnia*) – Божественная.
 8. Урания (*лат. Urania*) – Небесная.
 9. Каллиопа (*лат. Calliope*) – Прекрасноголосая. По Геосиоду, эта муза – главнейшая из девяти муз.
- 9а. Каллипига (*греч. Kallipiga*) – Прекраснозадая. Не муза, а приложение.

Я сидел за столиком на открытой террасе и смотрел на море – занятие для идиотов и философски настроенных мужчин. Потому что разумные дамочки выбирают на горизонте конкретный объект и говорят: «Глядите, кораблик!», а идиоты беспричинно таращатся на

общие перспективы и размышляют о вечности, покуда пиво не скиснет. И тогда они возмущаются: «Бармен!» – «Ау!» – отзывается бармен. «Повторите!» – требуют философски настроенные мужчины. «Ау!» – повторяет бармен и тоже смотрит на море. Волна за волной, пшшших да пыхххх, вечность да бесконечность...

– Ну и долго это будет продолжаться? – спросил я.

– Не знаю, – ответил бессовестный бармен.

Он уютно устроился за прилавком и не хотел с ним разлучаться, во всяком случае за здорово живешь.

– Тебе надо подняться и принести мне свежую кружку пива, – напомнил я. – Сегодня ты бармен.

– А пиво должно быть обязательно в кружке? – уточнил он.

– Да, – подтвердил я. – Так полагается. В прозрачной старорежимной кружке, которая некогда называлась большой.

– Тогда пива нету, – объявил бармен. – Потому что похожую кружку я разбил в прошлом году.

Меня по-прежнему занимало море. Вместе с Исидой и Юлией Феликс. Они там плескались и загорали на надувных матрасах. Потому что нельзя поделить море на волны – океанские и морские, а загоральщиц рассматривать без купальщиц. Так выразился Эзоп...

– Бинобль брать будете? – вякнул бармен со всей иронией, на какую сподобился. – С вас десять долларов!

– Почему так дорого? – поинтересовался я.

– Наценка за ускользящую натуру, – пояснил он.

– Сегодня ты слишком поэтично настроен, – заметил я. – Наверно, вчера опять перепил портвейна.

– В таком случае бар закрывается, – обиделся он.

– С чего бы это вдруг? – удивился я. – А море?

– Море работает круглосуточно и совершенно бесплатно, – сообщил бармен. – Считайте это подарком от нашего заведения. А я пошел!

– Интересно, куда? – осведомился я.

– Вытаскивать женщин из моря, – доложил он. – Юлечку и Сидулечку. Вдобавок мне надоело быть барменом без пива. Никакого удовольствия...

Тут боцман поднялся со своего места и наглым образом уволился из барменов по собственному желанию.

– Дайте мне книгу жалоб и предложений, – потребовал я.

– Свою напиши, – отбрехался боцман и вызывающе подбоченился.

Есть несколько способов производства литературной продукции: сплошной текст, диалог с пимпочкой и всего понемногу... Первый способ самый амбициозный, потому что автор уверен в своей правоте и бредит с красной строки до посинения. Все равно на какую тему, главное – монолитно и без абзацев. Диалог здесь считается неуместным и недостойным «философской» литературы, а читатель – заведомо идиотом.

– Как можно так гениально писать? – спросили меня однажды.

– Надо больше придуриваться! – ответил я. – А также курить и хлебать кофе! И буквы к вам непременно потянутся...

Способ второй рассчитан на ассоциативное мышление (пимпочку): автор говорит об одном, а читатель думает про другое. И если такое положение дел всех устраивает, то литературное произведение можно признать удачным, потому что восемьдесят процентов читательской массы думает в унисон, и только двадцать процентов считает автора заведомо идиотом.

– Каких современных писателей, помимо себя, вы читаете? – спросили меня однажды.

– Джона Фаулза и Курта Воннегута, – ответил я. – Вот Умберто Эко похороню и совсем один останусь...

Третьим способом пользуются изготовители бестселлеров и сочинители, которые апеллируют к основной читательской аудитории как равной себе по субкультуре. Здесь самые сложные взаимоотношения между талантами и поклонниками, потому что трудно нащупать автора в этой однородной массе. Что же касается остальных читателей в объеме двадцати процентов, то этим идиотам никаким способом не угодишь...

– Трудно придумать что-нибудь более глупое, чем жизнь писателя и мужчины, – заметил я. – Еще в молодые годы я увлекался двумя вещами – литературой и женщинами, однако со временем заметно поутратил свой пыл.

– Гиблое место! – поддакнул боцман. – Надо драпать отсюда!

Я понял так, что он разделяет мои упаднические настроения, но только ввиду дефицита пива.

– А дальше-то что? – уточнил боцман, считая, что пауза слишком затянулась.

– Импотенция и маразм, – сообщил я. – Понятия общеизвестные и неизбежные.

– Да-а-а-а, – глубокомысленно изрек боцман для поддержания разговора.

– Словом, у каждого свои Помпеи, – добавил я. – Тут уж ничего не поделаешь, когда все нарративные структуры лежат в руинах.

– Какие-какие структуры? – заинтересовался боцман.

– Повествовательные, – расшифровал я. – А ты о чем подумал?

– О ферментации, – признался боцман.

– Интересные у тебя мысли, – отметил я. – Откуда они только берутся?

– Ну, ты сам стал рассказывать о каких-то структурах, – пояснил боцман. – А это так же сложно, как самогонный аппарат.

– Понятно, – сказал я. – А что у тебя вызывает слово «повествовательные»? Ну, кроме жалости, разумеется...

– Нет повести печальнее на свете, чем повесть, опочившая в поэте, – скороговоркой сообщил боцман.

И где только он черпает такие афоризмы – до и после портвейна?

Кстати, «бар» назывался баром только потому, что мы с боцманом время от времени играли здесь в посетителя и бармена, чередуя свои ампула. Это летнее «театральное заведение» находилось рядом с гостиницей Юлии Феликс и скоро должно было рухнуть в море. Как раз на прошлой неделе исчезла часть террасы, и мы отодвинули барную стойку подальше от обрыва.

– Ну так я пошел? – вслух размышлял боцман, все еще надеясь, что я сгоняю в гостиницу и притащу оттуда пару бутылок пива.

– Иди, – разрешил я. – Но могу дать один ценный совет... Не гуляйте вечером вдоль обрыва и возле гладиаторских казарм.

– А где они расположены? – уточнил боцман. – Я шведский турист и плохо ориентируюсь в Помпеях, вернее – совсем не ориентируюсь.

– Шведский турист? – переспросил я. – Тогда у нас возникла проблема... Чтобы держаться подальше от гладиаторских казарм, вам непременно надо знать, где эти казармы находятся. А как только узнаете – будет поздно держаться от них подальше.

– О-кей! – согласился боцман. – Однако какой из меня шведский турист без пива?

– Придурковатый, – оценил я. – Но в гостинице пиво тоже закончилось. Еще вчера.

– А разве Юлечка не собирается пополнить свои запасы? – осторожно осведомился боцман.

– Вроде бы нет, – заявил я, потому что эта беседа вокруг да около пива мне порядком осточертела и вызвала непроизвольное слюноотделение.

– Тогда пойду вытащу Юлечку и спрошу, – решил боцман и направился к так называемой вылазке, чтобы свистать всех наверх.

А я подумал-подумал, плюнул на бар и поплелся за ним, то и дело поглядывая на море, где «Юлечка и Сидулечка» плавали и загорали в голом виде. Правда, с обрыва их невозможно было разглядеть во всех деталях, а единственный капитанский бинокль куда-то запропастился.

– Изображение сексуальных сцен ради изображения считается порнографией, – заметил я, шагая следом за боцманом по самому краю обрыва. – А как называется текст, написанный ради текста?

– Не знаю, не пил, – ответил боцман, рискуя свалиться вниз и свернуть себе шею.

– А сколько здесь метров? – попробовал выяснить я высоту обрыва.

– Не знаю, не измерял, – отгавкался боцман. – А надо бы взять вашу литературу и бросить в синее море, чтобы пожрали ее киты.

– Так говорил Стасов, – пояснил я. – Правда, по поводу живописи.

– Да? – удивился боцман. – Со Стасовым я не пил.

Так мило беседуя, мы подошли к вылазке, благо тащиться было недалеко. Вдобавок отсюда открывался прелестный вид на Помпеи.

– Обратите внимание, – словно экскурсовод, заявил я, – на каком опасном расстоянии от обрыва находится здание Сената и Синода. А скоро и оно канет в Лету!

Но боцман вконец окрысился на мои театральные-литературные развлечения.

– Нет в Помпеях такого здания, – возразил он. – Сената и Синода.

– Да, – со вздохом сожаления признал я. – Я думаю, что Помпеи – это плод моего больного воображения. Яблоко или груша... О чернослив моих фантазий! О дыня моих причуд!

– Заканчивай, – насупился боцман. – Меня и так обвиняют в пособничестве!

– Кто?! – с негодованием воскликнул я, хотя ответ плавал в море на надувных матрасах.

Можно сказать, у меня под носом, если раздобыть бинокль.

– Э-эй! – заорал боцман в сторону моря, размахивая руками и стараясь привлечь к себе внимание. – Эге-гей!

Юлия Феликс что-то прокричала в ответ, но мы ничего не расслышали, кроме «...ись!» и еще раз «...ись!».

– Вот незадача, – огорчился боцман.

– А почему тебя называют боцманом? – спросил я.

– Отвяжись! – попросил боцман. – Разве не видишь, что человек мучается с похмелья?

– А еще меня интересует, – не унимался я, – где ты берешь спиртное, если в округе никаких магазинов нет.

– Может, она мне крикнула: «Отвяжись»? – терялся в догадках боцман. – Или что-нибудь похуже?

Но я сделал вид, что тоже озабочен своими проблемами и занят изучением так называемой вылазки. В общих чертах это приспособление состояло из толстой веревки, привязанной к металлическому костылю, который вогнали в землю по самую шляпку. И чтобы подняться наверх или спуститься вниз, надо было продемонстрировать незаурядные акробатические способности. Вдобавок вышеозначенная веревка кончалась где-то на середине, и девушкам приходилось карабкаться по обрыву, чтобы до нее добраться.

– Вообще-то они, – тут боцман кивнул в сторону моря, – называют меня Юлием Цезарем... За то, что я занимаюсь двумя делами одновременно.

– Какими? – любопытно спросил я.

– Не знаю, – смутился боцман. – А чем промышлял этот Юлий Цезарь? Вот и я, наверное, делаю то же самое.

– Теперь понятно, – сообразил я. – Значит, не обманула меня подлая Юлия Феликс. Сказала, что встречу Юлия Цезаря, когда приеду в Помпеи, и вот результат.

– Скорее всего, – подтвердил боцман. – А спиртное я покупаю в определенных местах. Это мое ноу-хау...

– Дальше можешь не продолжать, – разрешил я. – Кстати, Юлия Феликс оставила для тебя деньги.

– Ну, ты, это, почему, столько, времени, вообще?! – через запятую возмутился боцман.

После чего мне пришлось вытащить деньги и передать их боцману.

– Я тут зажарился, как шашлык из баранины, пойдешь освежись, давно бы так! – выпалил боцман, сунул деньги себе в карман и поспешно удалился.

– Незаменимая личность, – подытожил я...

Уселся на краю обрыва и снова принялся размышлять о вечности, глядя, как Юлечка и Сидулечка нежатся на надувных матрасах...

^[17] Надо заметить, что женщины любвеобильны до яблок – как увидят этот продукт любого сорта, так сами не свои. Ногами топают, ресницами хлопают – прямо кошмар, честное слово. Подавай им яблоко, и все тут! Что прародительница Ева (не знаю, как величать по отчеству), что три богини – Гера, Афина и Афродита. А сколько написано инструкций по этому поводу?

Пункт первый: Если у женщины в руках яблоко – считай, что это граната Ф-1 с радиусом поражения двести метров.

Пункт второй: Делай ноги!

Пункт третий: Не сделал ноги – пеняй на себя...

Однажды Гера, Афина и Афродита, три здоровые дуры, можно сказать стоеросовые, решили выяснить, кто из них больше вымахал. По всем параметрам. И устроили очередной конкурс красоты «Отчаянные домохозяйки», потому что в первом соревновании соискательниц было меньше, только Ева да змей, и явного фаворита установить не удалось. Хотя если судить о Еве по гравюрам Рембрандта, то победил змей. За явным преимуществом – и хвост длиннее, и рожа симпатичнее.

А тут целых три конкурсантки, на что Зевс сразу сказал: «К терапевту!» – и отказался судить. И главное, приз готов – яблоко! Разумеется, не яйцо Фаберже, но тоже из золота и с макиавеллевской гравировкой: «Прекраснейшей»!

Ну, стали искать терапевта, иначе говоря – председателя жюри. Геракл сразу отпал, как лицо заинтересованное. После случая с девственницами он всегда выбирал киферонского льва. И Одиссей, как

увидит двух женщин, стоящих чуть поодаль друг от друга, так сразу же начинает безумствовать и бредить своими Сциллами и Харибдами. Поэтому остановились на Парисе. До сей поры он стравливал меж собою быков, и, как сказано в книге «О погибели Трои», «кончилось тем, что Парис объявил, что возложит золотую корону на рога того быка, который сможет одолеть его собственного быка-победителя». Тогда, шутки ради, бог войны по имени Арес превратился в быка и выиграл... Но особенно удивило богов, наблюдавших за всем с Олимпа, что Парис не раздумывая вручил Аресу полагающуюся награду... Вот почему к Парису направил Зевс и трех зарвавшихся конкурсанток, ибо веселые боги жили на тогдашнем Олимпе!

Ну, Парис дурак дураком, а соображает, что какую богиню ни выбери, а все равно получишь от остальных по шее. Потому что женская красота – щекотливый предмет, когда руки-ноги на месте и задница соответствует всем современным канонам. Конечно, солидные дамы с любой картины Питера Пауля Рубенса запросто перевесят красоток из журнала «Плейбой», тут даже и сравнивать нечего – достаточно беглого взгляда на живописное полотно «Суд Париса». Зато «плейбоевские» красотки глазенки-то им повыщарапают. Повыщарапают, да. Но если команда Рубенса как следует подготовится к следующему чемпионату, то просто задавит «Надувных кукол» по всем восточным единоборствам, в частности по сумо. Хотя в легкой атлетике могут возникнуть проблемы, когда дело дойдет до метания снарядов. Спортивное общество имени Рубенса станет швырять ядра, а «Плейбой» – копья, и лучше бежать с этого стадиона согласно инструкции (смотри пункты два и три), а не сидеть раззявив рот и не скандировать: «Плей-Бой-Чемпи-Он! Плей-Бой-Чемпи-Он!» Однако несчастному Парису деваться было некуда...

Вдобавок наши богини – Гера, Афина и Афродита – прибыли не одни, а в сопровождении сутенера по имени Гермес. А как еще можно назвать субъекта, который тебе предлагает выбрать из трех девиц самую подходящую? В древнегреческих мифах так прямо и сказано: «Гермес. Бог скотоводства и предводитель в хороводах нимф...»

– Должен ли я судить богинь по их одежаниям, – спрашивает Парис у Гермеса, – или они предстанут предо мной обнаженными?

– Правила таковы, что ты должен все решать сам, – отвечает Гермес и улыбается, сутенер проклятый.

– В таком случае не могли бы они разоблачиться? – намекает Парис.

(Ничего не придумываю, а шпарю прямо по Геродоту, практически ноздря в ноздю.)

А дальше события развивались так.

Первой готова была Афродита, однако Афина настояла на том, чтобы та сняла и волшебный пояс, благодаря которому всякий влюблялся в его обладательницу.

– Хорошо! – говорит Афродита, и, как сообщают источники, «со злорадством». – А ты снимай свой знаменитый шлем, без которого на тебя и взглянуть-то страшно!

И покуда две богини выясняли между собой отношения, шустрый Парис отвел в сторонку Геру и (цитирую) «не спеша осмотрел».

Тут зафиксирован первый случай частного стриптиза с вымогательством, что теперь практикуют в столовой № 5, переименованной в кабаре. И чем дольше длится это шоу, тем больше, по мнению стриптизерш, должны быть призовые. Правда, с меня требуют компенсацию за моральный ущерб, потому что я засыпаю в самом начале представления. Поскольку не вижу никакого эстетического удовольствия в том, чтобы сидеть без дела и пялиться на даму, которая выпендривается на пилоне, как цыпленок на вертеле. Вот «Мулен Руж» и «Сумасшедших лошадок» я уважаю, а когда давят на психику и пробуют разжалобить – не люблю.

– Ну что ж, – заявляет Парис. – Я видел все, что должен был видеть. А чего не видел, пусть положат мне в гроб! На том свете полюбуюсь...

– За этим не заржавеет! – говорит Афина и тоже – шась на пилон и давай крутиться, ну прямо как Деми Мур в картине «Стриптиз», что была перед фильмом «Солдатка Джейн» с этой же Деми Мур в главной роли.

То есть ужасу нагнала на бедного Париса – мама не горюй! И так на пилоне выгнется, и эдак, и кверху ногами подтянется, и подъем с переворотом сделает, и сальто, прогнувшись. И все сопровождает эротическими выкриками: «Ыыыххх! Уууххх! Эээххх!» Прямо демисезонные мурашки по коже бегают от такого стриптиза.

– Вы, тетенька, – спрашивает Парис, – к Троянской войне готовитесь или красоту демонстрируете? Кончайте это дело, покуда

меня кондратий не хватил!

– Да я только во вкус вошла, – отвечает Афина. – Еще часок потренируюсь, а после энергетика выпью...

– Ну как знаете, – говорит Парис и подзывает к себе Афродиту, естественно без чулок, без пояса и без прочего женского обмундирования...

Что было дальше – мои источники недоговаривают. Сказано только, что «Парис залился краской от близости оказавшейся рядом с ним богини», а как совладал с эрекцией – неизвестно. Или не совладал? И Афродите по результатам голосования присудили главный приз.

Во всяком случае, на так называемом этрусском зеркале, что хранится под бронированным стеклом в Эрмитаже, из трех богинь проказница Афродита – самая нахальная, и физиономия у нее выразительная, мол, «Ну что? Видали?!». У остальных конкурсанток веселья значительно меньше, только Афина (дама в шлеме) зловредно ухмыляется: «Погодите, детки! Дайте только срок! Будет вам и Троя, будет и свисток...» Зато Парис, как можно заметить, в приподнятых чувствах и старается не смотреть ниже носика Афродиты. Хотя, например, меня больше занимает женщина, что пользовалась в этрусские времена этим зеркалом...

Однако на другом зеркале у Париса наиглупейшее выражение лица, какое случается только при неожиданной эрекции. И смотрит Парис значительно ниже... А вы говорите – Елена, Елена стала причиной Троянской войны. «До того ль, голубчик, было?!» И в конечном счете, как сказано в мифах Древней Греции: «Узнав о решении Париса, Гера и Афина, затаив гнев, удалились, взявшись за руки и строя планы разрушения Трои...» Не верите? Сходите в Эрмитаж и посмотрите!

Помпеянские граффити

КАКАЯ МУЗА УКУСИЛА ГЕРОДОТА?!

Загородные термы

О БОГИ!

**СКОЛЬКО НАДО ЗАПЛАТИТЬ, ЧТОБЫ СТАТЬ ВАН
ГОГОМ? И КОМУ?**

Дом Трагического поэта

МУЗЫ НА ВЫБОР! ГЕРМЕС

Лупанарий в Кривом переулке

Книга VIII

Урания

Океан, по утверждению эллинов, течет, начиная от восхода солнца, вокруг всей земли, но доказать этого они не могут. Оттуда-то Геракл и прибыл в так называемую теперь страну скифов. Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, а в это время его кони чудесным образом исчезли. Пробудившись, Геракл исходил всю страну в поисках коней и наконец прибыл в землю по имени Гиляя. Там в пещере он нашел некое существо смешанной природы – полудеву– полужмею. Верхняя часть туловища от ягодиц у нее была женской, а нижняя – змеиной. Увидев ее, Геракл с удивлением спросил, не видала ли она где-нибудь его заблудившихся коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь...

Геродот

Эх, кони мои, кони...

[18] На седьмой день до сентябрьских календ, что всегда соответствует в Помпеях двадцать шестому августа и прочей казуистике, я пришел к выводу, что совсем неважно, о чем ты пишешь, главное – сколько тебе за это заплатят. Ведь раньше я думал о качестве, а теперь совсем разуверился, что всякие литературно-художественные конструкции влияют на читательское восприятие. Да здравствует сюжет – прямой, как Аппиева дорога!

Или взять хотя бы римский водопровод, что работал, работает и будет работать бесперебойно, наперекор зловредным сверлильщицам, которые понижают общий напор воды в литературе. Делают незаконные врезки, что, конечно, влияет на высоту струи в городском

парке, где все сидят и любуются на бестселлер. Так сказать, культурно прохлаждаются. Иной раз посмотришь на этот бестселлер – писюлька какая-то, а не фонтан – и думаешь: за что его так нахваляют? Где античная мощь и журчание воды? Наверно, опять сверлильщицы что-нибудь нахимичили с водопроводом. А кто за это будет расплачиваться? Пушкин?

Вот и бегут кураторы затыкать дыры, чтобы городской бестселлер бил как положено. И проводят рекламную акцию под названием «Писатель Аврелий – это наше все!». А кто такой этот Аврелий? А хрен его знает, но в Западной литературной империи он пользуется огромной популярностью. Поди проверь, что делается на другом конце римского водопровода! Вдобавок обычные граждане, даже демократически настроенные, только думают, что с первого взгляда разбираются в литературе, а на самом-то деле не могут определить – где она пресная, а где соленая. Пока не отравятся. И если хотят выразить свое «фи» «нашему» Аврелию, все равно приходят поглазеть на этот новый городской фонтан. И говорят, мол, вроде бы ничего себе так брызгает... но мы же не свиньи, чтоб из него хлебать?!

А тут и сверлильщицы снова подруливают: «Кто жаждет чистой литературной струи для личных нужд?» Кто же откажется, да еще по сходной цене?! Ух, бесовские девки с филологическими наклонностями! И сверлят и сверлят, и сверлят и сверлят... Словом, труба дело, а не художественная литература.

Впрочем, никакой художественной Литературы с большой буквы – нет. Есть безответственные издатели, которые своевременно не выплачивают авторские гонорары, да «сладкая парочка»: наглые бумагомаракки и нездоровые люди, что их читают. То есть римский водопровод до сих пор работает безотказно! А если вспомнить, что основные жанры современной прозы открыли еще античные авторы, то остается только посетовать, что этих самых авторов тогда же не расстреляли. Никто бы сейчас не брызгал слюной на окружающих.

По правде сказать, бытовала одна легенда, что римляне вымерли от свинцовой трубы, по которой текла питьевая вода, медленно отравлявшая людям жизнь. Однако теперь стало ясно, что это была клоака. Ну перепутали археологи – откуда втекала, а где вытекала римская литература. Но, невзирая на эти новейшие открытия, всякие горе-писатели, гей-славяне и гей-фантасты продолжают считать

Гиппокреной именно клоаку и вдохновляются ее ингредиентами. Потому что бригадно нагадить всегда, извините, проще, чем тащиться на Геликон и разыскивать свой персональный ключ. А написать (следите за ударением), что главный литературный герой «поелику каки брюхом не претерпех», – тоже несложно. К тому же ни автору, ни его дорогому читателю непонятно – что именно главный герой сделал, но складывается впечатление, что это древнерусская литература, дошедшая до нас по трубопроводу Рим—Византия—Москва.

Насколько же мне известно, есть еще два литературных идолища – Ярило и Мерило. Имя первого переводится как «солнце скифской поэзии», а Мерило – это синоним литературного эфиона (Псевдо-Геродот).

Так я думал себе и думал, покуда в мою каморку на втором этаже в доме Юлии Феликс не приперлась Исида, которая заявила, что гладиаторские казармы разрушены и больше идти ей некуда.

– Ну ничего себе девочки повеселились! – воскликнул я.

Однако Исида меня убедила, что пьяные оргии здесь ни при чем, а гладиаторские казармы не выдержали ударов разбушевавшейся стихии. И поскольку язык у Исиды не заплетался, я поверил ей на слово. Поднялся с кушетки и для начала пособолезновал. После чего уточнил – какая именно из разбушевавшихся стихий нанесла казармам столь непоправимый урон, если это были не гладиаторы.

– Землетрясение, – сообщила Исида.

– А почему не извержение вулкана, гори оно огнем? – спросил я.

– Потому что старик Везувий безмолвствует, – пояснила Исида. – Над ним нет ни облачка, а казармы все равно развалились.

И правда! Я выглянул во двор – там стояла замечательная погода. Весело и беззаботно щебетали птички, как будто издевались над обескровленными гладиаторами. Тогда я решил от общих рассуждений перейти к делу и взглянуть своими глазами – что происходит, поскольку писатель в первую очередь опирается на личные впечатления, а во вторую – не делает никаких скоропалительных выводов. Иначе он пишет всякую заунывную дребедень типа «я весь промок, потому что пошел дождь». Я понимаю, что это глубокомысленное умозаключение, но прежде надо внимательно посмотреть наверх: откуда что льется и проистекает. Возможно, таким

образом решительные читатели выражают свое отношение к автору романа. С верхних этажей литературы...

Потому что издатель – это фундамент всего безобразия, как говорится, базис. Нижние этажи обороны занимает пехота – литературные эфиопы; дальше сидят бестиарии – непосредственно авторы; в пентхаусе – мурмиллоны, или литературные критики; а выше живут читатели и на всех поплевают с этой верхотуры. Вот интересно – чего им не хватает в моем романе?

МУЗА. ЛЮБОВНО-РОМАНТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ, А ТАКЖЕ ТРЕХ УБИЙСТВ И ОДНОЙ ЛОШАДИ! Я НИ НА ЧТО НЕ НАМЕКАЮ...

Читатель ошибочно полагает, что все книги написаны для него, и думает, что ему позволительно рыться в литературе как свинье в апельсинах. И глубоко заблуждается. Поскольку на самом деле настоящий писатель понятия не имеет – зачем он пишет. Это сродни тому, как спросить у ветра – для чего он, собственно, сволочь такая, дует?! А читатель со свойственной ему наглостью сам подставляет физиономию и говорит: «Плохая нынче погода, и западный ветер не соответствует температуре моего лица! У меня от этого автора развивается аневризма!»

Но разве движение воздуха хоть на минуту приостанавливается?! Если читатель нейдет погулять и предпочитает затхлые помещения, это ничуть не смущает настоящего автора. Я, например, тоже могу сидеть себе дома и дуть прямо из форточки!

Другое дело – разгул стихии! Которая не разбирает, где автор, а где рядовой читатель, и сотрясает всех подряд! Тогда рушатся все уютно обустроенные домики и стереотипы. По улицам бегают расхристанные мурмиллоны, рвут на себе волосы и вопят: «Это конец литературной эпохи! Это конец мира!» Конечно, им жаль своего пентхауса, где можно было бы разводиться антимонии до бесконечности! Но если в Ветхом Завете сказано, что «вначале было Слово», то и в конце будет Слово, и я надеюсь его не услышать. Потому что предполагаю: это последнее слово о нашей литературе будет нелицеприятным. Не знаю точно – каким, но всем не поздоровится.

Так что читатели – это не высший суд, а наоборот – «наперсники разврата». И будут отвечать по совокупности прочитанных авторов. «Кириллическим алфавитом балуетесь?! Балуетесь! Тогда пройдемте!»

А кто что читал, сочинял или стоял на стреме, как мурмиллоны, это несущественные детали. Мы никуда не скроемся от разгула стихий! Вы слышите цокот копыт? Это скачут четыре всадника апокалипсиса – Редактура, Корректурa, Верстка и Тираж!

И надо ли обращать внимание на мурмиллонов, что, как древняя рыба *murra*, или *mormyllos*, плавают в мутной воде и только ее баламутят? Можно ли верить авторам, или бестиариям, что отважно сражаются на потеху толпе с разными фантастическими тварями, читай – персонажами? Как относиться к литературным эфиопам, что славными когортами шагают туда, куда им прикажут, и подавляют всякое свободомыслие своими серийными произведениями? И когда дорогой «базис» вдруг заявляет, что издательство – это прежде всего коммерческое предприятие, мне тоже хочется плюнуть с верхнего этажа на подобную литературу!

Я даже допускаю, что это коммерция, но почему-то она с односторонним движением. Как только попросишь у «базиса» денег, он тут же кричит: «А как же идея?!» И приходится пояснять, что идеи периодически рассыпаются, а писателю хочется кушать всегда. Такая вот ненасытная и безыдейная бестия! Все, понимаешь, лежит в руинах, серьезные люди заняты поиском новой идеи, а тут приползает бессовестная тварь и – шашь в бухгалтерию! Где, мол, мои авторские гонорары?! Вот поэтому имя ему – бестиарий!

Конечно, вы можете возразить, что в Древнем Риме бестиарием звали гладиатора, что третировал на арене зверей. Были еще ретиарии, провокаторы, фракийцы, секуторы и наши любимые мурмиллоны – гладиаторы в интересных шлемах, отделка которых имитировала рыбную чешую. Вот как раз ретиарий (лат. *rete*), снабженный сетью, и бился с мурмиллоном. Но, как поется в известной гладиаторской песне: «Я ловлю не тебя, а рыбу! Убегаешь зачем, мурмиллон?!»

Само собой разумеется, что далеко не все гладиаторы нравятся женщинам. Так, например, по поводу Жана-Клода ван Дамма существуют разные мнения. Да что это за тарабарский псевдоним – «Жан-Клод для одной дамы»?! Почему не «ту Дамм» или хотя бы «фри»? А лучше всего – «Жан-Клод много Даммммммммммм...», и чтобы буквы «м» обозначали желаемое количество. Простите, увлекся...

Однако в Помпеях особенной популярностью пользовался некий Парис. В данном случае я говорю о натуральных Помпеях, а не Помпеях нон грата. «Ах, Парис, милый красавчик!» – корябали помпеянки на древних стенах, во всяком случае я надеюсь, что это были дамы, ну или девушки на худой конец. И мало того, что такие каракули обнаружили повсеместно, да еще и за подписью: «Общество любителей Париса». Целый фан-клуб, а вы говорите – литература! Что-то нигде не встречаются граффити, подписанные группой поддержки Петрония Арбитра или Марциала. А тут даже задрипанному мурмиллону посвятили душещипательные стихи:

О, храбрый-храбрый мурмиллон
Сражался с наваждением.
Разбередил мне сердце он
Своим вооружением!

Ну, допустим, здесь я, старый пошляк, постарался, в смысле – насочинял. Потому что не знаю, как выглядело оригинальное стихотворение, а взял этот фрагмент из книги литературного эфиопа, нашего или импортного, компилятора или переводчика – какая разница: эфиоп он и в Африке эфиоп:

Храбрый мурмиллон!
Ты погиб в бою с ретиариями.
Вот и конец,
но продолжала сжимать рука
твое единственное оружие.
А я осталась одна с болью в душе...

Вот я и говорю – скандал! И вроде бы надо сопереживать, а не хочется. Ибо, на мой извращенный взгляд, непонятно, чем оперировал мурмиллон в бою с ретиариями, а бедная девушка «осталась одна» вследствие нетрадиционной сексуальной ориентации вышеозначенного мурмиллона. И мой стишок только подчеркивает эту «разруху»: о чем хотел рассказать эфиоп и что получилось на самом деле.

Однако надо заметить, что мои пошлые умозаключения относительно мурмиллона не идут ни в какое сравнение с гипотезами, что выдвигают современные гоплиты. Их выводы о жизни в Древнем Риме достаточно интересны для специалистов, практикующих в области литературной психиатрии:

«Благодаря своей известности и мужеству, гладиаторы пользовались любовным успехом не только у противоположного пола, но и среди мужчин. В гладиаторских казармах Помпеи обнаружено тело женщины, носившей при жизни богатые украшения. В той же комнате обнаружено восемь мужских скелетов, очевидно, трагедия застала их в разгар групповой связи...»

То есть, по мнению автора вышеозначенной ереси, когда на город «сыпались камни и падал пепел», некие граждане решили устроить оргию в это самое подходящее время. Дикие люди! Все вокруг полыхает, а они только и думают что о разврате! И массово совокупаются: мурмиллон с ретиарием, секутор с фракийцем, провокатор с отчаянной женщиной и так далее...

Конечно, я знаю, «откуда ноги растут» в подобном изображении античного и по той же причине – безбожного разврата. И мне лишний раз несложно процитировать Тертуллиана, но сейчас не об этом писателе речь...

А вот однажды про Ингмара нашего Кляйна в каком-то – чуть не сказал «юмористическом» – журнале появилась заметка, которая заканчивалась следующим образом: «И единственное, что я не понимаю – как?! Как русскому человеку все это пришло в голову, все эти вацлавы-янеки-агриппины-тримальхионы?» Тоже массовое совокупление персонажей... Ну что же, пользуясь случаем, отвечаю: это не так удивительно, как выводы о «групповой связи» девяти помпеянских скелетов...

А вот и другой образец псевдонаучной шизофрении (орфография и стилистика сохраняются):

«Граффити со стен в Помпеях. Гладиатор с пальмовой ветвью победителя. Подпись гласит: „Кампанианцы, вы тоже будете уничтожены при нашей победе над нуцерианцами“. Эта надпись свидетельствует о вражде между двумя мафиозными группировками, пытающимися разделить сферы влияния и прибрать к рукам гладиаторский бизнес...»

И мало того что перевод этой надписи – дрянь, но выводы просто потрясающие! О каких «группировках» здесь может идти речь?! Я понимаю, что Помпеи находятся неподалеку от нынешнего Неаполя, и тем не менее – при чем здесь «мафия»?! А почему не «рука Москвы»?! Кроме того, «кампанианцы» – это жители всей провинции, что называлась Кампания, а не какого-нибудь определенного города, как Помпеи, Стабии, Остия или Геркуланум. И необязательно знать латынь, чтобы понять эту надпись правильно: «Мы покажем кузькину мать всем итальянцам без исключения!» А если вас интересуют подробности, то можно открыть Тацита и прочитать, какое побоище устроили болельщики из Помпей и соседней Нуцерии на гладиаторском представлении в шестьдесят девятом году. Но ни в коем случае не брать на вооружение выводы и произведения литературных эфиопов, которым что Кампания, что Москва, что Нуцерия, что Помпеи – одна малина!

МУЗА. ЭЛЕКТРОДРЕЛИ И ДРУГУЮ СВЕРЛИЛЬНУЮ ТЕХНИКУ МОЖНО ПРОДАВАТЬ ГРАЖДАНАМ ТОЛЬКО В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ОНИ ПРЕДЪЯВЯТ СПРАВКУ ОТ ПСИХИАТРА! А ТО СОСЕДИ НАКУПЯТ СЕБЕ ПЕРФОРАТОРОВ И ДОЛБЯТ ЦЕЛЫМИ ДНЯМИ СТЕНЫ, КАК ШИЗОФРЕНИКИ! ТВОРИТЬ В ТАКИХ УСЛОВИЯХ НЕВОЗМОЖНО!

К слову сказать, в Помпеях нон грата все гладиаторы как на подбор были женского пола. Дабы пользоваться успехом наравне с флейтистками. Так исторически сложилось и филологически повелось, ну разве что отвращение к несвойственной «групповой связи», да в гладиаторских казармах, могло повлиять на мое решение. Впрочем, писатель всегда оправдается, имея собственный текст под рукой и несусветную наглость. Вот почему в наших Помпеях женских прелестей было действительно завались! И хорошо, что я о них вспомнил, а то бы разрушение гладиаторских казарм произошло спонтанно и без надлежащего авторского осмысления.

– А как там наши «Женщины на празднике Фесмофорий»? – спросил я Исиду. – Все выбрались из-под развалин? Оргии были или ты все опять прошлапила?

– Трудно пройти мимо оргии и ничего не заметить, – сказала Исида.

– Или не поучаствовать, – на всякий случай добавил я. – Возможно, это была небольшая оргия. Двенадцать флейтисток и пять пацифисток...

И мы отправились «на пепелище», чтобы посмотреть, как гладиаторы реагируют на катастрофу. Ну и попутно продолжали беседовать, скажем – на актуальные темы.

– А как тебе «Женщины в народном собрании»? – спросила Исида.

– Я знал одну идиотку, которая думала, что эту пьесу сочинила Лисистрата, – заметил я.

– Убежденная лесбиянка или феминистка? – заинтересовалась Исида.

– Я же сказал, обыкновенная идиотка, – сообщил я. – А по поводу «женщин и женщин» я могу заявить следующее... Это издержки мужских фантазий. Ты, например, как засыпаешь?

– С кем? – оживилась Исида.

– Просто так, – подчеркнул я.

– Тогда свернувшись калачиком, – ответила Исида. – Но иногда считаю баранов.

– А почему не овец? – уточнил я.

– Потому что у меня правильная сексуальная ориентация, – пояснила Исида.

– Ну разумеется, – пробурчал я. – А я представляю город, где проживают одни женщины, и занимаюсь с ними арифметикой...

– Тоже мне Пифагор! – фыркнула Исида.

– Сижу, как стражник, у входа в город, – продолжал я, – считаю блондинок, брюнеток и рыженьких и говорю: «Проходите, девочки, не задерживайтесь!»

– А личный досмотр не пробовал проводить? – спросила Исида.

– Пробовал, – нехотя признался я. – Но тогда этот мирный город саморазрушается. Все дамочки собираются у ворот, а я не могу заснуть...

Тут Исида быстро прикинула, как поспособствовать моему горю, перепрыгнула с тротуара на проезжую часть, хотя между ними не было никакой разницы, и предложила:

– А давай на ночь глядя ты расскажешь мне о городе женщин, а я придумаю, чем заняться!

– Конечно, я понимаю, что идти тебе больше некуда, – посочувствовал я. – Но разве это повод, не хочу уточнять – для чего...

– Ну, все равно мы окажемся в одной постели, как ни крути, – заявила Исида.

– Это еще почему? – удивился я.

– Потому что я не люблю жеманиться, – пожала плечами Исида. – У девушек-гладиаторов это не принято. А во-вторых, ты мне нравишься, и пересчитывать на ночь других баранов я не хочу.

– А как же Юлия Феликс? – напомнил я.

– Судя по всему, – сказала рассудительная Исида, – Юлию Феликс интересует недвижимость, а меня, как ни странно, твоя подвижность.

– Спасибо, конечно, за комплимент, – вежливо поблагодарил я. – Но подвижность подвижности рознь! У меня это не поступательное движение, а регрессивное. И скоро оно утратит хоть какое-нибудь значение.

– Тогда я не вижу причин для остановки, – сделала вывод Исида.

– А как же Юлия Феликс? – с настырностью идиота напомнил я.

– Мы с ней разберемся без осложнений, – заверила Исида. – Потому что ее беспокоит одно, а меня абсолютно другое. Ты видишь где-нибудь столкновение интересов?

– Нет, – честно признался я. – Хотя о планах Юлии Феликс я имею самое смутное представление.

– А для чего ты женился? – спросила Исида. – Если не доверяешь Юлии Феликс?

– Ну, во-первых, не для чего, а зачем, – поправил я. – Потому что я не преследовал никакой выгоды. Вдобавок она попросила жениться, а для меня в этом нет ничего сложного и необычного.

– А если Юлия Феликс попросит тебя прыгнуть с обрыва? – поинтересовалась Исида. – Ты сиганешь?

– Только в том случае, если Юлии Феликс будет угрожать опасность, – ответил я. – В мужчинах заложены некоторые рефлексы, и поэтому я могу совершать необдуманные поступки.

– Ради спасения утопающих? – язвительно уточнила Исида.

– Угу, – саркастически подтвердил я.

– Но Юлии Феликс ведь ничего не угрожало, – сказала Исида.

– Ну, как и мне, – подчеркнул я.

– Откуда ты знаешь? – спросила Исида.

Тут я задумался и потерял нить разговора. Ну и какой из меня после этого Минотавр?!

– А в принципе... В принципе нет никакой разницы между планами Юлии Феликс и твоими, – сообщил я.

– А инстинкты самосохранения есть? – осведомилась Исида. – Вернее, остались?

– Кое-какие, – ухмыльнулся я. – На экстренный случай. А разве Юлия Феликс планирует меня зарезать?

– Не знаю, – сказала Исида. – Но ты стоишь на краю обрыва!

– В каком это смысле?

– В самом прямом, – пояснила Исида. – И если не веришь, то лучше не двигайся и посмотри вниз.

Но я не стал пялиться на детали, а инстинктивно шагнул к «молоденькой ассистентке», после чего обернулся и констатировал, что секунду назад был на краю обрыва...

Вначале я думал придать этому эпизоду сакраментальный смысл, что фокус все-таки состоялся. Ибо нет ничего, кроме текста, а писатель – пророк его! И как я ловко подвел читателей под монастырь авторских ассоциаций: «Обрыв» – «Обломов» – «Обыкновенная история»! (Нужное подчеркнуть.) Но затем пораскинул мозгами и плюнул на эти литературные фокусы. Прямо с обрыва.

– Тут раньше было продолжение, – заявил я, – метров на тридцать, или страниц на пятьдесят... – И для наглядности топнул ногой, впрочем – не сильно.

– Да, – подтвердила Исида. – Здесь жили две отщепенки... Баба Валя и баба Нюра. Последние гладиаторы... А сегодня их домики рухнули, и теперь на Помпеях можно поставить крест.

– Нехило, – зачем-то сказал я. – В том смысле, что ого-го какая часть берега отвалилась. И даже скарба от ваших баб не осталось...

– Да ты как будто злорадуешь? – удивилась Исида.

– Недоумеваю, – пояснил я. – Почему вы с Юлией Феликс такие подлые?!

– А в чем это выражается? – спросила Исида.

– Во всем! – подчеркнул я. – Заманили писателя, наобещали ему женских прелестей, а на поверку что оказалось? Баба Валя и баба Нюра! И это называется – гладиаторы?

– То есть реальность не оправдала твоих надежд? – с каким-то подвохом спросила Исида.

– Но это лучше, чем неокретинизм, который просто меня подавляет, – быстро добавил я. – Можно сказать, не дает расслабиться и вздохнуть!

– Мы сейчас разговариваем о чем? – нахмурилась Исида.

– О современной литературе, – сообщил я.

– Извините, не въехала! – призналась Исида. – Вернее, не ожидала.

– Это потому, что современная литература то и дело выпрыгивает из-за угла и кричит: «Йа-а-а! Йа-а-а!» – пояснил я. – А вот классический реализм требует от писателя максимального занудства и самоотдачи!

– А теперь мы о чем беседуем? – уточнила Исида.

– Об описаниях природы и прочей белиберде, которую надо втыкать в свои сочинения, – сообщил я. – Иначе они не пробиваются на кассе по категории «проза». Ты, например, видела дерево?

– Ну! – кивнула Исида.

– Ну и фигли его описывать? – спросил я. – А с точки зрения прозы это обязательный предмет для внеклассного чтения и декламации.

– Здорово у тебя получается!

– Что именно?

– Любую беседу угробить к чертовой матери, – пояснила Исида. – Или перевести на свою персону.

– В том-то и заключается мастерство писателя, – самодовольно ухмыльнулся я. – При каждом удобном и неудобном случае поговорить о себе любимом!

– Короче говоря, – резюмировала Исида, – кто о чем, а римлянин о термах! И если у тебя сформировались претензии, то обернись и пообщайся с Юлией Феликс. А я немного передохну...

И в самом деле я сегодня перестарался, словно глухарь на току, и не услышал, как Юлия Феликс подкралась ко мне со спины. Хотя допускаю, что она и не думала ко мне подкрадываться, а просто подошла и тихо ждала своей очереди. И теперь загадочно зыркала глазами и вертела в руках какой-то конверт.

– Я знаю девушку, которая пойдет за тобой на край света, – сказала мне Юлия Феликс.

– И кто же эта дура? – риторически осведомился я.

– Ответ находится в этом конверте, – заявила Юлия Феликс.

– Ну наконец-то мне дали «Оскара»! – несколько преждевременно обрадовался я. – Спасибо, мои дорогие!

– Не за что! – отозвалась Юлия Феликс и принялась интригующе обмахиваться конвертом, как веером.

А если учесть, что на ней было только бикини, то церемония награждения выглядела и правда привлекательно.

– Я готов подвести итоги, – сообщил я. – На лучшую дуру в этом сезоне... Кстати, неплохо смотришься!

– Спасибо! – поблагодарила меня Юлия Феликс. – Я всегда хорошо выгляжу, чего бы там ни сняла. С себя, разумеется.

– Ну, не будем утомлять наших зрителей светскими разговорами! – залихватски подхватил я. – А лучшая дура в этом сезоне...

Тут Юлия Феликс решила, что достаточно наобмахивалась, и протянула мне конверт.

– Юлия Феликс! – объявил я. – Это свидетельство о заключении брака!

– Ха-ха-ха, – сказала Исида. – Бурные аплодисменты. А теперь поясните, что это значит...

– Наша гостиница внезапно обрушилась, и я покидаю Помпеи в чем есть! – охотно пояснила Юлия Феликс. – И в ближайшее время я перееду...

– Передислоцируюсь, – за каким-то чертом отредактировал я.

– К своему мужу! – Юлия Феликс указала на меня пальцем. – На новое место жительства, в Петербург!

– Ну и я в беде тебя не оставлю! – уверенно заявила Исида.

– Здравствуйте, девочки! – подытожил я.

[19] Гомер Гомером, но другие рассказы о Троянской войне отличаются непоэтическими подробностями...

Краткий ход событий

1. Богиня Афродита (на конкурсе красоты) обещает Парису, что тот добьется любви и расположения некой Елены, тогдашней жены Менелая (я бы мог гарантировать это таинство безо всяких эзотерических штук, а, скажем, за сто пятьдесят долларов, потому что не боги горшки обжигают, а люди пальцами делают).

2. Парис, как было обещано, добивается любви и расположения Елены, будучи в гостях у Менелая, и, прихватив сокровища, в данном случае материальные ценности, бежит себе в Трою. Для чего Парис умыкнул Елену, если уже добился любви, – тайна, покрытая мраком. Однако мне вспоминается голливудский блокбастер «Люди в черном», где огромный космический таракан, собираясь в дорогу, тащит на свой корабль Линду Фиорентино и говорит (sic!): «Путь долгий! И всякая еда пригодится!»

3. Возмущенный таким поворотом событий Менелай обращается к своему брату по имени Агамемнон и вместе с ним собирает вооруженные силы, чтобы идти войной на Трою, вернуть похищенные сокровища и надавать Елене тумаков.

4. В армию Агамемнона и Менелая вливаются: вездесущий Одиссей, практически неуязвимый Ахилл и прочие, прочие, прочие... В Трое укрепляют стены. На Олимпе формируются две противоборствующие партии – голуби и ястребы. За троянцев: сам Зевс в роли верховного главнокомандующего, политрук Афродита и флагман Посейдон. А за греков: богиня Афина, богиня Гера, супруга верховного главнокомандующего, и примкнувший к ним Аполлон.

5. Слепой Гомер выступает в роли независимого обозревателя.

6. Войска Агамемнона и Менелая десантируются с кораблей на побережье возле Трои, где засели Парис и Елена, и приступают к рекогносцировке.

7. В дело вмешивается Голливуд, фабрика грез и кинопроизводства...

Общие рассуждения о Троянской войне

а) Конечно, голливудский Бред Питт в роли Ахилла выглядит очень героически (см. фильм «Троя»), однако его древний прототип, как говорят источники, влюбился в царевича Троила «во время

сражения» и угрожал ему прямо на поле битвы: «Я убью тебя, если ты не уступишь моей страсти!» Не знаю, как бы это понравилось Анджелине Джоли, нынешней жене Бреда Питта. Правда, другие утверждают, что Ахилл «так по-медвежьи стал выражать свою страсть, что Троиц побегрел, ребра его треснули, и он скончался». Тоже сомнительное оправдание...

б) Некая Лаодамия, лишь только муж отправился на войну, изготовила статую, чуть не сказал – Бреда Питта, во всяком случае – бронзовую или восковую, и затащила ее в свою постель. Не знаю, как бы это понравилось Анджелине Джоли, нынешней жене Бреда Питта, но папенька Лаодамии тоже был не в восторге. Говорят, он изъясил и пожег все фаллоимитаторы, что смог обнаружить в собственном доме, а взамен подарил дочери ткацкий станок, который в античные времена считался крайне добропорядочным механизмом...

в) А как обстояли дела под Троей? Один хитроумный мужчина по имени Паламед придумал игру в кости, за которой, как утверждают источники, «греки убивали время». Наверно, немало троянцев тоже посещало этот «Лас-Вегас», где от скуки смертной проигрывались целые состояния, а если предварительная осада длилась считай девять лет, то абсолютно непонятно – зачем на десятый год ломиться в Трои, коли там ничего ценного не осталось...

г) Другой хитроумный мужчина по имени Одиссей тоже, по всей вероятности, шибко проигрался и не нашел ничего лучшего, как обвинить изобретателя Паламеда в государственной измене. И совсем не удивительно, что хитроумного Одиссея поддержали другие греки. «Да ты достал со своими костями!» – заявили они, бросили Паламеда в колодец и забросали камнями.

А когда папенька Паламеда прибыл на место преступления, чтобы взыскать, как говорится, «за сына», компания Агамемнона и Одиссея наотрез отказалась выплачивать «карточные долги». Тогда не менее хитроумный папенька отчалил обратно в Грецию и каждой из жен убийц Паламеда сообщил следующее: «Твой муж возвращается из-под Трои с наложницей, которая будет новой царицей!» Дальше цитирую классиков: «Одни несчастные после подобных слов покончили с собой, а другие тут же изменили мужьям. Так, жена Агамемнона Клитемнестра сошлась с Эгисфом, жена Диомеда – с Кометом, а жена Идоменея – с Левком...»

Не знаю, как бы такое известие понравилось Анджелине Джоли, нынешней жене Бреда Питта... Однако благоверная Пенелопа, жена Одиссея, ни в каких списках самоубийц не значится, только что-то невнятное говорится про ее многочисленных женихов. Хотя папенька Паламеда первым делом, должно быть, отправился на Итаку, дабы поквитаться с Одиссеем. Но Гомер тактично умалчивает об этом эпизоде...

д) А как обстояли дела под Троей? «Шла зима, и, поскольку среди культурных народов в это время года воевать было не принято, греки проводили время, укрепляя лагерь и практикуясь в стрельбе из лука. <...> Но пришла весна, и боевые действия возобновились...» Вероятно, тут подоспел Гомер, чтобы последовательно рассказать о десятом годе осады. Уселся на вершине холма, эзотерически обозрел окрестности и стал передавать «Илиаду» из гущи событий:

Гнев Ахиллеса, богиня, воспой того сукина сына,
Что ахеенам две тысячи бедствий соделал...

И сразу же с фирменной локализацией на латинский, английский, немецкий, испанский и прочие вавилонские языки. Только скифы до сих пор пользуются самопальным русификатором, который еще в тысяча восемьсот двадцать девятом году изготовил юзер Гнедич, ака Николай Иванович, и от которого до сих пор глючит всю «Илиаду». Старые добрые игры, облагороженные сединами Гнедича, конечно, зажигают «не по-детски», но уже не сетаются на «Windows XP», а только на «Windows 98», да и то кривоватенько...

Кстати, как пишет Лео Доиель, ссылаясь на археолога Артура Ханта: «Количество найденных списков Гомера просто ошеломляет своим изобилием. Громадная популярность этого барда подвергает терпение археолога одному из наиболее тяжелых испытаний, когда извлекается из земли еще один крупный фрагмент литературного текста. На мгновение археолог теряется в догадках, какое же новое сокровище удалось ему обнаружить. Но можно ставить десять против одного, что это опять всего-навсего старик Гомер».

Без комментариев. Мне даже не интересно, что по этому поводу думает Анджелина Джоли, нынешняя супруга Бреда Питта...

е-ё) Но если вы спросите, отчего же все-таки разгорелась Троянская война, я, как Зевс, отошлю вас к терапевту. Чтобы этот специалист засвидетельствовал, как хорошо вы сохранились для своего возраста, не отягченного знаниями. Вдобавок буду весьма польщен, что мой, как бы помягче сказать, роман – это ваша первая в жизни книга, в частности о Троянской войне. Закройте ее к чертовой матери на сей же странице!

А для всех остальных после небольшой паузы сообщаю, что разделяю настроения Роберта Грейвса, который писал следующее: «Троянская война является историческим событием, и, что бы ни послужило поводом для нее, это была торговая война».

ж) В это время, как сообщают источники, «Парис и Менелай должны были сразиться за обладание Еленой. Поединок, однако, ничем не закончился, потому что Афродита, видя, что Парис „попал в переplet“, окутала его волшебным облаком и доставила назад в Трою».

Свинтил, стало быть, наш Парис с поля боя – это тебе не на конкурсе красоты прохлаждаться. Кстати, рассудительные греки до сей поры утверждают, что Елена по праву принадлежала Менелаю, а все остальные, насмотревшись голливудских фильмов про бедную проститутку, что с какого-то перепугу вышла замуж за Ричарда Гира, просто умиляются. И, что самое характерное, мне не надо рассказывать, кто такие Бред Питт, Анджелина Джоли и Ричард Гир, а значит, и с подробностями о Троянской войне как-нибудь тоже перетопчетесь! Во всяком случае, мифологические отношения Париса и Елены могут сравниться по популярности только с исторической драмой «Красотка», где в главной роли снималась Джулия Робертс, будь она неладна.

Но почему народные массы млеют от проституток на DVD-носителях – загадка большого формата. Я ничего не имею против этой древнейшей профессии, но не готов упиваться историями о том, как шлюха вышла замуж за миллионера, потому что промышляла на панели с чистой совестью. Нужда заставила. А пол мести в супермаркете ей совесть не позволяла?

Еще один живучий в народе миф, что лучшие жены – это бывшие проститутки... Конечно, и черту можно спилить рога, но они непременно вырастут снова. Простите, увлекся. Но все-таки

любопытно, что на этот счет думает Анджелина Джоли, нынешняя жена Бреда Питта, в частности о Джулии Робертс...

з) «На следующий день после жаркой схватки греки обратились в бегство, а Гектор разрушил их оборонительный вал. Вдохновленный Аполлоном, он прорвал оборону греков, невзирая на то обстоятельство, что им помогал Посейдон. Но в этот момент ненавидевшая троянцев Гера позаимствовала у Афродиты волшебный пояс и увлекла Зевса на супружеское ложе. Благодаря этой уловке Посейдону удалось переломить ход сражения в пользу греков. Однако Зевс, быстро распознавший уловку Геры, повелел Посейдону покинуть поле боя и вернул троянцам их отвагу. Те снова пошли вперед...» Ну что еще можно добавить – мы пешки в игре богов...

Но вдруг посреди описания этой знатной баталии сообщается, что «Ахилл впервые разделил ложе с Еленой перед своей смертью, и, поскольку он стал ее пятым мужем, Ахилла прозвали Пемпт, что на Крите означает „пятый“. Предшественниками Ахилла были Тесей, Менелай, Парис и Деифоб...» По поводу последнего мы еще поговорим, но если Ахилла ухайдакали еще под стенами Трои, то как он мог стать пятым супругом Елены после Деифоба, который из города не выходил? Наверное, все-таки это был Бред Питт. Или просто бред...

А вот Елена пыталась свалить из осажденного города. И однажды ночью дозорный застукал ее в тот момент, когда она привязывала веревку к зубцу стены, чтобы сбежать из Трои. Елену поймали и привели к Деифобу, который «насильно женился на ней...»

«Бойтесь данайцев, дары приносящих!» – предостерегал жрец Лаокоон своих сограждан, но те его не послушались и затащили в Трою громадного деревянного коня, в котором, как оказалось после, скрывалась греческая десантура. Троянцы вообще тянули в город что ни попадя – то Елену, то деревянную кобылу. Однако, как утверждают источники, «греки, сидевшие внутри коня, и сами дрожали от страха, а некий Эпей с испугу тихо плакал...» И неспроста! Читаем дальше...

«Вечером Елена вышла из дворца и трижды обошла вокруг коня, поглаживая его бока, и, словно желая позабавить гулявшего с ней Деифоба, стала дразнить спрятавшихся греков, подражая голосам каждой из их жен по очереди. Менелай и Диомед, сидевшие рядом с Одиссеем, уже были готовы выскочить из коня, услышав свои имена,

но Одиссей удержал их...» А я бы все-таки вышел и накостылял этой Елене, а там – хоть трава не расти...

и...) Когда Одиссей и Менелай наконец-то выбрались из деревянной кобылы, они устремились прямо к дому Деифоба и вступили с ним, как говорят источники, «в самую кровавую схватку всей жизни». Победа досталась Одиссею и Менелаяю только благодаря вмешательству Афины, и точно неизвестно, кто из них убил Деифоба. «Некоторые утверждают, что это Елена вонзила кинжал ему в спину. Сей поступок и божественная красота Елены поколебали прежнюю решимость Менелая, поклявшегося убить Елену, как только та попадетс я ему на глаза». Менелай отбросил в сторону меч и повел Елену целой и невредимой к своему кораблю, чтобы вернуться вместе с ней домой...

HAPPY END

и заключительные титры фильма

«Моряки, плававшие на север от Босфора, часто слышали, как Ахилл (покойник!) где-то за морем читал стихи Гомера, причем звук его голоса сопровождался стуком конских копыт, криками воинов и звоном оружия...»

Что же касается развалин Трои, то я сплю и вижу, как с одной стороны к ним подбирается Генрих Шлиман, а с другой – тяжело вооруженные голливудские кинематографисты...

Книга IX

Каллиопа

После этого оба стана объединились и жили вместе, причем каждый получил в жены ту женщину, с которой он впервые сошелся. Мужья, однако, не могли выучиться языку своих жен, тогда как жены усвоили язык мужей. Когда наконец они стали понимать друг друга, мужчины сказали амазонкам следующее: «У нас есть родители, есть и имущество. Мы не можем больше вести такую жизнь и поэтому хотим возвратиться к своим и снова жить с нашим народом. Вы одни будете нашими женами, и других у нас не будет». На это амазонки ответили так: «Мы не можем жить с вашими женщинами. Ведь обычаи у нас не такие, как у них: мы стреляем из лука, метаем дротики и скачем верхом на конях; напротив, к женской работе мы не привыкли. Ваши же женщины не занимаются ничем из упомянутого, они выполняют женскую работу, оставаясь в своих кибитках, не охотятся и вообще никуда не выходят. Поэтому-то мы не сможем с ними поладить. Если вы хотите, чтобы мы были вашими женами, то отправляйтесь к вашим родителям и получите вашу долю наследства. Когда вы возвратитесь, давайте будем жить сами по себе...

Геродот

А на самом-то деле что мы знаем о городах, женщинах и литературе? Есть два ответа на этот вопрос – сократовский и досократовский. Сократики скажут: «Я знаю, что ничего не знаю!» – и гордо пойдут себе дальше с высоко поднятой головой, мол, даже Сократ признавался в своем невежестве, а мы, извините, ничуть не

хуже. Правда, лукавый философ любил вводить людей в заблуждение, но идиоты приняли на вооружение сократовский тезис в голем виде, а срам до сих пор прикрывают газеткой. Мол, гляньте, чего в передовице написано: «Сократ – дурак!»

Что же касается досократиков, то здесь надо быть начеку и ждать неадекватной реакции. Я тоже терпеть не могу, когда ко мне лезут с вопросами – что я по этому поводу думаю. Во-первых, вы ужаснетесь, а во-вторых, мое мнение будет отброшено, как погрешность, и совершенно не повлияет на результаты ваших исследований.

Потому что мне неприятна сама идея – вывести среднестатистического человека и ориентироваться на него в своих социальных фантазиях. И надо заметить, у этого недоноска нет никаких желаний, а только потребности – жрать, спать и так далее, и безо всякой надежды на этикет. Он чавкает и рассуждает, что вчерашний бестселлер был понаваристей, и становится страшен в своих предпочтениях, словно стоголовая гидра с одним ненасытным брюхом. И пусть его тридцать вторая пасть кривится от сарказма и говорит тридцать четвертой, что нынче бестселлер пошел мосластый и можно им подавиться, но остальные проглотят за милую душу и только причмокнут от удовольствия.

Так что да здравствует погрешность! Иначе города становятся пресными, женщины – неинтересными, а не к ночи помянутая литература превращается в продукт потребления и не задерживается во рту, как долгоиграющая барбариска для эстетического обмусоливания.

Кстати, одна моя знакомая доводила мужчин до истерики своими вопросами: «А вам для чего это знать?» И создавалось впечатление, что если она ответит, который теперь час, то ее предадут анафеме за разглашение ужасной женской тайны. Конечно, я могу ошибаться, а дамочка попросту выясняла, с какими целями к ней подвалил тот или иной мужчина, но в целом я готов заявить следующее...

МУЗА (надиктовывает). **ЧЕМ БОЛЬШЕ Я НАХОЖУСЬ В КАКОМ-НИБУДЬ ГОРОДЕ, ВСТРЕЧАЮСЬ С РАЗНЫМИ ЖЕНЩИНАМИ И КОПАЮСЬ В ЛИТЕРАТУРЕ, ТЕМ ОТЧЕТЛИВЕЙ ПОНИМАЮ, ЧТО ИМЕЮ ОБ ЭТИХ ПРЕДМЕТАХ САМОЕ СМУТНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ!**

Мы вернулись в Санкт-Петербург первого сентября в полном составе: Юлия Феликс, Исида и я. Только боцмана здесь не хватало, но его, слава богу, оставили где-то под Адлером, как Юлия Цезаря, при делах – сторожить машину и караулить катер...

Из аэропорта мы приехали на такси в Катькин садик, или на площадь Островского, где в доме архитектора Басина я проживал до поры до времени. Поднялись ко мне на четвертый этаж, зашли в квартиру и бросили вещи, можно сказать, на пороге.

– Хоть шаром покати! – с восхищением отозвалась Юлия Феликс о моей прежней жене и ее утилитарных способностях. – Полная переработка семейного счастья!

– Я же предупреждал, что паразитка вывезла всю, понимаешь, мебель, – пробурчал я.

– А как ее звали? – ехидно спросила Юлия Феликс. – Аня-Таня? Или Таня-Аня?

– А теперь-то какая разница? – индифферентно заметил я.

– Мне для статистики, – охотно пояснила Юлия Феликс. – Вдруг подвернется подобный случай, так я буду знать заранее, что там ничего больше нет.

– А вы помните похороны Чингисхана? – поинтересовался я.

– Увы, – развела руками Исида. – Не знаю, как остальные, но я в этом вопросе ни ухо ни рыло...

– И ни горло-нос! – поддакнула Юлия Феликс.

– Так вот, – быстренько подытожил я, покуда Юлечка и Сидулечка не затеяли очередную перепалку, – нашего Чингисхана похоронили с пустыми руками, мол, с чем я пришел в этот мир, с тем же и ухожу.

– Но гроб-то ведь был? – осведомилась Юлия Феликс. – А тут даже скворечника сколотить не из чего!

– Ну почему же! – не согласился я. – На кухне еще остался какой-то реликтовый стол и такой же стул.

И все посмотрели в разные стороны: Исида – куда-то вдаль, Юлия Феликс – на потолок, а я – скромно – на свои ноги.

– А вы обратили внимание, как мы разговариваем? – вдруг спросила Исида. – Все время с какими-то выкрутасами!

– Ты имеешь в виду – высокохудожественными? – уточнила Юлия Феликс. – Что же... Во всем виноват писатель! Я бы давно обложила его по матери, да совестно перед российской словесностью.

– Тогда ты первая принимай душ, – предложила Исида, – как потерпевшая.

– Не вижу логики, – заметила Юлия Феликс. – Одни интриги, одни интриги...

Она открыла свой чемодан, достала оттуда банные принадлежности, сказала «черт!» и пошлепала по направлению к ванной.

– Прямо по коридору, – счел нужным проинструктировать я.

– Не беспокойся, – ответила Юлия Феликс. – Здесь трудно заблудиться, и, что хорошо – никто не выскочит из-за шкафа...

– Потому что его нет, – закончил я.

– А ты здорово соображаешь! – удивилась Юлия Феликс и скрылась в ванной.

Обычно в подобных случаях радушный хозяин кричит вдогонку что-то про чистое полотенце, синее, белое или зеленое, но я не вспомнил – какого оно цвета и в каком пространстве находится.

– А теперь перейдем к главному, – сказала Исида, как только мы остались одни.

– Прямо по коридору, – повторил я.

Но снисходительная Исида сделала вид, что не расслышала, а ведь могла бы обидеться и обозвать меня дураком. Вдобавок откуда я знаю, что для нее главное.

– Меня беспокоит, кто и где будет спать, – пояснила она.

– Ну, это просто, – обрадовался я, что можно вернуть старый должок. – В нашем распоряжении имеется кухня, она же камбуз, и две разные комнаты – большая и маленькая. И можно спать где угодно, потому что матрас надувной один. Я предлагаю сегодня залечь в маленькой комнате. Вы – по краям, а я – в середине.

– Размечтался! – донеслось из ванной, после чего там включили душ.

– Как ни странно, она права, – согласилась Исида.

– Потому что вы глупые и ограниченные женщины, – возразил я.

– В смысле компактные? – уточнила Исида.

– Среднестатистические, – подчеркнул я. – А также угнетенные Тертуллианом! Вам говорят, что матрас надувной один, а вы сопротивляетесь.

– Мы негодуем, – возразила Исида. – Почему ты выбрал самое теплое место?! В середине! И при чем здесь какой-то Тертуллиан?!

– Писатель и богослов, – снова подчеркнул я. – Он ввел в обиход семь смертных грехов, а я их объединил! Во всяком случае два – прелюбодеяние и разврат.

Конечно, я мог добавить, что в двадцать первом веке уже не вижу значительной разницы между вероотступничеством, идолопоклонством и богохульством, а еще один грех – обман – считаю писательским ремеслом, но так получилось, что мы с Исидой заговорили сперва о разврате, и я сосредоточился на этой теме, дабы не растекаться мыслью по древу.

– Мне кажется, что Тертуллиан не уважал чувств неверующих, – брякнул я, но без особой надежды, что Юлечка и Сидулечка все-таки воспользуются моим эмоциональным предложением и лягут «по краям».

– А тебе не кажется, – спросила Юлия Феликс, выходя из ванной, – что число твоих жен равняется семи грехам?

Одно полотенце она накрутила на голову, а в другое обернулась сама.

– Во-первых, ты злонамеренно ошибаешься, – заметил я. – У меня было пять жен, исключая присутствующих. А во-вторых... Где ты взяла чистые полотенца, да вдобавок в таком количестве?

– С собой привезла, – сказала Юлия Феликс. – У меня ведь была гостиница... А вы по-прежнему обретаетесь в коридоре?

– Мы выясняем расклад сил, – пояснила Исида. – Мужских и женских... К тому же я опасаюсь идти на кухню без моральной поддержки.

– Я бы тоже одна не рискнула, – поддакнула Юлия Феликс. – Ингмар Кляйн не считается.

– Да я и сам туда захожу редко, – присовокупил я и осторожно заглянул в комнату, что побольше. – Вы не поверите, девочки, но тут появился мой любимый диван. Наверное, сам вернулся.

– Соскучился, – предположила Юлия Феликс. – Или у бывшей жены совесть прорезалась.

– И, как всегда, не вовремя, – пробурчал я, потому что с одним надувным матрасом все было куда как определеннее.

А теперь опять непонятно – кто и где будет спать и в каком составе.

– Надо отнять у нее ключи, – постановил я по поводу бывшей жены. – Чтобы она тут больше не шлялась и не лезла в мою личную жизнь.

– Действительно наглость! – поддержала меня Юлия Феликс. – Вначале диван, а потом и сама вдруг вернется. Такие действия бывших жен надо пресекать на корню! А холодильник она оставила?

– Это святое, – безапелляционно заявил я.

Потому что жены имеют привычку со мной разводиться летом, а где мне прикажете охлаждать пиво сразу же после раздела имущества?

– Так что пойдете на кухню и предадимся веселью и чревоугодию! – важно предложил я на полных правах хозяина холодильника. – И как мы додумались затовариться по дороге из аэропорта?!

– Ну, до этого было несложно додуматься, – хмыкнула Исида. – Как только нам встретился первый рекламный плакат, ты сразу же объявил, что дальше никуда не поедешь, покуда основательно не затоваришься.

– А разве я виноват, что пиво и девушки нещадно эксплуатируются в рекламе?! – удивился я. – А у меня возникает непроизвольное слюноотделение.

– Да, – согласилась Исида. – Ты жертва! Только на том плакате были одни девушки.

– Зато много, – припомнил я. – Что и вызвало резонанс!

И, подгоняемый этими разговорами, я подхватил пакеты с провизией и поспешил вместе с Юлией Феликс на кухню, тогда как Исида достала из чемодана два полотенца и отправилась принимать душ. Как будто нельзя выпить пива, а после плескаться в собственное удовольствие.

– Так ты решил, что две жены одновременно – это лучше, чем пять по очереди? – невинно спросила Юлия Феликс, шурша пакетами.

Я заполнял холодильник бутылками с пивом и потому ответил не сразу, чтобы не сбиться со счета.

– Странно, – заметил я, изучая срок годности, указанный на бутылке. – Почему девять муз только приветствуются, а две жены не поощряются? Вот я, мужчина, затюканный музами, ответственно

заявляю, что бардак все равно один! Ведь на самом-то деле не имеет значения – сколько, а важно – как.

– Только не заливай мне про затюканных мужчин, – попросила Юлия Феликс. – И по-моему, чем больше муз, тем меньше от такого поэта проку.

– Это сугубо женский взгляд на вещи, – возразил я. – Женско-собственнический!

– Ну что же, – пожала плечами Юлия Феликс. – Поживем – увидим. Во всяком случае, мне не жалко... А какие гарантии?

– Полная свобода совести, если она есть! – продекларировал я. – Кстати... Ты говоришь о чем?

– А ты о чем? – уточнила Юлия Феликс.

– Ваша нынешняя жена сообщает, что не настаивает на продолжении брачных отношений по христианскому обряду, – растолковала Исида.

Она заявила на кухню в таком же комплекте из двух полотенец, как Юлия Феликс. И поэтому выглядела как древнегреческая богиня в короткой тунике.

– Нехорошо подслушивать, – покачал головой я.

– Да я и не думала, – отбрехала Исида. – У нас ретранслятор. И все, что ты говоришь, мгновенно передается от Юлии Феликс мне, а от меня – Юлии Феликс...

– Прямо не женщины, а какие-то киборги, – поежился я.

И надо заметить, что за время нашей непринужденной беседы Юлия Феликс успела вымыть посуду, протереть реликтовый стол и приготовить салат, а я только выпить пива, зато полторы бутылки.

– У нас, к сожалению, мало времени на бардак, – сообщила Юлия Феликс весьма деловито и попросила Исиду: – Достань из морозилки лед.

– Это еще зачем? – насторожился я. – Не понимаю...

– А что надо отключать холодильник, когда уезжаешь в отпуск, ты понимаешь? – ласково осведомилась Юлия Феликс.

– Нет, – честно, но с вызовом в голосе признался я. – И куда вы теперь хотите засунуть лед?

– В мартини. – Юлия Феликс развернула последний пакет и показала мне купленную по пути из аэропорта бутылку. – А ты на что

надеялся?

– От вас можно всего ожидать, – пробурчал я. – Тогда почему у нас мало времени на бардак?

МУЗА. ТУТ, БАРИН, НАШИ ПУТИ РАСХОДЯТСЯ. ДАЛЬШЕ ПОЙДЕШЬ ОДИН...

Содом и Гомера «Метаморфозы»

Вдруг из гардеро-ПА
вышла Каллиопа!

Смотришь в книгу —
видишь Каллипигу!

– Потому что этому дому надо устроить капитальный ремонт, – сказала Юлия Феликс. – И чем раньше, тем лучше...

– О каком капитальном ремонте ты говоришь? – уточнил я. – Ясное дело, что все мужчины бабники и пропойцы, и если их на этом поприще обескуражить, то всю освободившуюся энергию они направляют в литературу. И пишут, и пишут разную дребедень, а ведь в бабниках больше толку, чем в литераторах, не говоря уже о пропойцах...

– Я говорила о доме Трагического поэта, – перебила меня Юлия Феликс, – что находится на моем участке земли и только разрушается в запустении. Я думаю, что тебя пора переселить в отдельно стоящее помещение. Как злостного нарушителя девяти с половиной заповедей. Ибо сказано: не прославляй, не восхищайся, не цвети, не пой, не танцуй, не чувствуй, не обожествляй, не беснуйся, не голоси и не хлопай женщин по попке!

– Вот так так! – нахмурился я и мысленно распрощался со своей камеркой на втором этаже. – И что я тогда буду делать в этом доме Трагического поэта?

– Предаваться поэтическому вдохновению, – фыркнула Исида.

А могла бы и промолчать, негодяйка. Вот кто подначивал этого «гладиатора» устроить бардак в борделе?!

– И, чтобы тебе не было скучно, – добавила Юлия Феликс, – и не возникало соблазна снова пройтись по девочкам, мы разделим неделю на количество дней!

– Как это? – заинтересовался я.

– А сейчас увидишь, – пообещала Юлия Феликс и обратилась к Исиде: – Ты что выбираешь – вторник или четверг?

– И то и другое! – вольно определилась бесстыжая Исида, да еще и откинулась развратным образом на спинку стула.

– Будь осторожнее, – предупредила Юлия Феликс. – Он очень древний, того и гляди развалится...

– Кто?! – взъерепенился я.

– Стул, – сообщила Юлия Феликс. – А я тогда выбираю среду и пятницу!

– Да вы ополоумели! – взбунтовался я. – Или хотите сказать, что четыре раза в неделю я буду вынужден заниматься сексом?! И непосредственно с вами?!

– Сам напросился, – отрезала Юлия Феликс. – Ведь одной жены тебе не хватало! А теперь у тебя их две! И целых три дня для свободного времяпрепровождения! Или ты недоволен?

– Я просто хотел напомнить, что жены это тебе не девочки, – пояснил я.

– Ну что же, – ответила Юлия Феликс, – мне остается только посочувствовать. А станешь возникать, пригласим и третью жену, чтобы тебя не посещали мысли о девочках в субботу и воскресенье! Так что займись-ка лучше ремонтом...

Спорить было бессмысленно. Поэтому я демонстративно покинул этрусский атрий, где состоялся этот беспрецедентный разговор, и пошел поглазеть на дом Трагического поэта, для общего понимания возникшей проблемы. А может быть, и дилеммы: послать всех сестер к чертовой матери или проигнорировать. Потому что с женой необязательно заниматься сексом, ведь можно прикинуться наполовину больным и до утра читать Геродота.

Итак, в двенадцать часов пополудни я вышел в сад, плюнул на дом Трагического поэта с приличного расстояния и отправился напрямиком в кабак, благо он находился буквально рядом. И поэтому в

пять минут первого я наливал себе первый бокал фалерна и размышлял о судьбах римской интеллигенции, что не может спокойно заложить за галстук у себя дома.

А заниматься бумагомаранием надо на склоне лет, когда нет никакой возможности и выпить бочку, и обнадежить пятьдесят девушек, ну разве что – пощипать. Мол, у дедушки руки загребущие, глаза завидующие, словом – не проходите мимо! И что я хочу сказать начинающим литераторам: берегите потенцию смолоду, тогда и на старости лет порадуетесь. А то неудобно смотреть на немощные мемуары. Что может о нас подумать подрастающее поколение, когда в академических сочинениях нет бравых примеров из личной жизни?!

Короче говоря, трезвый мужчина упирается рогом в какую-нибудь проблему, а даже слегка подвыпивший – находит ее надуманной! И как только я осушил первый бокал, то почувствовал целый ряд преимуществ, что сулило мне проживание в доме Трагического поэта. Во-первых, никаких тебе вазочек! А во-вторых, никаких цветочков! И в-третьих, покуда я находился в кабаке и дегустировал за бокалом бокал, у меня образовался философски настроенный собутыльник, который тоже поплевывал на проблемы в порядке их поступления. И едва мы уравнились в своем настроении – выпить море, я задал неактуальный вопрос:

- А чем вообще занимаетесь?
- Предохраняю скалы от столкновения, – охотно ответил он.
- Симплегады? – уточнил я.
- Их, – заверил он.
- И как вы это делаете? – заинтересовался я.
- Качаюсь вместе с ними, – поведал мой собутыльник.
- А пьете для пущей синхронности? – не унимался я.
- Вот именно, – подтвердил он. – Дабы войти в резонанс.

Тут он решил, что от слов пора перейти к делу, и стал совершать колебательные движения из стороны в сторону, не забывая при этом тарачиться во все глаза на далекие симплегады.

– Но если скалы столкнутся, – заметил я, – у вас появится шанс протрезветь.

– А что толку в таком реализме? – возразил мой собеседник, не прекращая свои безобразия. – Что толку в таком реализме, – повторил

он, – где скалы стоят на месте, где у каждого человека две руки, две ноги и одна жена...

– Вы просто не понимаете своего счастья, – горько ухмыльнулся я. – Намного хуже приходится человеку, у которого две жены.

– И что же здесь плохого? – удивился он. – Они же не сталкиваются?

– Между собой нет, – согласился я. – Но мне все равно перепадает.

– А для чего же вы шляетесь между ними? – озадачился собутыльник. – И проявляете чудеса акробатики. Ну, значит, судьба ваша такая – вечно летать между скалами белым голубем и заземлять себе хвост.

– А тут вдобавок меня одолели музы... – пожаловался я.

– Я что-то не понял, – развел руками мой собеседник. – Кто в конечном итоге вас одолел? Музы или жены?

– Точно не знаю, – ответил я. – Я еще нахожусь в творческом поиске.

– Пора заканчивать эти поиски, – посоветовал собутыльник. – И начинать качаться...

Тут он снова продемонстрировал, как это делается надлежащим образом.

– Вы ведь писатель? – осведомился он.

– Какой-никакой! – подтвердил я.

– А значит, способны в любой момент написать «Vale!», поставить точку и праздновать победу здравого смысла над графоманией! – резюмировал мой собеседник. – Я видел много литературных деятелей, что так и поступали: два месяца пишут, а два вибрируют... Войдите с ними в резонанс!

– Сейчас времена не те, – возразил я. – Статуи прежних литературных кумиров, можно сказать, довибрировались и попадали со своих постаментов, а просто взять и поставить «Vale!» я не могу – читатели таких слов не поймут и обвинят в скотоложстве. Ну или в чем-нибудь похуже... Короче говоря, черт его знает, что им взбредет в голову.

– Это какие-такие читатели? – поинтересовался мой собутыльник. – Которые даже Пушкина не читали? «...Потолковать об Ювенале, в конце письма поставить vale...» Да и какая вам разница – обвинили, не обвинили, когда вы поставили точку и уже качаетесь во

всю ивановскую! Ну и пусть не входят с вами в резонанс! А пребывают в гармонии с окружающей литературой.

– Они просто очень озлоблены, – пояснил я, – нынешние читатели. Ведь раньше дела обстояли как? Собиралась банда литературных подонков и диктовала свои условия – какого писателя можно читать, а какого в бараний рог заворачивать. А после недавнего землетрясения всех бросили на произвол судьбы. Писателей развелось, как тараканов – они-то всегда выживут, а вот читателей заметно поубавилось.

– Их потравили новой литературой, – поддакнул мой собеседник.

– Давайте не будем столь определенны, а скажем «современными препаратами», – предложил я. – Или «пиаром». Тоже ядреная штука для разгона демонстраций, должен вам доложить, все мозги вышибает напрочь! Вдобавок литература осталась какая была, но мнения у читателей разделились. И нынче уже немодно поставить книгу на полку и похвастаться дефицитным товаром, а считается сверхостроумным заявить о собственном идиотизме под видом личного мнения. Ведь это позорище, когда говорят, что приключения Дон-Кихота Ламанчского – наискучнеешая книга всех времен и народов, а Вася Ляпкин – наоборот, великолепный автор.

– Да где же взять столько Гомеров?! – ухмыльнулся мой собеседник. – Для беспробудного книгопроизводства.

– Надо не брать, а понимать, – возразил я, – что Вася Ляпкин пишет руками. А его поклонники читают глазами. То есть ни в том, ни в другом случае мозг не задействован. И можно здесь говорить о продажах, но оставьте в покое литературу.

– Это ваше личное мнение? – с ехидцей спросил мой собеседник.

– Ну разумеется, – подтвердил я. – Но я на нем не настаиваю и в прениях не участвую. Это мое впечатление.

– Импрессионизм, – кивнул собутыльник. – А вот у меня складывается впечатление, что все лежит в руинах, а тут выезжает некий писатель на белом росинанте и декламирует свою поэму «О гибели Трои»! Я безотносительно, – быстро добавил он.

– Я тоже, – признался я. – Просто размечтался... Кстати, я так и пишу: день вдохновения, а за ним день редактуры.

Тут мы многозначительно помолчали, чтобы оценить ущерб от наших разговоров. Но, к счастью, никакого ущерба не было.

– Ну, если в конечном итоге день на день не приходится, – заметил мой собеседник, – то выпьем за среднесуточный уровень литературы! И чтобы читатель не опускался ниже ватерлинии!

– А вы по-прежнему сторожите катер? – осведомился я, как только мы сдвинули и опрокинули кубки.

И скорее всего, упомянутая ватерлиния пробудила во мне такие сложные ассоциации.

– Да, – не стал отпираться мой собеседник. – По-прежнему сторожу... Наш «Арго» всегда на плаву и готов отчалить! И хорошо, что напомнили, – мне пора!

Он быстро допил свой бокал, поспешно откланялся и в полной гармонии со своими симплегадами отбыл восвояси.

«Ну и хитрец этот боцман!» – подумал я. Но мне все-таки удалось выяснить, где этот прохиндей достает спиртное, и даже выпить с ним за аргонавтику!

Удовлетворенный подобным выводом, я решил, что больше в кабаке мне делать нечего и пора отправляться на боковую. Ведь главное – это собственный бок, а где его пристроить – дело второстепенное. Вот почему я выбрался из триклиния и направил свои стопы к дому Трагического поэта. Но первый раз промахнулся и попал в бассейн, что оказался в саду на моем пути. Конечно, закралось подозрение, что Юлечка и Сидулечка специально этот бассейн передвинули для моего быстреешего протрезвления (слово-то какое – сразу и не выговоришь), однако значительных земельных работ, что неизбежно возникают при переносе бассейнов с места на место, мною обнаружено не было, и поэтому я отбросил всякие мысли, аккуратно прицелился и попал в дом Трагического поэта со второго раза.

Да вот несчастье – споткнулся о чемоданы Юлии Феликс и скопытился прямо на пороге. А если учесть, что эти тяжеленные аксессуары порядком мне надоели, то можно представить, с каким удовольствием я принялся их пинать и приговаривать: «Вот тебе! Вот тебе!» Покуда не повредил себе ногу. И тогда, разуверившись в справедливости, я открыл чемоданы Юлии Феликс и вытряхнул все содержимое на пол. И как только сил хватило?! Потому что мудрый Эзоп ничего не записывал, а тут понавываливалась (тоже неподходящее слово) целая груда бумаги, состоящая из моих сочинений и черновиков! Чтобы им пусто было!

«А кто меня надоумил заняться литературой?!» – с негодованием подумал я.

После чего расшвырял свои рукописи как можно живописнее и окончательно распоясался.

– Музы, равняйся! Смирно! – заорал я неважно кому. – На первый-второй рассчитайся!

И конечно, мое вопиющее поведение не могло не привлечь внимания.

– Явился, – отметила Юлия Феликс.

– И всю качается, – поддакнула Исида. – Не рановато ли?

– Отставить разговорчики! – снова развозникался я. – Как обращаетесь к трагическому поэту?! Ваша задача вдохновлять и восхищаться! Вдохновлять и восхищаться!

– Вы, батенька, свои старорежимные замашки бросьте! – посоветовала Юлия Феликс.

– А то что?! – уточнил я.

– А то допрыгаетесь, – пояснила Исида. – Будете вдохновляться видами из окна!

– Великолепно! – заявил я. – Мне как раз не хватает описаний природы. И кстати, я знаю древнее заклинание против муз!

– Это еще какое? – удивилась Юлия Феликс.

– VALE! – страшным голосом прокричал я.

После чего завалился на свой любимый диван и потерял всяческий интерес к литературе.

Каллипига

Краткая биографическая справка

Юлия Феликс – муза, дочь Мнемосины. Вдохновляла писателей на исторические романы с момента обнаружения в Помпеях знаменитой надписи: «Во владениях Юлии Феликс и т. д.».

Исида (или Изиды) – муза, «у которой тысяча имен». Богиня воды, ветра, волшебства и мореплавания... Вдохновляла писателей и поэтов с древнейших времен.

Санкт-Петербург

февраль – июнь 2008 года

notes

Примечания

1

Моралия первая: «О пятнах Роршаха на моей совести».

Моралия вторая: «О городских сумасшедших».

3

Моралия третья: «О дамских сумочках».

4

Моралия четвертая: «О женских принципах и женской солидарности».

Моралия пятая: «О фашистах в Театре оперы и балета имени Голопузова».

6

Моралия шестая (как продолжение пятой): «О фашистах в Театре оперы и балета имени Голопупова».

Моралия седьмая: «О японской вычислительной технике».

Моралия восьмая: «О хитроумной Прокриде».

Моралия девятая: «Об аргонавтах».

Моралия десятая: «Об избиении женихов».

Hetaira – спутница (*греч.*); parasitos – сотрапезник (*греч.*).

Хронология первая: «24 августа. Последний день Помпеи».

Моралия одиннадцатая: «О характере».

Моралия двенадцатая: «Об английском джентльмене и его королеве».

Хронология вторая: «25 августа. Последний день Помпеи».

Моралия тринадцатая: «О неких частях тела».

Моралия четърнадцатая: «О конкурсе красоты».

Хронология третья: «26 августа. Последний день Помпеи».

Моралия пятнадцатая: «О разрушении Трои и троянской кобыле».